

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Зернышки в кармане

Annotation

Кто мог желать смерти крупного бизнесмена Рекса Фортескью? Практически все, кто его знал. Поэтому, когда жизнь Рекса оборвалась в результате выпитой чашки с отравленным чаем, подозреваемых, даже для проницательного инспектора Нила, оказалось слишком много. Но непревзойденная мисс Марпл, конечно же, знает убийцу. А изобличить его помогут... зернышки ржи, обнаруженные в кармане убитого.

По мотивам романа «Зернышки в кармане» в СССР в 1983 году был снят фильм «Тайна “Черных дроздов”».

- [Агата Кристи](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Агата Кристи
Зернышки в кармане

Действующие лица

Рекс Фортескью – выпивает свою последнюю чашку чаю, и именно в его кармане находят зернышки.

Инспектор Нил – человек весьма проницательный, хотя по его внешности этого не скажешь.

Крамп – дворецкий в «Тисовой хижине» Фортескью, любитель опрокинуть стаканчик.

Мэри Доув – толковая и не теряющая самообладания экономка, трагедия в «Тисовой хижине» ее, похоже, забавляет.

Сержант Хей – сподвижник и правая рука инспектора Нила.

Глэдис Мартин – горничная «Тисовой хижины», увы, не слишком сообразительная.

Миссис Крамп – повариха «Хижины», радуется за свое дело.

Ланселот Фортескью – блудный сын Рекса, великолепная черная овца семейства Фортескью.

Пэт Фортескью – его жена, куда уютнее чувствует себя в обществе лошадей, чем в обществе новых родственников.

Адель Фортескью – вторая жена Рекса, очень интересная женщина, если верить слухам, вышла замуж ради денег.

Вивиан Дюбуа – осмотрительный партнер Адель «по гольфу».

Дженнифер Фортескью – жена Персиваля, пухленькая клуша, любимое занятие – хождение по лондонским магазинам.

Элен – уборщица, чья матушка когда-то наказала ей не прикасаться к тисовым ягодам.

Мисс Рэмсботтом – свояченица Рекса, терпеть не может греха и распутства.

Элейн Фортескью – дочь Рекса, единственная из всего клана, кто подлинно скорбит.

Персиваль Фортескью – сын и деловой партнер Рекса, чопорный и привередливый, но никак не глупый.

Мисс Марпл – пожилая, но весьма смекалистая дама, имеющая свои соображения насчет дроздов.

Джералд Райт – школьный учитель, неофициально обрученный с Элейн.

Глава 1

Чай готовила мисс Сомерс. В компании «Консолидейтед инвестментс траст» она работала недавно и среди машинисток была самой бестолковой. Лучшие годы остались позади, на лице отпечаталось кроткое овечье беспокойство. Мисс Сомерс вылила в заварной чайничек невскипевшую воду – бедняжка никогда не знала наверняка, кипит чайник или нет. И конечно, ужасно из-за этого беспокоилась, как и из-за многого прочего в каждодневной жизни.

Она разлила чай и поставила чашки перед сослуживцами, положив на каждое блюдце две плиточки мягковатого печенья.

Мисс Гриффит, старшая седовласая машинистка, весьма толковая, не терпящая беспорядка дама, прослужившая в компании верой и правдой целых шестнадцать лет, резко бросила: «Вода снова не вскипела, Сомерс!» Кроткое и обеспокоенное лицо мисс Сомерс запунцовело, и она выдавила из себя: «Боже, уж на этот раз я была уверена, что она вскипела».

Ладно, подумала мисс Гриффит, подержим ее еще месяц, пока у нас работы невпроворот... Ну в самом-то деле! А что эта заторможенная натворила с письмом в «Истерн дивелопмент» – надо же так наломать дров! Про чай и говорить нечего. Да где такую найдешь, чтобы и на машинке бойко стучала, и чтобы голова на плечах была... и банку с печеньем в прошлый раз не закрыла как следует. Н-да...

Внутренние, полные негодования монологи мисс Гриффит часто оставались неоконченными – так вышло и сейчас.

В комнату вплыла мисс Гросвенор – совершить священный обряд приготовления чая для мистера Фортескью. Мистеру Фортескью чай заваривали по-особому, он пил его из особой фарфоровой посуды и заедал особым печеньем. Только чайник и вода из-под крана были те же. Но для чая мистера Фортескью вода вскипела. Мисс Гросвенор проследила за этим лично.

Мисс Гросвенор была блондинкой, до того роскошной, что дух захватывало. Она носила черный, ладно сидевший костюм от дорогого портного, на стройных ножках красовались самые лучшие и самые дорогие нейлоновые чулки с черного рынка.

Не удостоив машинисток словом или взглядом, она выплыла из их комнаты. Стоит ли обращать внимание на всяких насекомых? Мисс Гросвенор была не кем-нибудь, а личной секретаршей мистера Фортескью.

Злые языки намекали, что этим ее обязанности не ограничивались, но в данном случае сплетня была лишь сплетней. Мистер Фортескью недавно во второй раз женился на роскошной и дорогой женщине, вполне способной завладеть его вниманием целиком и полностью. Для мистера Фортескью мисс Гросвенор была лишь неотъемлемой частью служебного интерьера, во всех отношениях исключительно шикарного и дорогого.

Мисс Гросвенор плыла, держа перед собой поднос, будто исполняла ритуал жертвоприношения. Небольшая приемная, комната ожидания, куда допускались наиболее значительные клиенты, ее собственный кабинет и, наконец, после легкого стука в дверь – святая святых, кабинет мистера Фортескью.

Это была просторная комната, кое-где на надраенном до блеска паркетном полу лежали дорогие восточные ковры. Кабинет был изысканно отделан светловатым деревом, громадные набивные кресла обтянуты светло-желтой кожей. За гигантским столом из платана, естественным центром всей комнаты, восседал мистер Фортескью.

Не сказать, чтобы мистер Фортескью полностью «тянул» на свой кабинет, но все же выглядел вполне внушительно. Это был дородный, слегка одряхлевший мужчина с блестящей лысиной. Потакая своей прихоти, на работе он носил свободный твидовый пиджак, более уместный для загородных прогулок. Он хмуро изучал какие-то бумаги. Мисс Гросвенор приблизилась к нему грациозным лебедем, поставила поднос на стол возле его локтя, ровным негромким голосом объявила: «Ваш чай, мистер Фортескью» – и вышла.

Мистер Фортескью, как того требовал ритуал, в ответ просто хмыкнул.

Мисс Гросвенор возвратилась к делам, ждавшим ее внимания. Сделала два звонка по телефону, проверила отпечатанные письма, прежде чем отнести их мистеру Фортескью на подпись, ответила на звонок из города.

– Боюсь, сейчас это невозможно, – сказала она в трубку, и в ее голосе зазвучали высокомерные нотки. – Мистер Фортескью занят.

Повесив трубку, она взглянула на часы. Было десять минут двенадцатого.

Вдруг через дверь кабинета мистера Фортескью, обитую звуконепроницаемой материей, донесся какой-то странный звук. Это был вопль, приглушенный изоляцией, но сомневаться не приходилось, так вопят от боли и ужаса. Тотчас на столе мисс Гросвенор включился сигнал – долгие, отчаянно зовущие гудки. Мисс Гросвенор на мгновение оцепенела, потом неуверенно поднялась на ноги. При встрече с неожиданным она пасовала. Однако, следя за осанкой, она подошла к двери мистера

Фортескью, постучала и вошла.

Но увиденное заставило ее начисто забыть об осанке. Лицо ее хозяина, сидевшего за столом, исказила боль. Его трясло в конвульсиях, и это было пугающее зрелище.

– Боже, мистер Фортескью, вам плохо? – спросила мисс Гросвенор, в ту же секунду осознав, сколь глуп ее вопрос.

Мистеру Фортескью было плохо, и даже очень – сомневаться не приходилось. Она увидела, подходя к столу, что ее босс буквально извивается от боли.

Слова выскакивали из него прерывистыми всхлипами:

– Чай... что, черт дери... вы положили в чай... скорее помощь... врача...

Мисс Гросвенор вылетела из кабинета. Всю ее надменность роскошной блондинки-секретарши как рукой сняло. Теперь это была до смерти перепуганная, потерявшая голову женщина.

Она вбежала в комнату машинисток с криком:

– У мистера Фортескью припадок... он умирает... надо срочно врача... у него такой жуткий вид... боже, он вот-вот умрет!

Со всех сторон посыпались советы, весьма разнообразные.

Мисс Белл, самая молодая машинистка, воскликнула:

– Если это эпилепсия, ему нужно сунуть в рот пробку. Пробки ни у кого нет?

Пробки не оказалось.

– В его возрасте... может, это апоплексический удар, – предположила мисс Сомерс.

– Надо вызвать доктора – немедленно, – распорядилась мисс Гриффит.

Однако ее обычная деловитость дала сбой – за шестнадцать лет службы ей ни разу не приходилось вызывать на работу врача. Ее лечащий врач далеко, в Стритэм-Хилле. А поблизости есть доктор, никто не знает?

Никто не знал. Мисс Белл схватила телефонный справочник и начала искать докторов под буквой «Д». Но справочник оказался алфавитным, и доктора не были сведены в одну колонку, как такси. Кто-то предложил позвонить в больницу, но в какую? Нужна больница этого района, настаивала мисс Сомерс, иначе толку не будет. Медицина-то нынче бесплатная. А раз так, в другой район нипочем не поедут.

Кто-то предложил набрать 999 и вызвать «неотложку», но мисс Гриффит даже замахала руками – как можно, ведь тогда придется разбираться с полицией! Для граждан страны, где право на медицинскую помощь имеет каждый, группа вполне разумных женщин проявила

поистине исключительное невежество. Мисс Белл раскрыла справочник на букву «С» и стала искать «Скорую помощь». А ведь наверняка у него есть свой доктор, предположила мисс Гриффит, не может у него не быть доктора. Кто-то бросился за справочником личных телефонов. Мисс Гриффит вызвала курьера и велела ему бежать на улицу и найти доктора – как угодно, где угодно. В справочнике личных телефонов мисс Гриффит нашла сэра Эдвина Сэндмена, проживавшего на Харли-стрит. Мисс Гросвенор рухнула в кресло и запричитала голосом, куда менее поставленным, чем обычно:

– Я приготовила чай, как всегда... нет, правда... не могло в нем ничего быть...

– Не могло ничего быть? – Палец мисс Гриффит замер в диске телефона. – При чем тут чай?

– Он... мистер Фортескью... сказал, что все дело в чае...

Мисс Гриффит застыла в нерешительности. Куда же звонить: доктору или в «неотложку»? Мисс Белл, из молодых да ранних, заявила:

– Надо дать ему горчицу с водой – прямо сейчас. У нас тут горчицы нет?

Горчицы не было.

Через некоторое время к зданию почти одновременно подкатили две кареты «Скорой помощи», а в лифте встретились доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин и сэр Эдвин Сэндмен. И телефон, и мальчишка-курьер свою задачу все-таки выполнили.

Глава 2

Инспектор Нил сидел в святилище мистера Фортескью за его огромным платановым столом. Один из его подручных с записной книжкой пристроился на стуле возле двери.

Инспектор Нил был бравого вида мужчина с военной выправкой, чуть выющиеся темные волосы, зачесанные наверх, открывали довольно низкий лоб. Когда он говорил: «Это дело обыденное», те, к кому он обращался, нередко с презрением думали: «А ты только на обыденное и способен!» Они ошибались. Да, внешность Нила не давала особой пищи для фантазии, но сам он был вдохновенный фантазер, и один из его методов расследования сводился вот к чему: он выдвигал какую-нибудь диковинную версию и тут же примерял ее к человеку, которого в данный момент допрашивал.

Он немедля и безошибочно определил – краткий и точный отчет о происшедшем ему даст мисс Гриффит. И действительно, заведя его в кабинет босса, она блестяще изложила утренние события. Когда она вышла, инспектор Нил выдвинул три отдельные, весьма неординарные причины, по которым преданная *doyenne*^[1] машинистка могла бы подсыпать яд в утренний чай своего хозяина, и все их отверг как маловероятные.

Во-первых, мисс Гриффит не похожа на отравительницу; во-вторых, она не влюблена в своего босса; в-третьих, психической неуравновешенности как будто не наблюдается; в-четвертых, она не из тех женщин, которые держат камень за пазухой. Таким образом, мисс Гриффит можно использовать лишь как источник достоверной информации.

Инспектор Нил посмотрел на телефон. В любую минуту могли позвонить из больницы Сент-Джудс.

Конечно, не исключено, что внезапная болезнь мистера Фортескью была вызвана естественными причинами, но доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин придерживался другого мнения, равно как и сэр Эдвин Сэндмен с Харли-стрит.

Инспектор Нил нажал кнопку вызова, удобно встроенную в стол рядом с его левой рукой, и попросил зайти к нему личную секретаршу мистера Фортескью.

Мисс Гросвенор отчасти удалось восстановить свою горделивую осанку, но лишь отчасти. Она вошла испуганная, лебединого скольжения не

было и в помине, и сразу же агрессивно заявила:

– Я этого не делала!

– Правда? – пробурчал инспектор Нил как бы между прочим.

Он указал ей на кресло, в которое мисс Гросвенор всегда садилась с блокнотом в руках, когда мистер Фортескью вызывал ее для диктовки. Она неохотно села и встревоженным взглядом окинула инспектора Нила. Инспектор Нил, тотчас давший волю своей фантазии: соблазн? шантаж? платиновая блондинка перед судом присяжных? и так далее – вселял спокойствие и выглядел слегка глуповатым.

– С чаем ничего не было, – с ходу вступила мисс Гросвенор. – И быть не могло.

– Понятно, – сказал инспектор Нил. – Будьте любезны, ваша фамилия и адрес.

– Гросвенор, Айрин Гросвенор.

– Как именно пишется фамилия?

– Как площадь. ^[2]

– Адрес?

– Рашмур-роуд, четырнадцать, Масвелл-Хилл.

Инспектор Нил с удовлетворенным видом кивнул. Соблазн отпадает, сказал он себе. Как и любовное гнездышко. Респектабельный дом, живет с родителями. Шантаж тоже ни при чем.

Очередной набор умозрительных теорий – в корзину.

– Значит, чай готовили вы? – любезным тоном спросил он.

– Да, так вышло. То есть это вообще моя обязанность.

Не спеша инспектор Нил выудил из нее весь ритуал утреннего чая мистера Фортескью. Чашку, блюдце и заварной чайник уже запаковали и отправили в соответствующий отдел на анализ. Теперь инспектор Нил выяснил, что к чашке, блюдцу и заварному чайничку прикасалась Айрин Гросвенор, и только она. Воду в чайник, которым пользовались все сотрудники, из-под крана наливала опять же мисс Гросвенор.

– А сам чай?

– Мистер Фортескью пьет свой чай, особый, китайский. Он стоит на полке в моей комнате, за этой дверью.

Инспектор Нил кивнул. Спросил насчет сахара и выяснил, что сахар мистер Фортескью в чай никогда не кладет.

Зазвонил телефон. Инспектор Нил взял трубку. Выражение его лица слегка изменилось.

– Сент-Джудс?

Он кивнул мисс Гросвенор, давая понять, что она свободна.

– Пока все, мисс Гросвенор, спасибо.

Мисс Гросвенор торопливо покинула кабинет.

Инспектор Нил внимательно вслушивался в звуки писклявого и бесстрастного голоса, летевшего по проводам из больницы Сент-Джудс. Он сделал карандашом несколько загадочных пометок на уголке лежавшего перед ним блокнота.

– Умер пять минут назад? – переспросил он.

И тут же скосил глаза на часы. Записал: двенадцать сорок три.

Бесстрастный голос сообщил, что с инспектором Нилом желает говорить сам доктор Бернсдорф.

– Хорошо, – согласился инспектор Нил, – давайте его сюда, – слегка шокировав владелицу голоса такой беспардонностью, ибо она произнесла имя доктора с явным почтением.

Послышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса где-то вдалеке. Инспектор Нил терпеливо ждал.

Потом безо всякого предупреждения его оглушил густой бас – он даже отодвинул трубку от уха.

– Привет, Нил, старый стервятник. Опять со своими трупами?

Инспектор Нил и профессор Бернсдорф познакомились примерно год назад – велось дело об отравлении – и с тех пор изредка перезванивались и встречались.

– Что, док, наш человек умер?

– Да. Когда его привезли сюда, было уже поздно.

– А причина смерти?

– Само собой, будет вскрытие. Вообще случай довольно интересный. Я даже рад, что мне придется им заниматься.

Профессиональный задор в богатом обертонами голосе Бернсдорфа сказал инспектору Нилу по крайней мере об одном.

– Ты считаешь, что смерть не была естественной, – сухо констатировал он.

– Какая там, к чертям собачьим, естественная, – экспансивно прогремел доктор Бернсдорф. – Пока это, сам понимаешь, неофициально, – с запоздалой осторожностью добавил он.

– Понимаю. Понимаю. Само собой. Его отравили?

– Несомненно. Мало того – только это неофициально... строго между нами, – готов побожиться, что знаю, чем именно.

– В самом деле?

– Токсином, сын мой. Токсином.

– Токсин? Первый раз слышу.

– Не сомневаюсь. Совершенно необычный яд! Восхитительно необычный! Я бы и сам нипочем его не распознал, но с месяц назад у меня был похожий случай. Ребятишки играли в дочки-матери, так вот, они сорвали с тисового дерева ягоды и положили их в чай.

– И тут это же? Ягоды тисового дерева?

– Ягоды или листья. Очень ядовитые. Токсин – это, разумеется, алкалоид. Что-то не помню, чтобы его применяли намеренно. Весьма интересный и необычный случай... Ведь все травят друг друга гербицидами, эти гербициды у меня уже в печенках сидят. А токсин – это просто конфетка. Я, конечно, могу и ошибаться – и ты, ради бога, на меня пока не ссылайся, – но сдаётся, что я прав. Да и тебе небось такое дело интересно. Все-таки что-то новенькое!

– Все поют и веселятся, да? Кроме жертвы.

– Увы, несчастному не повезло, – согласился доктор Бернсдорф без особого огорчения в голосе. – Сыграл в ящик.

– Он перед смертью что-нибудь сказал?

– Один из твоих людей сидел около него с блокнотом. Он все записал, слово в слово. Тот что-то бормотал насчет чая... будто ему на работе что-то подсыпали в чай... но это, конечно, бред.

– Почему бред? – резко спросил инспектор Нил, чье воображение уже нарисовало такую картину – роскошная мисс Гросвенор подкладывает ягоды тисового дерева в заварной чайничек. Но он отмел эту версию как несостоятельную.

– Потому, что этот яд не мог сработать так быстро. Симптомы проявились сразу, едва он выпил чай, верно?

– Свидетели говорят, что так.

– Ядов, которые действуют мгновенно, почти нет – за исключением цианидов, разумеется, да, пожалуй, еще чистого никотина...

– А цианид и никотин тут явно ни при чем?

– Мой дорогой друг. Он бы умер еще до приезда «Скорой помощи». Нет, то и другое исключено. Я было заподозрил стрихнин, но тогда откуда конвульсия? Короче, готов поставить на кон свою репутацию – неофициально, конечно, – это токсин.

– А он через сколько времени начинает действовать?

– По-всякому. Через час. Два или даже три. Покойник, видимо, был большой любитель поест. Если он плотно позавтракал, действие яда могло замедлиться.

– Завтрак, – задумчиво произнес инспектор Нил. – А что, вполне может быть.

– Завтрак с Борджиа.^[3] – Доктор Бернсдорф весело рассмеялся. – Ладно, дружище, удачной охоты.

– Спасибо, доктор. Соедини меня, пожалуйста, с моим сержантом.

Опять слышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса вдалеке. Потом трубка наполнилась тяжелым прерывистым дыханием – так бывало всегда, когда сержант Хей собирался заговорить.

– Сэр, – раздался его встревоженный голос. – Сэр.

– Нил слушает. Умерший сказал перед смертью что-нибудь важное?

– Сказал, что все дело в чае, который он выпил в своем кабинете. Но врач говорит, что...

– Это мне известно. Еще что-нибудь?

– Нет, сэр. Правда, кое-что мне показалось странным. На нем был костюм... я проверил карманы. Все, что у всех: платок, ключи, мелочь, бумажник... ну и вот это... чуждая находка. В правом кармане пиджака. Там была крупа.

– Крупа?

– Да, сэр.

– Что значит «крупа»? Сухие полуфабрикаты? «Завтрак фермера»? «Утифакс»? Или зерна пшеницы, ячменя...

– Именно, сэр. Зерна. Мне показалось, что это рожь. Довольно много.

– Понял... Странно... Может, это образцы... в связи с какой-нибудь торговой сделкой.

– Совершенно верно, сэр... но я решил, лучше вам сказать.

– Все правильно, Хей.

Несколько мгновений инспектор Нил, положив трубку, смотрел прямо перед собой. Его привыкший к порядку мозг переходил ко второй фазе расследования – до сих пор отравление лишь подозревалось, теперь же факт отравления был налицо. Профессор Бернсдорф хоть и говорил неофициально, но в таких делах на его слова можно положиться. Рекса Фортескью отравили, и яд ему, скорее всего, дали за два-три часа до появления симптомов. Выходит, сослуживцы умершего к смерти своего босса, судя по всему, не причастны.

Нил поднялся и вышел из кабинета. Сотрудницы пытались работать, но пишущие машинки стрекотали далеко не с самой высокой скоростью.

– Мисс Гриффит? Можно вас еще на минутку?

– Конечно, мистер Нил. Ничего, если я отпущу девушек пообедать? Время перерыва давно прошло. Или вам удобнее, чтобы они перекусили здесь? Тогда мы что-нибудь закажем.

– Нет. Пусть идут обедать. Но потом они должны вернуться.

– Разумеется.

Мисс Гриффит последовала за Нилом в кабинет босса. Села и приняла свойственный ей сосредоточенный и деловой вид.

Не ходя вокруг да около, инспектор Нил сообщил:

– Мне только что звонили из больницы Сент-Джудс. В двенадцать сорок три мистер Фортескью скончался.

Мисс Гриффит и бровью не повела, просто покачала головой.

– Я подозревала, что он сильно болен, – сказала она.

Надо же, подумал Нил, ничуть не расстроилась.

– Будьте любезны, расскажите о его семье, домашних.

– Пожалуйста. Я уже пыталась связаться с миссис Фортескью, но, видимо, она уехала играть в гольф. До вечера ее дома не будет. На какой площадке она играет, точно не известно. – Как бы объясняя, она добавила: – Они живут в Бейдон-Хит, а вокруг него есть три отличные площадки для гольфа.

Инспектор Нил кивнул. В Бейдон-Хит жила почти сплошь городская знать. Он отстоял от Лондона всего на двадцать миль, связь по железной дороге была бесперебойной, да и машиной добраться относительно легко, даже в часы пик.

– Будьте любезны, точный адрес и номер телефона.

– Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль. Дом называется «Тисовая хижина».

– Как? – Вопрос сорвался с губ помимо воли инспектора Нила. – Вы сказали «Тисовая хижина»?

– Да.

В глазах мисс Гриффит мелькнуло легкое любопытство, но инспектор Нил уже взял себя в руки.

– Пожалуйста, поподробнее о его семье, если можно.

– Миссис Фортескью – его вторая жена. Намного моложе его. Они поженились два года назад. Первая миссис Фортескью давно умерла. От первого брака у него два сына и дочь. Дочь живет с ним, как и старший сын, он совладелец фирмы. К сожалению, сейчас его нет – уехал по делам в Северную Англию. Должен вернуться завтра.

– Когда он уехал?

– Позавчера.

– Вы пытались до него дозвониться?

– Да. Как только мистера Фортескью увезли в больницу, я позвонила в Манчестер в отель «Мидленд», думала, он там, но сегодня утром он оттуда выписался. Вообще он собирался в Шеффилд и Лестер тоже, но это

неточно. Могу назвать фирмы в этих городах, с которыми он связан.

Да, подумал Нил, женщина деловая, и, взбреди ей в голову убить человека, она бы это провернула весьма по-деловому. Но он отогнал эти мысли и снова сосредоточился на фамильном древе семейства Фортеस्कью.

– А второй сын?

– Он разошелся с отцом во взглядах и живет за границей.

– Оба сына женаты?

– Да. Мистер Персиваль женат три года. Он и жена занимают отдельную квартиру в «Тисовой хижине», хотя скоро переезжают в собственный дом там же, в Бейдон-Хит.

– А до миссис Персиваль Фортеस्कью вы утром тоже не дозвонились?

– Она на весь день уехала в Лондон. А мистер Ланселот, – продолжала свою сагу мисс Гриффит, – женился меньше года назад. На вдове лорда Фредерика Энстиса. Вы, наверное, видели ее на фотографиях. В «Сплетнике» – рядом с лошадьми. И в колонках ипподромной хроники.

У мисс Гриффит слегка перехватило дыхание, щеки чуть запунцовели. Нил, чутко улавливавший настроение собеседника, понял: этот брак затронул в душе мисс Гриффит самые снобистские и самые романтические струны. В глазах мисс Гриффит аристократ всегда был аристократом, она словно и знать не знала, что репутация покойного лорда Фредерика Энстиса в спортивных кругах была весьма подмочена. Фредди Энстис пустил себе пулю в лоб, когда стюарды стали проявлять интерес к методам подготовки лошадей в его скаковых конюшнях. Нилу вспомнились кое-какие обрывочные сведения о жене Энстиса. Она была дочерью ирландского пэра и женой военного летчика, погибшего во время Битвы за Англию.^[4]

А теперь, судя по всему, она связала судьбу с паршивой овцой семейства Фортеस्कью, который «разошелся с отцом во взглядах», как напыщенно заметила мисс Гриффит, что, скорее всего, означало какой-то постыдный случай в карьере молодого Ланселота Фортеस्कью.

Ланселот Фортеस्कью! Вот это имя! А как зовут другого сына – Персиваль? Интересно, что за особа была их матушка? Станный вкус на имена...

Он пододвинул к себе телефон, набрал номер телефонной станции и попросил соединить его с домом по адресу: Бейдон-Хит, 34–00.

Через несколько секунд мужской голос произнес:

– Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль слушает.

– Мне нужно поговорить с миссис или мисс Фортеस्कью.

– Извините. Нет дома ни той, ни другой.

Инспектор Нил мгновенно определил: его собеседник пребывал в легком подпитии.

– Вы дворецкий?

– Точно так.

– Мистер Фортескью серьезно заболел.

– Знаю. Сюда уже звонили. Но я что могу поделать? Мистер Валь уехал на север, миссис Фортескью играет в гольф. Миссис Валь уехала в Лондон и вернется только к вечеру, а мисс Элейн тоже нет – умчалась к своим девочкам-скаутам.

– С кем мне поговорить насчет болезни мистера Фортескью? Неужели в доме никого нет? Это очень важно.

– Ну... не знаю, – с сомнением в голосе пробурчал дворецкий. – Есть мисс Рэмсботтом, но она даже к телефону не подходит. Есть мисс Доув – экономка, так можно сказать.

– Пожалуйста, попросите ее к телефону.

– Сейчас попробую разыскать.

В трубке был слышен звук его удаляющихся шагов. Через минуту-другую с инспектором заговорил – звука шагов на сей раз не было, видимо, трубку сняли в другом месте – женский голос:

– Мисс Доув слушает.

Голос был низкий, поставленный, с четкой дикцией. У инспектора Нила о мисс Доув сразу сложилось благоприятное мнение.

– Очень жаль, мисс Доув, что вынужден сообщить вам об этом, но совсем недавно в больнице Сент-Джудс скончался мистер Фортескью. Ему на работе вдруг стало плохо. Я хочу побыстрее связаться с его родственниками...

– Конечно. Я понятия не имела... – Она осеклась. Голос звучал ровно, но было ясно, что она потрясена. Подумав, она продолжала: – До чего неудачно. На самом деле вам нужно говорить с мистером Персивалем Фортескью. Все необходимые распоряжения будет делать он. С ним нужно связаться в отеле «Мидленд» в Манчестере или в отеле «Гранд» в Лестере. Или позвонить в лестерскую фирму «Ширер энд бондс». Боюсь, их номера телефона у меня нет, но я знаю, что он собирался им звонить, и они могут подсказать, где его найти. Миссис Фортескью наверняка вернется к обеду, а возможно, даже к чаю. Это будет для нее настоящий удар. Все произошло внезапно? Утром мистер Фортескью, когда уходил из дому, чувствовал себя нормально.

– Вы видели его перед тем, как он ушел?

– Да. А что случилось? Сердце?

– Сердце его раньше беспокоило?

– Нет... нет... не думаю... просто я решила, что раз так внезапно... – Она смолкла. – Вы говорите из больницы? Вы доктор?

– Нет, мисс Доув, я не доктор. Я говорю из города, из кабинета мистера Фортескью. Я детектив, инспектор Нил из департамента уголовной полиции, и я сейчас же направляюсь к вам.

– Детектив-инспектор? Вы хотите сказать... что вы хотите этим сказать?

– Произошла внезапная смерть, мисс Доув, а в случаях внезапной смерти на место происшествия вызывают нас, особенно если умерший давно не обращался к доктору, как, насколько я понимаю, и мистер Фортескью.

В голосе его прозвучал лишь намек на вопросительную интонацию, но экономка ответила:

– Да, это так. Персиваль дважды назначал ему встречу с доктором, но мистер Фортескью так и не пошел. Он вообще никого не желал слушать... они все так беспокоились...

Она помолчала, потом продолжала уверенным, как прежде, голосом:

– Если миссис Фортескью вернется до вашего приезда, что ей передать?

Вот это выучка, подумал инспектор Нил, дело – прежде всего.

Вслух он сказал:

– Передайте, что в случаях внезапной смерти мы проводим небольшое расследование. Вполне обыденное.

Он повесил трубку.

Глава 3

Отодвинув телефон в сторону, Нил пристально взглянул на мисс Гриффит.

– Оказывается, последнее время состояние мистера Фортескью беспокоило его домочадцев, – проговорил он. – Его хотели показать доктору. Вы мне этого не сказали.

– Я как-то об этом не подумала, – призналась мисс Гриффит и добавила: – Он не казался мне больным...

– Не больным... а каким же?

– Ну, слегка странным. Непохожим на себя. Что-то с ним происходило.

– О чем-то беспокоился?

– Нет, не то. Беспокоились как раз мы.

Инспектор Нил терпеливо ждал.

– Даже и не объяснишь. – Мисс Гриффит задумалась. – Иногда на него будто что-то накатывало. Вдруг становился каким-то ребячливым. Раза два я, честно говоря, думала, что он как следует приложился к бутылке... Начинал хвастаться, плести какие-то небылицы. Сколько я здесь работаю, насчет своих дел он никогда не распространялся – во всяком случае, ничего лишнего. А в последнее время заметно изменился, позволял себе какие-то экспансивные выходки, а уж деньгами просто швырялся. Совершенно не в его духе. К примеру, когда у нашего посыльного умерла бабушка, мистер Фортескью вызвал его, дал ему пять фунтов и велел поставить на второго фаворита, а сам прямо зашелся от смеха. В общем, не такой он был, как обычно. Вот, пожалуй, все, что я могу сказать.

– Может, у него что-то было на уме?

– В конкретном смысле слова – нет. Казалось, он предвкушает что-то приятное... волнующее.

– К примеру, надеялся заключить крупную сделку?

Мисс Гриффит согласно закивала головой:

– Да, это уже ближе. Будто каждодневные дела его больше не трогали. И все время был в возбужденном состоянии. К тому же ему стали наносить деловые визиты довольно странные типы. Раньше их здесь никогда не было. Мистера Персиваля это страшно беспокоило.

– Вот как?

– Да. Мистер Персиваль всегда пользовался полным доверием отца. Отец на него полагался. А в последнее время...

– Разладились отношения?

– Видите ли, многое из того, что делал мистер Фортескью, мистер Персиваль не одобрял. Мистер Персиваль человек довольно осторожный и благоразумный. И вдруг отец перестал прислушиваться к его мнению. Мистер Персиваль был этим очень удручен.

– Но до открытой ссоры дело не доходило? – забросил очередную удочку инспектор Нил.

– Насчет ссоры не знаю... но раньше кричать он себе не позволял, а тут... в общем, явно человек изменился.

– Значит, раскричался? И по какому поводу?

– Он вышел прямо в комнату машинисток...

– И вы все это слышали?

– Ну... да.

– И что же, он обзывал Персиваля... оскорблял его... клял на чем свет стоит? Тот что-то сделал против отцовской воли?

– Скорее как раз наоборот – он ничего не сделал... Мистер Фортескью обозвал его жалким и ничтожным крючкотвором, мелким клерком, неспособным вести дело с размахом. Кричал: «Я вызову домой Ланса. Он стоит десятерых таких, как ты... и жениться сумел удачно. У Ланса есть воля, пусть он однажды и рискнул пойти против закона...» Ой, это я уже болтаю лишнее! – Мисс Гриффит занесло, как случилось со многими, кто попадал в опытные руки инспектора Нила, и сейчас она словно отрезвела и страшно смутилась.

– Не переживайте, – успокоил ее инспектор Нил. – Прошное есть прошное.

– Да, это история давняя. Мистер Ланс был молод, честолюбив и не всегда отдавал себе отчет в своих поступках.

Подобное толкование инспектор Нил слышал не первый раз и был с ним в корне не согласен. Тем не менее он не стал отвлекаться на дела минувшие и перешел к следующему кругу вопросов.

– Расскажите поподробнее о тех, кто здесь работает.

Мисс Гриффит, жаждавшая скорее позабыть о своей ошибке, засыпала инспектора сведениями о сотрудниках фирмы. Инспектор Нил поблагодарил ее и попросил еще раз пригласить к нему мисс Гросвенор.

Детектив-констебль Уэйт подточил свой карандаш. Не без зависти он заметил – кабинетик-то роскошный. Он обвел оценивающим взглядом огромные кресла, большущий стол, плафоны для отражения света.

– И имена у этой публики шикарные, – сказал он. – Гросвенор – прямо тебе герцогиня. А Фортескью – тоже имечко не из последних.

Инспектор Нил улыбнулся.

– Фамилия его отца была не Фортеस्कью, а Фонтеску – он выходец откуда-то из Центральной Европы. Наверное, решил, что Фортеस्कью звучит лучше.

Детектив-констебль Уэйт посмотрел на старшего по званию с восхищением.

– Так вам все про него известно?

– Просто перед тем, как ехать сюда, навел кое-какие справки.

– Может, его и к суду привлекали?

– О нет. Мистер Фортеस्कью был человеком умным. Кое-какие связи с черным рынком у него имелись, пару сомнительных, мягко говоря, операций он провернул, но за рамки закона не выходил.

– Ясно, – подытожил Уэйт. – Не сказать, что очень приятный тип.

– Ловкач, – дал определение Нил. – Но перед нами он чист. Управление налоговых сборов долго расставляло на него сети, но ему всякий раз удавалось выскользнуть. Покойный мистер Фортеस्कью был настоящим финансовым гением.

– Он из тех, – произнес констебль Уэйт, – у кого могут быть враги? – В голосе его слышалась надежда.

– О да, безусловно. Но не забывайте, что его отравили дома. По крайней мере, похоже на это. Знаете, Уэйт, у меня уже что-то вырисовывается. Нечто старое как мир и весьма знакомое. Есть хороший сын – Персиваль. И есть плохой – Ланс, с неотразимой внешностью. Есть жена, которая много моложе мужа и которая затрудняется сказать, на какой площадке она сегодня будет играть в гольф. Все это до боли знакомо. Но есть некий элемент, который никак не вписывается в общую картину.

– Какой? – спросил констебль Уэйт, но в эту секунду открылась дверь и на пороге появилась мисс Гросвенор. Она явно пришла в себя, ибо вплыла в кабинет во всем своем великолепии и надменно спросила:

– Вы хотели меня видеть?

– Я хотел задать вам несколько вопросов о вашем хозяине, точнее, вашем бывшем хозяине.

– Да, увы, – неубедительно согласилась мисс Гросвенор.

– Меня интересует, не заметили ли вы в нем каких-нибудь перемен в последнее время.

– Представьте себе, заметила. Да, заметила.

– Какие же?

– Так прямо и не скажешь... Вдруг начинал нести какую-то ерунду. Я и наполовину не могла поверить в то, что он говорит. Стал легко выходить

из себя, особенно с мистером Персивалем. Не со мной, я, разумеется, никогда с ним не спору, всегда соглашаюсь: «Хорошо, мистер Фортескью», – даже если он выдумывает бог знает что... то есть выдумывал.

– А он никогда... не пытался за вами приударить?

В ответе мисс Гросвенор прозвучало легкое сожаление:

– Чего не было, того не было.

– Еще один вопрос, мисс Гросвенор. У мистера Фортескью была привычка держать в карманах зерно?

Мисс Гросвенор выказала живейшее удивление:

– Зерно? В карманах? В смысле, чтобы кормить голубей или что-то в этом роде?

– Может, и для этой цели.

– Нет, такого за ним не водилось. Мистер Фортескью? Кормить голубей? Нет, исключено.

– А не мог ли ячмень... или рожь оказаться сегодня в его кармане по какой-нибудь особой причине? Скажем, образцы продукции? Какая-нибудь сделка, связанная с зерном?

– Нет. Сегодня днем должны приехать нефтяники из Азии, из фирмы «Азиатик ойл». И строители – президент компании «Аттикус билдинг»... Больше никого.

– Ну что ж... – Нил взмахнул рукой, давая понять, что разговор на эту тему окончен и мисс Гросвенор свободна.

– Ножики – просто загляденье. – Констебль Уэйт даже вздохнул. – И чулочки высший класс...

– От ее ножек мне никакого проку, – буркнул инспектор Нил. – Я с чем был, с тем и остался. Зернышки в кармане – что бы это значило?

Глава 4

Спускаясь по лестнице, Мэри Доув остановилась и выглянула в большое окно. Из подъехавшей машины выходили двое. Тот, что повыше ростом, повернулся к дому спиной и оглядел окрестности. Мэри Доув задумчиво смотрела на них. Видимо, это инспектор Нил и его помощник.

Она отвернулась от окна и взглянула на себя в массивное в полный рост зеркало, висевшее на стене, где лестница делала поворот... Она увидела хрупкую, подчеркнуто опрятную женщину с безукоризненно белым воротничком и манжетами на серо-бежевом платье. Каштановые волосы были разделены посередине, две блестящих тугих волны завязаны в узел на затылке... На губах – бледно-розовая помада.

В целом Мэри Доув осталась своей внешностью довольна. Она пошла вниз, и на губах ее поигрывала легкая улыбка.

Инспектор Нил, оглядывая дом, рассуждал про себя.

Хороша хижина! Тисовая хижина! О-о, до чего они лицемерны, эти богачи, до чего любят играть на публику! Он, инспектор Нил, назвал бы этот дом усадьбой. Он прекрасно знал, что такое хижина. Можно сказать, он вырос в хижине. Она стояла у ворот усадьбы Хартингтон-Парк, неуклюжей махины в греческом стиле с двадцатью девятью спальнями, которую впоследствии прибрал к рукам Национальный трест.^[5] А маленькая хижина снаружи казалась милой и привлекательной, внутри же была сырой, неудобной и не соответствовала самым примитивным санитарным нормам. К счастью для родителей инспектора Нила, подобный порядок вещей им казался вполне естественным и справедливым. Хозяева не брали с них денег за жилище, а работа их заключалась лишь в том, чтобы по мере надобности отворять и затворять ворота. В округе водилось много кроликов, а иногда к ним в кастрюлю попадал даже фазан. Миссис Нил не пришлось столкнуться с такими радостями цивилизации, как электрический уют, кухонная электроплита, вытяжной шкаф, холодная и горячая вода из-под крана и даже свет, включавшийся простым нажатием пальца. Зимой Нилы пользовались керосиновой лампой, а летом с наступлением темноты укладывались спать. Это были здоровые и счастливые люди, безнадежно отставшие от своего времени.

И когда инспектор Нил слышал слово «хижина», в нем проснулись воспоминания детства. Но этот дом, претенциозно названный «Тисовая хижина», принадлежал как раз к хоромам, которые возводят себе богачи, а

потом называют их «нашим укромным уголком в деревне». Да и деревню инспектор Нил всегда представлял себе как-то иначе. Дом был солидным и мощным сооружением из красного кирпича, вытянувшимся не вверх, а в длину, с чрезмерным количеством фронтонов и множеством окон со свинцовыми стеклами. Сады были уж очень искусственные, надуманные, повсюду разбиты розовые клумбы, растут перголы, поблескивают прудики и, оправдывая название дома, живой изгородью теснятся аккуратно подстриженные тисы.

Если кому-то потребовалось сырье для токсина, тиса здесь больше чем достаточно. Справа, за розовой перголой, природа сохранилась в чистом виде – там росло огромное тисовое дерево, какие встретишь в церковных дворах, ветви его опирались на подпорки – эдакий Моисей лесного царства. Это дерево, подумал инспектор, стояло здесь задолго до той поры, когда началось нашествие домов из красного кирпича. Это уже при нем здесь появились площадки для гольфа, при нем модные архитекторы водили по окрестностям богатых клиентов и показывали им преимущества того или другого участка. А раз уж именно здесь пустил корни этот памятник древности, трогать его не стали и даже вписали в новый пейзаж, скорее всего, благодаря ему и дали название новому возделенному жилищу. «Тисовая хижина». И может быть, ягоды с этого самого дерева...

Инспектор Нил отогнал прочь эти бесполезные мысли. Делом надо заниматься. Он позвонил в звонок.

Дверь не замедлила открыться. За ней стоял мужчина средних лет и выглядел именно так, как и представил себе инспектор Нил, когда говорил с ним по телефону. Пройдоха и ловчила средней руки, любитель заложить за воротник.

Инспектор Нил представился, отрекомендовал своего помощника и не без удовольствия заметил, как в глазах дворецкого мелькнул тревожный огонек. Нил не стал придавать этому большого значения. Вполне возможно, смерть Рекса Фортескью тут ни при чем. Так, чисто автоматическая реакция.

– Миссис Фортескью еще не вернулась?

– Нет, сэр.

– А мистер Персиваль Фортескью? Мисс Фортескью?

– Нет, сэр.

– Тогда я хотел бы видеть мисс Доув.

Дворецкий чуть оглянулся.

– Мисс Доув уже спускается.

Пока мисс Доув со спокойным достоинством шла по широкой

лестнице, инспектор Нил успел внимательно ее оглядеть. На сей раз составленный им образ никак не соответствовал действительности. Подсознательно слово «экономка» нарисовало в его воображении женщину крупную и властную, одетую в черное, где-то под передником – связка ключей.

Своим обликом маленькая ладная женщина, спускавшаяся к нему, застала инспектора врасплох. Нежно-голубиные тона платья, белый воротничок и манжеты, уложенные аккуратными волнами волосы, едва намеченная улыбка Моны Лизы. Тем не менее было в ней что-то ненастоящее, будто эта молодая, не разменявшая четвертый десяток женщина играла какую-то роль; не роль экономки, нет – роль Мэри Доув. То есть голубки. Она явно стремилась соответствовать своей фамилии.

Мисс Доув сдержанно приветствовала гостей.

– Инспектор Нил?

– Да. Это сержант Хей. Я вам уже сказал по телефону, что мистер Фортескью скончался в больнице Сент-Джудс в двенадцать часов сорок три минуты. Похоже, он что-то съел сегодня за завтраком, и это «что-то» явилось причиной смерти. Поэтому я хотел бы, чтобы сержанта Хей отвели на кухню, там он выяснит, что именно подавалось на завтрак.

На мгновение их взгляды встретились; чуть подумав, она кивнула:

– Хорошо. – Повернувшись к дворецкому, который встревоженно переминался с ноги на ногу, она распорядилась: – Крамп, проводите, пожалуйста, сержанта Хей и покажите все, что ему понадобится.

Крамп и Хей ушли. Мэри Доув пригласила Нила в дом.

Открыв дверь в комнату, она вошла первой. Это оказалась курительная, довольно безликая – панельная обшивка, богатая драпировка, большие набивные кресла, на стенах, как водится, – гравюры на спортивные темы.

– Пожалуйста, садитесь.

Он сел, Мэри Доув заняла кресло напротив. Лицом к свету, тут же отметил про себя Нил. Необычный выбор для женщины. Тем более необычный, если женщине есть что скрывать. Но вполне возможно, что скрывать Мэри Доув как раз и нечего.

– Так неудачно, – заговорила она, – что никого из членов семьи нет дома. Миссис Фортескью может вернуться с минуты на минуту. И миссис Валь тоже. Мистеру Персивалю Фортескью я послала несколько телеграмм – в разные места.

– Спасибо, мисс Доув.

– Вы сказали, что мистер Фортескью умер, потому что кое-что съел,

может быть, во время завтрака. Вы имеете в виду пищевое отравление?

– Возможно. – Он внимательно смотрел на нее.

– Едва ли, – сказала она, храня полное спокойствие. – Сегодня утром на завтрак подавали яичницу с грудинкой, кофе, тосты и мармелад. Еще на буфете стоял холодный окорок, но его нарезали вчера, и никто не жаловался. Никакой рыбы не было, сосисок тоже – ничего такого.

– Я вижу, вы точно знаете, что подавалось к столу.

– Естественно. Заказ делаю я. Вчера на обед...

– Не нужно, – остановил ее инспектор. – Вчерашний обед здесь ни при чем.

– Мне казалось, что пищевое отравление иногда наступает с задержкой даже на целые сутки...

– В нашем случае – нет... Скажите, пожалуйста, что именно мистер Фортескью ел и пил сегодня утром перед выходом из дома?

– В восемь утра ему в комнату был подан чай. Завтракали в четверть десятого. Как я уже сказала, мистер Фортескью ел яичницу с грудинкой, кофе, тосты и мармелад.

– Какая-нибудь каша?

– Каш он не ест.

– Сахар для кофе – кусковой или сахарный песок?

– Кусковой. Но мистер Фортескью пьет кофе без сахара.

– У него нет привычки принимать по утрам лекарства? Какие-нибудь соли? Тонизирующие средства? Что-нибудь для улучшения пищеварения?

– Нет, ничего такого.

– Вы завтракали вместе с ним?

– Нет. За столом сидят только члены семьи.

– Кто еще был за столом?

– Миссис Фортескью. Мисс Фортескью. Миссис Валь Фортескью. Мистера Персиваля Фортескью, само собой, не было.

– А миссис и мисс Фортескью ели на завтрак то же самое?

– Миссис Фортескью выпила кофе, стакан апельсинового сока, съела тост – вот и все. Миссис Валь и мисс Фортескью всегда завтракают плотно. Кроме яичницы и холодного окорока, они иногда едят кашу. Миссис Валь пьет не кофе, а чай.

На минуту инспектор Нил погрузился в раздумье. По крайней мере, круг сужается. Завтракали с умершим всего три человека, и только они: его жена, дочь и невестка. Любая из них могла добавить ему в кофе токсин. Токсин – штука горькая, так ведь и кофе тоже. Мистер Фортескью мог ничего не заметить. Правда, был еще утренний чай, но Бернсдорф говорил,

что как раз в чае привкус был бы явно ощутим. Хотя, с другой стороны, человек только проснулся, организм еще не так восприимчив... Инспектор Нил поднял голову и увидел, что Мэри Доув наблюдает за ним.

– Ваши вопросы насчет тонизирующих средств и лекарств показались мне довольно странными, инспектор, – сказала она. – Подтекст такой: либо лекарство было бракованным, либо в него что-то добавили. Но ни то ни другое не назовешь пищевым отравлением.

Нил пристально посмотрел на нее.

– А я и не говорил, что мистер Фортескью умер от пищевого отравления. Он умер от отравления. Просто от отравления.

– От отравления... – негромко повторила она.

Она не удивилась, не вздрогнула от испуга, просто в глазах ее появился интерес. Так человек переваривает нечто для себя новое.

Собственно, после минутного размышления именно это она и сказала:

– Мне никогда не приходилось сталкиваться с отравлением.

– Ничего приятного тут нет, – сухо заверил ее Нил.

– Да, наверное...

Она снова задумалась, потом подняла голову и неожиданно улыбнулась ему.

– Я этого не делала, – заявила она. – Но, не сомневаюсь, это вам скажут и остальные!

– А кто бы мог это сделать, мисс Доув?

Она пожала плечами.

– Говоря откровенно, он был довольно одиозным типом. И сделать это мог кто угодно.

– Ну, мисс Доув, одиозный – еще не причина для отравления. Мотив должен быть серьезнее.

– Да, вы правы.

Она задумалась.

– Может быть, вы мне что-нибудь расскажете об этом доме?

Она взглянула на него. Он даже слегка вздрогнул – от ее глаз веяло насмешливым холодом.

– Это, надеюсь, не официальный допрос? Конечно нет, иначе тут был бы ваш сержант, а он сейчас терзает прислугу. Я готова вам кое-что рассказать, но повторять это в суде мне бы не хотелось. Неофициально – пожалуйста. Как это говорится, без протокола?

– Разумеется, мисс Доув. Мы с вами, как вы уже заметили, говорим с глазу на глаз.

Она откинулась в кресле, качнула изящной ножкой и прищурилась.

– Начну с того, что особой преданности к моим хозяевам я не испытываю. Я работаю на них, потому что мне хорошо платят, и это мое обязательное условие.

– Я слегка удивился, увидев вас здесь, в этой должности. С вашим умом и образованием...

– Сидеть от и до в конторе? Перебирать бумаги в министерстве? Дорогой инспектор Нил, работенка здесь не бей лежачего, а деньги... Люди готовы платить любые деньги, любые, лишь бы у них не было проблем по содержанию дома. Найти и нанять прислугу – дело кропотливое и нудное. Писать в агентства, посылать в газеты объявления, беседовать с людьми, договариваться о встречах и в конце концов вести хозяйство, чтобы все шло без сучка без задоринки, – на это требуются определенные способности, которых у богатых людей, как правило, нет.

– А если прислуга, которую вы выбрали, возьмет да и уйдет от вас дружными рядами? Такое случается.

Мэри улыбнулась.

– Если надо, я сама и постели застелю, и комнаты пропылесосю, и обед приготовлю, и на стол накрою – хозяева никакой разницы не почувствуют. Конечно, я не трезвоню на всех углах, что я – мастерица на все руки. Мало ли у кого какие мысли могут появиться. Но любую прореху заткнуть могу, это точно. Хотя прорех почти не бывает. Я работаю только на очень богатых, которые за удобство готовы платить сколько угодно. Соответственно, и я плачу прислуге по высшему разряду и могу отбирать лучших.

– Таких, как дворецкий?

Она удивленно, оценивающе взглянула на него.

– Супружеская пара – куда тут денешься? Крампа я держу только из-за миссис Крамп – лучших поварих я в жизни не встречала. Настоящее сокровище: чтобы ее сохранить, приходится кое на что закрывать глаза. Наш мистер Фортескью поесть любит... вернее, любил. Все в этом доме – большие гурманы, а денег куры не клюют. Так что миссис Крамп может закупать, что хочет, – масло, яйца, сливки. Что касается Крампа, свое дело он делает, и ладно. Серебряные вилки и ложки всегда начищены до блеска, на стол он подает не хуже других. Ключ от винного погребка я храню у себя, виски и джин тоже у меня под контролем, а как он чистит и гладит одежду, я проверяю сама.

Инспектор Нил приподнял брови.

– Маленькая хозяйка большого дома?

– Я считаю, нужно все уметь делать самой. И тогда делать тебе ничего

не придется. Но вы хотели услышать мое мнение об этой семье.

– Если не возражаете.

– В общем, все они – публика одиозная. Покойный мистер Фортескью был из разряда мошенников, у которых все всегда шито-крыто. Он любил похвастаться, как ловко провернул какое-то дельце. Изысканными манерами не отличался, был человеком грубым и властным, одним словом, самодур. Миссис Фортескью – Адель – его вторая жена, она лет на тридцать его моложе. Он откопал ее в Брайтоне. Она работала маникюршей и караулила богатенького кавалера. Она хороша собой, просто пальчики оближешь, секс из нее так и прет.

Инспектор Нил был шокирован, но не подал вида. Все-таки странно слышать подобные речи от такой девушки, как Мэри Доув.

Та с непроницаемым видом продолжала:

– Адель вышла за него из-за денег, тут и думать нечего; когда это случилось, его сын Персиваль и дочь Элейн ходили просто зеленые от злости. Они и сейчас ее не жалуют, но она ведет себя очень умно – не замечает этого или не хочет замечать. Старик исполнит любую ее прихоть, она прекрасно это понимает. Господи, опять я говорю не в том времени. Еще не осознала, что его нет в живых...

– Ну а что же его сын?

– Драгоценный Персиваль? Валь, как его величает жена. Персиваль лицемер, из тех, кто мягко стелет, да жестко спать. Чопорный, хитрый и коварный. Панически боится отца, всегда перед ним тушуетсся и слова поперек не говорит, но свой маневр знает, свои интересы очень даже блюдет. В отличие от отца прижимист. Экономия – это его страсть. Потому он так долго не может подобрать себе дом. А тут у него и своя квартира, и денежки целы.

– А его жена?

– С виду – смиренная овца, которую бог обделил мозгами. Но это с виду, а что на самом деле... До замужества она работала медсестрой в больнице – когда Персиваль слег с воспалением легких, она его выхаживала и выходила до романтической развязки. Старика этот брак сильно разочаровал. Он сноб и хотел, чтобы Персиваль женился «как положено». Несчастную миссис Валь он презирает, то и дело мешает с грязью. Так что, думаю, она его не сильно любит – вернее, любила. У нее одна страсть – в кино и по магазинам. Главная печаль – муж дает мало денег.

– Что скажете про дочь?

– Элейн? Вот ее мне немного жаль. Она человек неплохой. Из тех, что

всю жизнь остаются школьницами. Она умеет организовать игру, занимается с девочками-скаутами, это ей интересно. Недавно у нее был роман с молодым учителем, из сердитых, но отец семейства выяснил, что этот недовольный напичкан коммунистическими идеями, и разом положил этой романтической истории конец.

– И у нее не хватило духу возразить?

– У нее-то хватило. Отступился и поднял лапки как раз он. Опять же, наверное, из-за денег. Особенно привлекательной Элейн, увы, не назовешь.

– А другой сын?

– Никогда с ним не встречалась. Необычайно красив, но, судя по всему, отпетый негодяй. Была такая скверная история в прошлом – подделал чек. Живет в Восточной Африке.

– С отцом – полный разрыв?

– Да, мистер Фортескью не мог лишиться его наследства, потому что уже сделал его младшим партнером в фирме, но не поддерживает с ним отношений многие годы, если и упоминает Ланса, то только так: «Не говорите мне об этом мерзавце. Он мне не сын». И все-таки...

– Да, мисс Доув?

– И все-таки, – медленно проговорила Мэри, – не удивлюсь, если вдруг выяснится, что старик Фортескью собирался вернуть сына сюда.

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что с месяц назад старый Фортескью устроил Персивалю жуткую головомойку – оказалось, Персиваль что-то делал за его спиной, не знаю, что именно, – он был вне себя от ярости. Персиваль попал в опалу. Он в последнее время тоже сильно изменился.

– Мистер Фортескью?

– Нет, Персиваль. Ходил перепуганный до смерти.

– Так, теперь поговорим о слугах. Крампов вы уже описали. Кто еще работает в доме?

– Есть горничная, Глэдис Мартин, или официантка, – они предпочитают, чтобы их называли так. Она убирает комнаты внизу, накрывает на столы, уносит грязную посуду и помогает Крампу прислуживать хозяевам за едой. Довольно порядочная девушка, но уж очень придурковатая. Слегка гнусавит.

Нил кивнул.

– Эллен Кертис – уборщица. Женщина пожилая, вечно раздраженная и сердитая, но работает в доме давно и чистоту поддерживает на высшем уровне. Никогда нигде ни соринки, ни пылинки. Есть еще помощницы, но они появляются по мере надобности.

– То есть в доме больше никто не живет?

– Живет. Старушка мисс Рэмсботтом.

– Кто она?

– Свояченица мистера Фортескью – сестра его первой жены. Жена была немного старше его, а сестра намного старше ее – так что ей здорово за семьдесят. У нее на втором этаже своя комната, она сама себе готовит и вообще сама себя обслуживает, прислуга заходит к ней только убирать. Довольно эксцентричная особа и своего зятя никогда не любила, но переехала сюда при жизни сестры, да так здесь и осталась. Мистеру Фортескью никогда не было до нее дела. Но она, доложу я вам, штучка, эта тетушка Эффи.

– И это все?

– Все.

– Стало быть, мы добрались до вас, мисс Доув.

– Хотите подробности моей биографии? Я сирота. Кончила курсы секретарш в колледже Сент-Алфредс. Работала машинисткой-стенографисткой в одном месте, потом в другом, решила, что карьера секретарши не по мне, и поменяла курс, пошла в экономки-домоправительницы. Работала в трех семьях. Через год-полтора сидеть на одном месте мне надоедает, перебираюсь на другое. В «Тисовой хижине» я около года. Я отпечатаю на машинке фамилии и адреса моих прежних нанимателей и передам их вместе с копиями рекомендаций вашему сержанту... Хей, да? Это вас удовлетворит?

– Вполне, мисс Доув. – Нил минутку помолчал, мысленно представив, как мисс Доув подсыпает отраву в завтрак мистера Фортескью. Фантазия его пошла дальше, и он увидел, как она методично собирает тисовые ягоды в корзину. Вздохнув, он вернулся в настоящее, к реальной действительности. – Я хотел бы поговорить с девушкой... Глэдис, а потом с уборщицей, Эллен. – Поднявшись, он добавил: – Кстати, мисс Доув, может быть, вам известно, почему в кармане мистера Фортескью оказалась горсть зерен?

– Зерен? – Она уставилась на него, похоже, с неподдельным удивлением.

– Да, именно зерен. Вам это ни о чем не говорит?

– Абсолютно.

– Кто содержал в порядке его одежду?

– Крамп.

– Понятно. Мистер и миссис Фортескью занимают общую спальню?

– Да. Помимо этого, разумеется, у него своя гардеробная и туалет, как

и у нее... – Мэри глянула на наручные часы. – Думаю, она вот-вот вернется.

Инспектор уже поднялся... Любезным тоном он спросил:

– Знаете что, мисс Доув? Даже если в округе три площадки для гольфа, очень странно, что миссис Фортескью до сих пор не нашли.

– А если она сейчас вообще не играет в гольф, инспектор? Тогда ничего странного в этом нет, правда?

В голосе Мэри слышались сухие нотки. Инспектор резко бросил:

– Мне четко ответили, что она играет в гольф.

– Она взяла клюшки для гольфа и сказала, что поедет играть. Села в машину и уехала.

Он с легким прищуром посмотрел на нее, переваривая смысл сказанного.

– С кем она обычно играет в гольф? Вам это известно?

– Весьма вероятно, что с мистером Вивианом Дюбуа.

Нил ограничился кратким:

– Понятно.

– Я пришлю к вам Глэдис. Скорее всего, она будет перепугана до смерти. – Застыв на мгновение в дверях, Мэри сказала: – На мои слова особенно не ориентируйтесь. Я женщина злобная.

Она вышла. Инспектор Нил в задумчивости смотрел на закрытую дверь. По злобе или нет, но рассказанное Мэри Доув давало пищу для размышлений. Если Рекса Фортескью отравили, а судя по всему, так оно и было, обстановка в «Тисовой хижине» выглядела многообещающей. Мотивы лежали на поверхности толстым слоем.

Глава 5

Девушка, вошедшая в комнату с явным нежеланием, была непривлекательной и испуганной. Несмотря на высокий рост и хорошо сшитый форменный бордовый костюм, ей удавалось выглядеть неряшливой.

Она сразу заявила, вперившись в него испытующим взглядом:

– Я ничего не делала. Правда. Ничего про это не знаю.

– Хорошо, хорошо, – сказал Нил сколько можно сердечно. Голос его слегка изменился. В нем слышались даже веселые нотки, интонация стала заметно проще. Пусть эта Глэдис, перепуганная крольчиха, почувствует себя посвободнее. – Садитесь, – пригласил он. – Я хочу расспросить вас про сегодняшний завтрак.

– Я ничего не делала.

– Но завтрак вы подавали?

– Завтрак подавала. – Даже в этом она призналась с неохотой. Вообще вид у нее был и виноватый, и перепуганный, но инспектор Нил знал – со свидетелями такое бывает. И бодрым голосом, стараясь, чтобы она почувствовала себя раскованнее, он продолжал задавать вопросы: – Кто вышел к завтраку первым? А вторым?

– Первой к завтраку вышла Элейн Фортескью. Крамп как раз вносил кофейник. Потом спустилась миссис Фортескью, потом миссис Валь, а хозяин вышел последним. Они обслуживали себя сами. Чай, кофе и горячее стояли на подогреваемых тарелках на буфете.

Ничего нового и существенного он от нее не узнал. Господа ели и пили именно то, что перечислила Мэри Доув. Хозяин, миссис Фортескью и мисс Элейн пили кофе, миссис Валь пила чай. Все как всегда.

Нил задал ей несколько вопросов о себе, тут она отвечала с большей готовностью. От Центра по обслуживанию она работала в ИААФе, то есть Институте армии, авиации и флота, потом в кафе в Истборне. Потом решила потрудиться в частном услужении и в сентябре устроилась в «Тисовую хижину». Уже два месяца прошло.

– И как, нравится?

– А что, вроде нормально. – Потом добавила: – Беготни тут, слава богу, меньше, хотя и не так вольготно...

– Расскажите мне об одежде мистера Фортескью – о его костюмах. Кто за ними следил? Чистил и все такое?

Глэдис обиженно поджала губы.

– Вообще-то полагалось, чтобы мистер Крамп. А он всякий раз норовил это дело на меня спихнуть.

– Кто чистил и гладил костюм, в котором мистер Фортескью был сегодня?

– Я и не помню, в каком он был. У него их ого сколько.

– В кармане его костюмов вы зерна никогда не находили?

– Зерна? – озадаченно переспросила она.

– Рожь, если точнее.

– Рожь? Хлеб, что ли? Такой черный... и на вкус противный, да?

– Хлеб делают из ржи. А рожь – это сами зерна. Их нашли в кармане пиджака вашего хозяина.

– В кармане пиджака?

– Да. Знаете, как они туда попали?

– Не знаю, точно говорю. Я их в глаза не видела.

Больше вытянуть из нее ничего не удалось. На мгновение он засомневался: вдруг она что-то утаивает, что-то знает, но не хочет признаваться? Она явно была смущена, будто ждала подвоха, но в конце концов он решил: это естественный страх перед полицией.

Когда он разрешил ей идти, она спросила:

– Так это правда? Он умер?

– Да, умер.

– Надо же, так сразу. Когда звонили из конторы, сказали, мол, у него припадок.

– Да... с ним случился припадок.

– У одной моей знакомой бывали припадки, – сообщила Глэдис. – Ни с того ни с сего ка-ак бухнется! Я, помню, жутко боялась.

На миг воспоминание помогло ей расслабиться.

Инспектор Нил прошел на кухню.

Там его встретили в штыки. Могучая краснолицая женщина, вооруженная скалкой, угрожающе шагнула в его сторону.

– Тоже мне, полиция, – сразу перешла она в наступление. – Приходят сюда и заявляют: я, мол, такого наготовила, что хозяин отравился. Нет уж, господа хорошие, извините. Отсюда в столовую все идет в том виде, в каком положено. Это же надо – прийти сюда и заявить, что я отравила хозяина! Да я на вас еще в суд подам, будь вы хоть десять раз из полиции. В этом доме порченого на стол не подают.

Инспектору Нилу не сразу, но все-таки удалось унять оскорбленную в лучших чувствах мастерицу своего дела. Из буфетной, ухмыляясь,

выглянул сержант Хей, и инспектор Нил понял, что свою порцию праведного гнева миссис Крамп он уже получил.

Сцена завершилась телефонным звонком.

Нил вышел в холл и увидел, что трубку взяла Мэри Доув. Стала что-то записывать в блокнот. Повернув голову, она через плечо бросила:

– Телеграмма.

Повесила трубку и передала инспектору блокнот с записью.

Телеграмма была из Парижа и гласила следующее:

«ФОРТЕСКЬЮ ТИСОВАЯ ХИЖИНА БЕЙДОН-ХИТ. ТВОЕ
ПИСЬМО СОЖАЛЕНИЮ ЗАДЕРЖАЛОСЬ. БУДУ ЗАВТРА
ЧАЮ. ПРЕДВКУШАЮ ОБЕД ТЕЛЯЧЬЮ ОТБИВНУЮ. ЛАНС».

Брови инспектора Нила приподнялись.

– Итак, блудного сына вызвали домой, – произнес он.

Глава 6

В ту минуту, когда Рекс Фортескью пил свою последнюю чашку чая, Ланс Фортескью и его жена сидели под каштанами на Елисейских полях и наблюдали за фланирующей публикой.

– Легко сказать, Пэт, «опиши его». Это не моя стихия. Что ты хочешь знать? Ну, допустим, папенька – старый плут. Но тебя это сильно не опечалит, правда? В конце концов, тебя этим уже не удивишь.

– О да, – согласилась Пэт. – Я, как ты говоришь, вполне акклиматизировалась.

Она постаралась, чтобы голос ее не звучал тоскливо. То ли весь мир состоит из плутов, то ли ей просто везет на эту породу людей?

Эту высокую длинноногую девушку нельзя было назвать красивой, но она, безусловно, была обаятельной – живой нрав и доброе сердце делали свое дело. Она была грациозна и стройна, особый шарм ей придавали чудесные каштановые волосы, блестящие на солнце. Она напоминала холеную, благородных кровей кобылицу – возможно, сыграло свою роль ее длительное общение с лошадьми.

Да, про плутовство в мире скачек ей было хорошо известно. Теперь, значит, предстоит встреча с плутовством в мире финансов. Впрочем, ее свекор, которого она пока не знала лично, был, по крайней мере с точки зрения закона, столпом нравственности и морали. Все эти люди, хваставшие, как ловко они «провернули дельце», в одном были друг на друга похожи: технически они всегда оставались в рамках закона. И все же ей казалось: ее любимый Ланс, пусть в прошлом однажды и переступивший черту, был наделен честностью, большинству этих удачливых ловкачей не свойственной.

– Я не хочу сказать, – продолжал Ланс, – что он мошенник, нет, такого нет и в помине. Но как сорвать куш, он знает.

– Иногда, – сказала Пэт, – мне кажется, что я их ненавижу – тех, кто знает, как сорвать куш. Однако ты его любишь, – добавила она. Не спрашивая, а утверждая.

Ланс задумался над ее словами, потом с удивлением ответил:

– Знаешь, дорогая, наверное, ты права.

Пэт рассмеялась. Повернув голову, он взглянул на нее. Чуть прищурился. Какая она все-таки прелесть! Он ее обожал. Ради нее игра стоила свеч.

– В каком-то смысле, – сказал он, – ехать туда страшно. Городская жизнь. В пять часов восемнадцать минут – дома. Такая жизнь не по мне. Мне как-то уютнее среди изгнанников и банкротов. Но, наверное, приходит время, когда надо бросать якорь. А если мы будем вместе, это принесет мне радость. Раз уж старик пошел на мировую, не воспользоваться этим просто грех. Я здорово удивился, когда получил от него письмо... Чтобы Персиваль замарал свою репутацию – уму непостижимо! Но доложу тебе, Перси всегда был себе на уме.

– Боюсь, – заметила Патриция Фортескью, – что твой брат Персиваль мне вряд ли понравится.

– Я не хочу тебя против него настраивать. Просто мы с Перси никогда не ладили – только и всего. Я свои карманные деньги просвистывал, он складывал. У меня были друзья с сомнительной репутацией, но все люди занимательные, Перси заводил «полезные связи». Мы были с ним как две противоположности. Я всегда считал его недотепой, а он... знаешь, иногда мне кажется, что он меня просто ненавидел. Сам не знаю почему...

– А я, кажется, понимаю...

– Правда, дорогая? Ты у меня такая сообразительная. Знаешь, меня всегда занимала одна мысль... мысль фантастическая, но...

– Какая? Говори.

– А вот какая: не Персиваль ли подстроил всю эту историю с чеком – когда старик турнул меня из дому и рвал на себе волосы, что раньше дал мне долю в фирме и, стало быть, не мог лишить меня наследства. Ведь самое забавное в том, что этот чек я не подделывал. Хотя был случай, когда я выбрал из кассы все деньги и поставил их на лошадку. Я тогда был уверен на все сто, что выиграю, и, в конце концов, деньги эти принадлежали мне. А вот чек я не подделывал. Сам не знаю почему мне пришла в голову эта дурацкая идея, будто это дело рук Персиваля.

– Но ему-то какая выгода? Ведь чек был выписан на твое имя.

– Тебе непонятно. Вроде бы он тут ни при чем, не так ли?

Пэт резко вскинула голову.

– Ты хочешь сказать, он тебя подставил, чтобы тебя вытурили из фирмы?

– Мысли такие были. Мерзко все это. Ну да ладно. Интересно, что скажет старина Перси, когда увидит, что блудный сын вернулся. Вот уж выпучит свои тусклые вареные виноградины!

– Он знает, что ты приезжаешь?

– Не удивлюсь, если и слыхом не слыхивал. У старика, знаешь ли, своеобразное чувство юмора.

– Чем твой брат так прогневил отца?
– Самому интересно. Чем-то он старика здорово зацепил. Я по отцовским письмам понял.

– Когда ты получил от него первое письмо?
– Четыре... нет, пять месяцев назад. Напустил туману, но одно я понял четко – он предлагал мне раскурить трубку мира. «Твой старший брат во многом оказался несостоятельным». «Ты отдал дань молодости, пора и остепениться». «Могу тебе обещать, что в деньгах ты не прогадаешь». «Буду рад видеть тебя и твою жену». Знаешь, дорогая, мне кажется, тут немалую роль сыграл наш с тобой брак. Отцу польстило, что я женился на девушке, стоящей на социальной лестнице выше меня.

Пэт засмеялась.

– Это на какой же ступеньке? Аристократы, они же – подонки общества?

Он ухмыльнулся.

– Вот-вот. Только у подонков общества, в отличие от аристократов, начисто отсутствует порода. Ты еще увидишь жену Персиваля. «Передайте, пожалуйста, консервы», – или рассказ о том, как ей проштемпелевали письмо – ничего умнее от нее не услышишь.

На сей раз Пэт не засмеялась. Она задумалась о женщинах, с которыми ей придется общаться. Эту сторону вопроса Ланс во внимание не принимал.

– А твоя сестра? – спросила она.

– Элейн? Она ничего. Была совсем девчонкой, когда я уехал из дому. Восторженная энтузиастка, хотя, возможно, уже повзрослела. Ко всему относится очень серьезно.

Характеристика была не очень обнадеживающей. Пэт спросила:

– Она тебе совсем не писала... после того, как ты уехал?

– Я не оставил адреса. Да она бы все равно не стала писать. Дружной семьей нас не назовешь.

– Вижу.

Он искоса взглянул на нее.

– Что, не по себе стало? Из-за моей семьи? Чепуха. Жить с ними под одной крышей мы не будем. Купим где-нибудь уютный домик. Лошади, собаки, все такое.

– Но пять часов восемнадцать минут все равно останутся.

– Для меня – да. Каждый день в город и назад, при полном параде. Но ты не беспокойся, радость моя, – прекрасных уголков природы хватает и вокруг Лондона. В последнее время во мне проснулся финансист.

Сказывается наследственность – по обеим линиям.

– Свою маму ты ведь совсем не помнишь?

– Она всегда казалась мне поразительно старой. Собственно, она и была старой. Когда родилась Элейн, ей было под пятьдесят. Обожала носить побрякушки, вечно лежала на диване и любила читать мне разные истории про рыцарей и их дам, которые нагоняли на меня жуткую скуку. «Королевские идиллии» Теннисона. Наверно, я ее любил... Она была какая-то... бесцветная, что ли. Сейчас, из настоящего, я это понимаю.

– Похоже, особенной любовью ты не пылал ни к кому, – неодобрительно отозвалась Пэт.

Ланс взял Пэт за руку и стиснул ее.

– Я люблю тебя.

Глава 7

Инспектор Нил все еще держал в руках бланк телеграммы, когда услышал: к парадному входу подкатила машина и остановилась, легкомысленно взвизгнув тормозами.

– Это, должно быть, миссис Фортескью, – предположила Мэри Доув.

Инспектор Нил шагнул к двери. Краешком глаза он заметил, что Мэри Доув потихоньку испарилась из комнаты. Было ясно, что в предстоящей сцене она участвовать не желает. Поразительные такт и скромность, равно как и полное отсутствие любопытства. Любая женщина на ее месте осталась бы, подумал про себя инспектор Нил.

Тут он обнаружил, что сюда же из глубины холла идет дворецкий Крамп. Значит, подъехавшую машину услышал и он.

Машина оказалась двухместным спортивным «Роллс-Бентли». Из нее вышли двое и направились к дому. Когда они подошли ко входу, дверь открылась. Удивленная Адель Фортескью воззрилась на инспектора Нила.

Он мгновенно определил, что перед ним стоит очень красивая женщина, воздал должное и шокирующей реплике Мэри Доув: «Секс из нее так и прет». Что ж, с этим трудно не согласиться. Фигурой и осанкой она походила на белокурую мисс Гросвенор, но если мисс Гросвенор была роскошной снаружи и респектабельной изнутри, Адель Фортескью прямо-таки ослепляла роскошью. Ее сексуальность заставляла трепетать, поражала своей откровенностью. Без обиняков заявляла каждому мужчине: «Вот я перед вами. Настоящая женщина». Адель Фортескью словно вся состояла из секса, он пронизывал ее слова, движения, даже дыхание, но при всем этом в глубине ее глаз таилось что-то коварное, оценивающее. Да, подумал инспектор, мужчин Адель Фортескью любит, но деньги – еще больше.

Он посмотрел мимо нее и увидел мужчину, который нес клюшки для гольфа. Что ж, типаж вполне знакомый. Такие обхаживают молодых женушек богачей и стариков. В мистере Вивiane Дюбуа, если это был он, впечатляло демонстративное мужское начало, хотя на самом деле этому началу была грош цена. Он относился к типу мужчин, которые «понимают» женщин.

– Миссис Фортескью?

– Да. – Она широко распахнула голубые глаза. – Но мы с вами...

– Я – инспектор Нил. Боюсь, у меня для вас плохие новости.

– Вы хотите сказать... ограбление... что-то в этом роде?
– Нет, совсем не в этом. Беда приключилась с вашим мужем. Сегодня утром он тяжело заболел.
– Рекс? Заболел?
– Мы пытались найти вас с половины одиннадцатого.
– Где он? Здесь? В больнице?
– Его увезли в больницу Сент-Джудс. Боюсь, вы должны подготовиться к худшему.

– Вы хотите сказать... не может быть... он умер?
Она качнулась и вцепилась в руку инспектора. Инспектор, посуровев – на миг ему показалось, что он находится на сцене и играет роль, – помог ей пройти в холл. Тут же вертелся готовый прийти на помощь Крамп.

– Ей бы сейчас бренди, – посоветовал он.
Раздался низкий голос мистера Дюбуа:
– Вы правы, Крамп. Принесите бренди. Сюда, – показал он дорогу инспектору.

Он открыл дверь слева. Процессия вошла в комнату: инспектор и Адель Фортескью, Вивиан Дюбуа и Крамп с графином и двумя стаканами.

Адель Фортескью, прикрыв глаза рукой, опустилась в мягкое кресло. Из предложенного инспектором стакана сделала крохотный глоток и тут же оттолкнула стакан.

– Не хочу, – сказала она. – Я уже пришла в себя. Скажите, что это было? Удар, да? Бедный Рекс.

– Нет, миссис Фортескью, не удар.
– Вы, кажется, сказали, что вы – инспектор? – Вопрос задал мистер Дюбуа.

Нил повернулся к нему.
– Именно так, – любезно ответил он. – Инспектор Нил из департамента уголовной полиции.

Карие глаза наполнились тревогой. Появление инспектора уголовной полиции пришлось мистеру Дюбуа явно не по вкусу. Очень даже не по вкусу.

– А в чем дело? – спросил он. – Что-то не так?
И совершенно неосознанно попятился к двери. От инспектора это движение не укрылось.
– Боюсь, – обратился он к миссис Фортескью, – придется провести расследование.

– Расследование? Вы хотите сказать... что вы хотите сказать?
– Понимаю, миссис Фортескью, для вас все это очень огорчительно. –

Он говорил не вымученно, а четко, без запинки. – Хотелось бы как можно скорее выяснить, что именно ел и пил мистер Фортескью сегодня утром, перед уходом на работу.

– Вы подозреваете, что он был отравлен?

– Да, похоже на это.

– Не может быть. О-о, вы имеете в виду пищевое отравление. – На последних словах голос ее упал на пол-октавы.

С каменным лицом таким же четким голосом инспектор Нил сказал:

– Да, мадам, а вы подумали что-то другое?

Не затрудняя себя ответом на этот вопрос, она поспешно заметила:

– Но мы все здоровы – все до одного.

– Вы можете говорить обо всех членах семьи?

– Вообще-то нет... нет, конечно... не могу.

Дюбуа демонстративно взглянул на часы и объявил:

– Мне надо нестись, Адель. Я тебе страшно сочувствую. Но если что-то понадобится, тут найдется кому помочь, да? Прислуга, маленькая Доув и так далее...

– Вивиан, не уезжай. Прошу тебя, останься.

Это был, можно сказать, крик души, но реакция была обратная желаемой. Мистер Дюбуа лишь увеличил темп отступления.

– Ты уж извини, душа моя. Важная встреча. Кстати, инспектор, я живу в гостинице «Дорми-хаус». Если вдруг... зачем-нибудь понадобится.

Инспектор Нил кивнул. В его планы не входило задерживать мистера Дюбуа. Но его бегство он оценил по достоинству. Мистер Дюбуа убежал подальше от неприятностей.

Пытаясь как-то разрядить ситуацию, Адель Фортескью сказала:

– Это такой шок – возвращаешься домой и застаешь у себя полицию.

– Не сомневаюсь. Но, понимаете, надо действовать быстро, чтобы взять на пробу продукты, кофе, чай и так далее.

– Чай и кофе? Но они же не бывают ядовитыми? Наверное, это кошмарная грудинка, которую нам иногда подают. Она бывает просто несъедобной.

– Мы все выясним, миссис Фортескью. Не тревожьтесь. Вы не представляете, какие случаются казусы. Помню, я вел дело об отравлении наперстянкой. Оказалось, листья наперстянки по ошибке положили в приправу вместо хрена.

– Думаете, тут могло быть что-то подобное?

– После вскрытия картина прояснится, миссис Фортескью.

– Вскры... Понятно. – Она поежилась.

– У вас вокруг дома много тисовых кустов, мадам. Ягоды или листья этого растения едва ли могли... с чем-то смешаться, как вы считаете?

Он буравил ее взглядом. Она изумленно смотрела на него.

– Тисовые ягоды? Они что – ядовитые?

Изумление показалось ему слегка чрезмерным – эдакая невинность с широко распахнутыми глазами.

– Известно, что детей они приводили к трагическому концу.

Адель прижала руки к вискам.

– Я не в силах больше об этом говорить. Ради бога, оставьте меня. Я хочу прилечь. Не могу больше. Мистер Персиваль Фортескью даст все распоряжения. А я... я... избавьте меня от расспросов, это несправедливо.

– Мы пытаемся связаться с мистером Персивалем Фортескью. К сожалению, он где-то на севере Англии.

– Ах да, я забыла.

– Еще один вопрос, миссис Фортескью. В кармане вашего мужа была пригоршня зерен. Вы можете это как-нибудь объяснить?

Она покачала головой, явно озадаченная.

– Может, кто-то подсыпал зерна ради шутки?

– Не вижу в этом ничего остроумного.

Инспектор Нил был с ней согласен. Он сказал:

– Пока не буду вас больше беспокоить, миссис Фортескью. Прислать к вам кого-нибудь из прислуги? Или мисс Доув?

– Что? – машинально спросила она, явно думая о чем-то другом. Интересно, о чем?

Порывшись в сумочке, она достала носовой платок. Голос ее дрожал.

– Какой ужас, – слабым голосом пробормотала она. – Только сейчас до меня начинает доходить, что случилось. До сих пор я была как во сне. Бедный Рекс. Мой дорогой бедный Рекс.

И она зарыдала, почти убедительно.

Несколько секунд инспектор Нил, проявляя уважение к чужому горю, наблюдал за ней.

– Я понимаю, все это так внезапно, – сказал он. – Сейчас я кого-нибудь пришлю.

Он направился к двери, открыл ее и вышел. Прежде чем закрыть за собой дверь, оглянулся.

Адель Фортескью все еще держала платок у глаз. Кончики его свисали вниз, но рот скрывали лишь частично. На губах ее играла легкая улыбка.

Глава 8

1

– Что мог, сэр, то нашел, – доложил сержант Хей. – Мармелад, кусок ветчины. Чай, кофе и сахар, в сухом виде, не знаю, что нам это даст. То, что заваривали, давно выплеснули, правда, тут есть одна тонкость. После завтрака много кофе осталось, и его в одиннадцать часов допила прислуга. По-моему, это важно.

– Да, важно. Выходит, если отравлен был кофе, то что-то подсыпали именно в чашку Рекса Фортескью.

– Один из присутствовавших. Именно. Я так это осторожненько поспрошал насчет тиса – мол, не попадались ли в доме ягоды или листья, – нет, ничего такого. И про крупу в кармане никто ничего вроде не знает. Это, говорят, что еще за диковина? Да и я ума не приложу, откуда эта крупа там взялась. Вроде он не был из тех чудиков, которые готовы есть любую дрянь, лишь бы в сыром виде. У моей сестры муж такой. Сырую морковь, горох, репу – за милую душу! Но зерно в сыром виде не ел даже он. Как начнет в желудке разбухать – не поздоровится.

Зазвонил телефон, и к нему, следуя кивку инспектора, рванулся сержант Хей. Оказалось, звонят из полиции. Мистер Персиваль Фортескью уведомлен и немедленно возвращается в Лондон.

Не успел инспектор положить трубку, к дому подъехала машина. Дверь открыл Крамп. На пороге стояла женщина, в руках полно свертков. Крамп забрал их у нее.

– Спасибо, Крамп. Заплатите, пожалуйста, за такси. Я выпью чаю. Миссис Фортескью или мисс Элейн дома?

Дворецкий замялся, глянул через плечо.

– У нас плохие новости, мадам, – решился он. – Насчет хозяина.

– Мистера Фортескью?

Нил шагнул вперед. Крамп сказал:

– Сэр, это миссис Персиваль.

– В чем дело? Что такое? Несчастный случай?

Инспектор окинул ее изучающим взглядом. Миссис Персиваль Фортескью была упитанной женщиной, рот ее все время недовольно кривился. Возраст – лет тридцать. Вопросы она задавала с живейшим

интересом. В мозгу его мелькнула мысль: ей, наверное, очень скучно живется.

– К сожалению, вынужден сообщить вам, что сегодня утром мистера Фортескью в тяжелом состоянии доставили в больницу Сент-Джудс, и вскоре он скончался.

– Скончался? То есть... умер? – Новость явно произвела на нее впечатление – на такую сенсацию она и не рассчитывала. – Боже правый, вот это сюрприз. Муж в отъезде. Вам надо с ним связаться. Он где-то на севере. У него в конторе должны знать. Всем займется он. Надо же, такие дела всегда случаются в самый неподходящий момент.

Она на секунду замолчала, переваривая новость.

– Хотя, конечно, все зависит от того, – размышляла она вслух, – где решат устраивать похороны. Здесь, наверное. Или в Лондоне.

– Как скажет семья, так и будет.

– Да, конечно, это я так, просто подумалось. – Наконец она осмысленным взглядом посмотрела на стоящего перед ней человека. – Вы из конторы? – спросила она. – На доктора вы не похожи.

– Я из полиции. Мистер Фортескью умер так внезапно...

Она перебила его:

– Вы хотите сказать, что его убили?

Это слово было произнесено впервые. Нил изучающе оглядел миссис Персиваль, на лице которой застыл взволнованный вопрос.

– С чего вам это пришло в голову, мадам?

– Ну, людей иногда убивают. А вы сказали «внезапно». И вы из полиции. А с ней вы говорили? Что она сказала?

– Не совсем понимаю, о ком вы?

– Об Адель, о ком еще. Я Валю сколько раз говорила: совсем старик спятил, надо же взять в жены такую молодую! Известное дело – седина в бороду, а бес в ребро. Из-за этой дряни он напрочь голову потерял. Вот вам и результат... А нам всем теперь весело придется. Начнут виться газетчики, растрезвонят на весь свет, напечатают фотографии на первых страницах...

Она смолкла, заглядывая в будущее, и оно явно открывалось ей в виде кричащих и броских образов. Что ж, решил про себя инспектор Нил, не самая страшная перспектива. Она снова повернулась к нему.

– И что это было? Мышьяк?

Голосом, призванным охладить ее пыл, инспектор Нил сказал:

– Причина смерти пока не установлена. Будет вскрытие, а потом и расследование.

– Но вы уже все знаете, да? Иначе вы бы сюда не приехали.

Вдруг оказалось, что это круглое и глуповатое лицо может быть проникательным.

– Вы уже расспросили прислугу, что он ел и пил, да? Вчера на обед. Сегодня на завтрак. Само собой, какие напитки.

Он видел, как в мозгу ее бешено прокручиваются возможные варианты. Осторожно произнес:

– Есть вероятность, что причиной болезни явилось нечто, съеденное им за завтраком.

– За завтраком? – Она удивилась. – Но это же очень трудно. Не представляю, как...

Она смолкла и покачала головой.

– Не представляю, как она могла это сделать за завтраком... Разве подсыпала что-то ему в кофе, когда мы с Элейн отвернулись.

Рядом с ними тихий голос мягко произнес:

– Чай ждет вас в библиотеке, миссис Валь.

Миссис Валь вздрогнула.

– О-о, мисс Доув, спасибо. Да, чашечка чаю мне не помешает. А то я прямо ничего не соображаю. Вы, инспектор, чаю не желаете?

– Спасибо, пока нет.

Чуть замешкавшись, толстушка не спеша удалилась.

Когда она скрылась за дверью, Мэри Доув негромко пробормотала:

– Она, наверное, понятия не имеет о том, что такое клевета.

Инспектор Нил не ответил.

Мэри Доув продолжала:

– Я могу вам быть чем-то полезна, инспектор?

– Где я могу найти Эллен, уборщицу?

– Я вас провожу. Она только что пошла наверх.

Эллен оказалась женщиной суровой, не робкого десятка. Ее сморщенное лицо смотрело на инспектора с триумфом.

– Сэр, это просто кошмар. Вот не думала, что в доме, где я живу, случится такое. С другой стороны, не так меня это и удивляет. Уж давно я хотела предупредить хозяина – хватит, ухожу от вас. Не нравится мне, как в этом доме выражаются, сколько выпивают, да и вообще все эти шашни я не одобряю. Против миссис Крамп ничего не скажу, а вот Крамп и эта девчонка Глэдис в службе ни рожна не смыслят. Но больше всего мне не по

нраву шашни.

– Какие шашни?

– Если еще не узнали, скоро узнаете. Весь дом про это лясы точит. Совсем стыд потеряли. Они, видишь ли, в гольф играют или в теннис. Да я своими глазами видела, во что они играют. Дверь в библиотеку была открыта, а они там, прямо тебе два голубка – целуются да милуются.

Яд, источаемый этой старой девой, был воистину смертоносным. Можно было и не спрашивать: «О ком вы?», но Нил все-таки спросил.

– О ком? О хозяйке... и ее кавалере. Они уж и не стесняются никого. Но, между прочим, хозяин об этом пронюхал. Нанял кого-то следить за ними. Разводом бы дело кончилось, как пить дать. А оно кончилось вон чем.

– Вы хотите сказать...

– Вот вы, сэр, все расспрашиваете, что хозяин ел, да что пил, да кто ему что подносил. А я вам так скажу: эта парочка его и порешила. Он добыл откуда-то отраву, а она подсунула хозяину, так оно и было, хоть что мне говорите.

– А вам никогда не попадались тисовые ягоды в доме или где-то поблизости?

В маленьких глазах блеснуло любопытство.

– Тисовые? Это же ядовитая гадость. Мне еще матушка в детстве наказывала: эти ягоды не трожь! Так что, сэр, ими и отравили?

– Чем отравили, мы пока не знаем.

– С тисовыми ягодами она вроде не баловалась. – В голосе Эллен звучало разочарование. – Чего не видела, того не видела.

Нил спросил про зерно в кармане мистера Фортескью, но потерпел неудачу и тут.

– Нет, сэр. Про это ничего не знаю.

Он продолжал расспросы, но ничего полезного больше не извлек. Наконец поинтересовался: можно ли видеть мисс Рэмсботтом?

Эллен засомневалась:

– Я могу ее спросить, но она не со всяким встречается. Она, знаете ли, женщина в возрасте, со странностями.

Но инспектор проявил настойчивость, и Эллен с видимой неохотой провела его по коридору, а потом вверх по небольшой лестнице к комнате, задуманной, почему-то решил Нил, как детская.

Проходя по коридору, он глянул в окно и увидел сержанта Хея, тот стоял возле тисового дерева и разговаривал, судя по всему, с садовником.

Эллен постучала в дверь, услышав ответ, открыла ее и сказала:

– Мисс, пришел джентльмен из полиции, хочет с вами поговорить.

Видимо, пожилая дама ответила согласием, потому что Эллен отступила в сторону и жестом предложила инспектору войти.

Комната, в которую он вошел, была заставлена сверх всякой меры. Инспектору на миг померещилось, что он перенесся в эпоху не только короля Эдуарда, но и королевы Виктории. За столом, вплотную придвинутым к газовой плите, сидела пожилая дама и раскладывала пасьянс. На ней было темно-бордовое платье, редкие седые волосы гладко зализаны вдоль щек.

Не поднимая глаз и не прерывая своего занятия, она нетерпеливо бросила:

– Входите, входите. Садитесь, если желаете.

Принять приглашение оказалось не так просто – на всех стульях громоздились брошюры или книги религиозного характера.

Он чуть сдвинул их на диван, и тут мисс Рэмсботтом встрепенулась:

– Миссионерская деятельность вас интересует?

– Боюсь, мадам, не очень.

– Плохо. Должна интересоваться. Истинный христианский дух сейчас только там и сыщешь. В Черной Африке. У меня на прошлой неделе был молодой священник. Черный, как ваша шляпа. Но истинный христианин.

Инспектор Нил слегка растерялся, ибо не знал, что сказать.

Старушка еще больше обескуражила его, заявив:

– Радио у меня нет.

– Простите?

– Я думала, может, вы насчет лицензии на радио. Или с каким-нибудь дурацким бланком. Итак, молодой человек, с чем пожаловали?

– Мне выпала прискорбная обязанность сообщить вам, мисс Рэмсботтом, что ваш зять, мистер Фортескью, сегодня утром внезапно заболел и умер.

Мисс Рэмсботтом, нимало не изменившись в лице, продолжала раскладывать пасьянс, лишь заметила как бы между делом:

– Наконец господь наказал этого гордеца и самовлюбленного грешника. Все к тому и шло.

– Надеюсь, для вас это не очень тяжелый удар?

Ответ на этот вопрос был очевиден, но инспектору хотелось услышать, что именно она скажет.

Мисс Рэмсботтом стрельнула на него глазами поверх очков и ответила:

– Если вы намекаете на то, что я не слишком опечалена, вы абсолютно правы. Рекс Фортескью всегда был грешником, и я никогда его не любила.

– Он умер так внезапно...

– Как и надлежит безбожникам, – удовлетворенно подытожила старушка.

– Но похоже, что его отравили...

Инспектор умолк – посмотреть на произведенный эффект.

Однако эффектом как будто и не пахло. Мисс Рэмсботтом лишь пробормотала:

– Красная семерка на черную восьмерку. Можно перекладывать короля.

Тут до нее дошло, что инспектор молчит, она застыла с картой в руках и буркнула:

– Ну и чего вы от меня ждете? Вас интересует, не я ли его отравила? Нет, не я.

– А кто мог это сделать, как вы считаете?

– Очень бестактный вопрос, – категорично заявила пожилая дама. – В этом доме живут двое детей моей покойной сестры. Я отказываюсь верить, что человек, в чьих жилах течет кровь Рэмсботтомов, способен совершить убийство. Вы же ведете речь об убийстве, да?

– Я этого не говорил, мадам.

– Ясно, что убийство. В свое время желающих убить Рекса было хоть отбавляй. Он не гнушался ничем. А у старых грехов, как говорится, длинные руки.

– Вы кого-то имеете в виду?

Мисс Рэмсботтом смешала карты и поднялась. Она оказалась высокой женщиной.

– Я думаю, вам лучше уйти, – сказала она.

Она произнесла эти слова без гнева, но довольно холодно, и инспектор понял: разговор окончен.

– Если вас интересует мое мнение, – между тем продолжала она, – скорее всего, это кто-то из слуг. Дворецкий, как я понимаю, порядочный мерзавец, а у горничной явно не все дома. Будьте здоровы.

Инспектор Нил, сам себе удивляясь, послушно вышел из комнаты. Ай да бабушка! Хороша штука! И ничего из нее не вытащишь.

Спустившись по лестнице в квадратный холл, он неожиданно для себя оказался лицом к лицу с высокой темноволосой девушкой. На ней был чуть влажноватый плащ, а сама она смотрела на инспектора застывшим, вопросительным взглядом.

– Я только что вошла, – сказала она, – и мне сообщили... насчет отца... что он умер.

– К сожалению, это правда.

Она выставила перед собой руку, словно на ощупь пытаясь найти какую-нибудь опору. Коснувшись дубового сундука, она медленно, как механическая кукла, села на него.

– Не может быть, – вымолвила она. – Как же это...

Две слезинки покатались по ее щекам.

– Какой ужас, – всхлипнула она. – А мне казалось, что я его совсем не люблю... Иногда думала, что ненавижу... Но тогда мне было бы все равно. А мне не все равно.

Она сидела, глядя перед собой, и из глаз ее текли слезы.

Наконец она, борясь с рыданиями, снова заговорила:

– Самое ужасное, что теперь все разрешилось. В смысле, мы с Джералдом можем пожениться. Я могу делать все что заблагорассудится. Но чтобы такой ценой... Я не хочу, чтобы отец умирал... Не хочу. Папочка... папочка...

Впервые с минуты своего появления в «Тисовой хижине» инспектор Нил встретил человека, искренне горевавшего по покойному мистеру Фортескью.

Глава 9

– Похоже, что это жена, – предположил заместитель комиссара полиции.

Он внимательно выслушал отчет инспектора Нила. Суть была изложена блестяще. Ясно, кратко, но все необходимое было сказано.

– Да, – повторил заместитель комиссара, – похоже, это дело рук жены. А вы сами, Нил, что думаете?

Инспектор Нил согласился с мнением начальства. При этом про себя он цинично подумал: жена идет на такое ох как часто – или муж, в зависимости от ситуации.

– Что ж, возможность у нее была. А мотив? – Заместитель комиссара сделал паузу. – Мотив есть?

– Думаю, сэр, что да. Мистер Дюбуа.

– Считаете, он имеет отношение к смерти Фортескью?

– Нет, сэр, этого я бы не сказал... – Инспектор Нил на секунду задумался. – Он слишком дорожит собственной шкурой. Может, он и догадывался, что у нее на уме, но чтобы он был замешан – этого я представить не могу.

– Слишком осторожен?

– Более чем.

– Что ж, с выводами спешить не будем, но как рабочая гипотеза это годится. А две другие дамы, которые могли отравить кофе?

– Это дочь и сноха, сэр. У дочери есть некий молодой человек, о котором отец не желал и слышать, запрещал ей выходить за него замуж. А тот ни за что не брал ее в жены без приданого. Таким образом, у нее появляется мотив. Насчет снохи не скажу ничего определенного. Пока мало данных. Но отравить Фортескью могла любая из трех, и я не представляю, как это мог сделать кто-то еще. Да, горничная, дворецкий и повариха готовили завтрак или подавали его на стол, но как они могли знать наверняка, что токсин достанется только Фортескью и никому другому? Если, конечно, это был токсин.

– Это был токсин, – подтвердил заместитель комиссара. – Мне только что прислали отчет о вскрытии.

– Значит, с этим ясно, – подытожил инспектор Нил. – Можем ехать дальше.

– Какое впечатление производят слуги?

– Дворецкий и горничная явно нервничают. Впрочем, тут нет ничего необычного. Нормальное явление. Повариха в ярости, а уборщица хоть и хмурится, но довольна. Все вполне естественно, ничего особенного в их поведении я не заметил.

– Еще кто-нибудь вам показался подозрительным?

– Пожалуй, нет, сэр. – Перед мысленным взором инспектора невольно возникла Мэри Доув и ее загадочная улыбка. За этой улыбкой едва заметно, но явно чувствовалась враждебность. Вслух он произнес: – Раз установлено, что это токсин, не худо бы выяснить, как его получили или изготовили.

– Именно. Что же, Нил, действуйте. Кстати, здесь сейчас мистер Персиваль Фортескью. Я успел перекинуться с ним парой слов, и он ждет вас. Другого сына мы тоже отыскивали. Он сейчас в Париже, в «Бристоле», вылетает к нам сегодня. Пожалуй, вам лучше встретить его в аэропорту.

– Да, сэр. Я и сам так думал...

– А с Персивалем Фортескью поговорите прямо сейчас. – Заместитель комиссара хмыкнул. – Чопорный Перси, вот кто он такой.

Мистер Персиваль Фортескью оказался достаточно видным, подтянутым мужчиной лет тридцати – тридцати пяти, с блеклыми волосами и ресницами и слегка педантичной манерой выражаться.

– Как вы понимаете, инспектор Нил, это известие страшно меня потрясло.

– Могу себе представить, мистер Фортескью, – сказал Нил.

– Хочу заметить, что позавчера, когда я уезжал, отец был в добром здравии. Это пищевое отравление было очень внезапным?

– Вы правы, очень внезапным. Но это не было пищевое отравление, мистер Фортескью.

Персиваль внимательно посмотрел на инспектора и нахмурился.

– Вы хотите сказать, инспектор, что кто-то умышленно отравил моего отца?

– Да, сэр, похоже, что так.

– Какой кошмар!

– Вполне с вами согласен, мистер Фортескью.

– Теперь я понимаю все недомолвки в больнице, – пробормотал Персиваль, – мол, поезжайте домой, там все узнаете. – Он замолчал. Потом задал вопрос: – А похороны? – Да, интонация была вопросительной.

– Официальный осмотр трупа завтра, после вскрытия. Процедура будет чисто формальной.

– Понимаю. Так всегда и делается?

- Да, сэр. В наше время – да.
- Хотелось бы знать, у вас уже есть какое-то мнение, подозрение насчет того, кто... Я, право... – Он снова осекся.
- Пожалуй, делать выводы рановато, мистер Фортескью, – пробурчал Нил.
- Да, верно.
- Но вы нам очень поможете, мистер Фортескью, если ознакомите нас с намерениями вашего отца в смысле наследства. Или свяжете меня с его адвокатом.
- Его адвокаты – фирма «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» с Бедфорд-сквер. Но с основными пунктами его завещания вас могу ознакомить и я.
- Сделайте такое одолжение, мистер Фортескью. Боюсь, этого все равно не избежать.
- Два года назад отец женился и составил новое завещание, – отчеканил Персиваль. – Он отписал по нему сто тысяч фунтов своей новой жене и пятьдесят тысяч фунтов – моей сестре Элейн. Все остальное наследую я. Собственно, я и сейчас совладелец компании.
- А ваш брат, Ланселот Фортескью, в завещании не упоминается?
- Нет, отец и брат давно не общаются.
- Нил с прищуром взглянул на собеседника, но Персиваль, судя по всему, говорил вполне искренне.
- Итак, – подытожил инспектор Нил, – по завещанию наследство делят между собой три человека: миссис Фортескью, мисс Элейн Фортескью и вы?
- Боюсь, мне особенно наследовать нечего. – Персиваль вздохнул. – В связи со смертью отца меня ждут большие расходы, это вам понятно. К тому же в последнее время отец был... скажем, весьма неблагоразумен в некоторых своих финансовых сделках.
- У вас с отцом не было серьезного разговора с глазу на глаз по поводу того, как вести дела? – Этот вопрос инспектор Нил задал как можно более непринужденно.
- Я высказал ему свое мнение, но, увы... – Персиваль пожал плечами.
- Слегка погорячились, да? – поинтересовался Нил. – Если называть вещи своими именами, вы здорово поскандалили?
- Этого я бы не сказал, инспектор. – От досады на лбу Персиваля выступили красные пятна.
- Тогда, видимо, вы разругались с отцом по другому поводу, мистер Фортескью.
- Мы с ним не ругались, инспектор.

– Вы уверены? Впрочем, не важно. Вы сказали, что ваш отец и брат по сей день не общаются?

– Да, это так.

– Тогда, пожалуйста, объясните, как понимать это?

И Нил передал ему телефонограмму, записанную Мэри Доув.

Персиваль прочитал и издал восклицание, полное удивления и досады. Он был ошарашен и взбешен.

– Не понимаю, ничего не понимаю. Просто не могу в это поверить.

– Тем не менее это правда, мистер Фортескью. Сегодня ваш брат прилетает из Парижа.

– Но это невероятно. Немыслимо. Я отказываюсь это понимать.

– Отец ничего вам об этом не говорил?

– Ни слова. Какое коварство – вызвать Ланса и утаить это от меня!

– И вы даже не представляете, почему он так поступил?

– Конечно нет. Это вполне в духе его последних выходов... ведет себя глупо... необъяснимо... этому надо положить конец... Я...

Персиваль прервал себя на полуслове. Краска снова отлила от его бледного лица.

– Я совсем забыл, – признался он. – Начисто забыл, что отец умер.

Инспектор Нил сочувственно покачал головой.

Персиваль Фортескью собрался уходить. Взяв шляпу, он сказал:

– Позвоните, если что-то от меня потребуется. Хотя, – он сделал паузу, – вы, наверное, будете появляться в «Тисовой хижине»?

– Да, мистер Фортескью. Один из моих людей уже сейчас там.

Персиваль чуть брезгливо пожал плечами.

– Все это крайне неприятно. Чтобы такое случилось с нами...

Он вздохнул и направился к двери.

– Большую часть дня я проведу на работе. Там сейчас будет дел невпроворот. Но к вечеру вернусь домой.

– Очень хорошо, сэр.

Персиваль Фортескью вышел.

– Чопорный Перси, – пробормотал Нил.

Сержант Хей, все это время тихо сидевший у стены, поднял голову и спросил: «Что, сэр?» Но, не получив ответа, задал следующий вопрос:

– Сэр, что вы обо всем этом думаете?

– Не знаю, – буркнул Нил. Потом негромко процитировал: – «Все они очень неприятные люди».

Эти слова сержанта Хей явно озадачили.

– «Алиса в Стране Чудес», – пояснил Нил. – Вы что, Хей, с Алисой не

близкие друзья?

– Это что-то классическое, да, сэр? – спросил Хей. – По третьей программе гоняют? А я третью программу никогда не слушаю.

Глава 10

1

Экземпляр «Дейли мейл» Ланселот Фортескью открыл минут через пять после того, как они вылетели из Ле Бурже. Начал читать – и вскрикнул от неожиданности. Пэт, сидевшая рядом, вопросительно повернула голову.

– Заметка про старика, – произнес Ланс. – Он умер.

– Умер? Твой отец?

– Да. Пишут, что он внезапно заболел, его отвезли в больницу Сент-Джудс, и там он вскоре умер.

– Дорогой, какое горе. Что, сердечный приступ?

– Наверное. Да, похоже.

– А раньше у него приступы бывали?

– Нет. Насколько я знаю.

– Мне казалось, от первого приступа не умирают.

– Бедняга отец, – промолвил Ланс. – Я никогда не думал, что так уж сильно люблю его, но сейчас...

– Конечно, ты его любил.

– К сожалению, Пэт, не у всех такой чудесный характер, как у тебя. А удача, выходит, опять от меня отвернулась.

– Да. Как странно, что это случилось именно сейчас. Когда ты совсем собрался домой.

Он резко повернул к ней голову.

– Странно? В каком смысле странно, Пэт?

Она посмотрела на него с легким удивлением.

– Ну, чтобы так совпало.

– Ты хочешь сказать, за что бы я ни взялся, все идет наперекосяк?

– Нет, дорогой, я имела в виду совсем не то. Просто у каждого бывает своя полоса неудач.

– Да, наверное.

– Какое горе, – еще раз сказала Пэт.

Когда они прилетели в лондонский аэропорт Хитроу и ждали разрешения на высадку, в самолет вошел представитель авиакомпании и чеканным голосом спросил:

– Среди пассажиров есть мистер Ланселот Фортескью?

– Я, – откликнулся Ланс.

– Пожалуйста, сюда, мистер Фортескью.

Опередив других пассажиров, Ланс и Пэт вышли за служащим из самолета. Проходя мимо пары в последнем ряду, они слышали, как муж шепнул жене:

– Небось известные контрабандисты. Застукали на горяченьком.

2

– Уму непостижимо! – воскликнул Ланс. – Просто уму непостижимо. – Через стол он смотрел на инспектора Нила.

Инспектор Нил сочувственно кивнул головой.

– Токсин... тисовые ягоды... все это отдает какой-то мелодрамой. Для вас, инспектор, в этой истории ничего необыкновенного, наверное, нет. Так, обыденщина. Но для нашей семьи отравление – это какая-то дикость.

– То есть вам и в голову не приходит, – спросил инспектор Нил, – кто мог отравить вашего отца?

– Боже правый, нет. Наверное, недоброжелателей в деловых сферах у него хватало, многие с удовольствием пустили бы его по миру, разорили подчистую и тому подобное. Но отравить? Впрочем, что я знаю? Я много лет провел за границей, о домашних делах у меня смутное представление.

– Именно об этом я и хотел спросить вас, мистер Фортескью. Ваш брат дал мне понять, что вы с отцом многие годы не общались. Расскажите, если не возражаете, почему вы решили вернуться домой.

– Пожалуйста, инспектор. Я получил письмо от отца, это было... да, полгода назад. Вскоре после того, как я женился. В письме он намекал, что не худо бы забыть старые обиды. Предложил мне вернуться домой и работать в фирме. Но выражался при этом как-то туманно, и я не был уверен, что готов согласиться. Одним словом, я приехал в Англию в августе... да, в августе, три месяца назад. Мы встретились у него дома, в «Тисовой хижине», и он сделал мне, надо признаться, довольно соблазнительное предложение. Я ответил, что хочу подумать и посоветоваться с женой. К этому он отнесся с пониманием. Я вернулся в Восточную Африку и все обговорил с Пэт. Одним словом, отцовское предложение я решил принять. Надо было сворачивать дела в Африке, но я пошел и на это – обещал отцу, что все сделаю к концу прошлого месяца. И пришлю ему телеграмму с датой моего точного приезда в Англию.

Инспектор Нил кашлянул.

– Мне показалось, что вашего брата ваш приезд застал врасплох.

Ланс неожиданно ухмыльнулся. В его красивых глазах запрыгали чертенята.

– Боюсь, для старины Перси мой приезд как снег на голову, – сказал он. – Когда я заявился в Англию три месяца назад, он проводил отпуск в Норвегии. Подозреваю, старик специально подгадал время, решил встретиться со мной за спиной Перси. Больше того, я очень даже склонен думать, что отец сделал мне предложение после того, как в пух и прах разругался с беднягой Перси... он предпочитает, чтобы его называли Валь. Так вот, Валь, как я понимаю, пытался стариком командовать. А старик этого терпеть не может. Что именно они там не поделили, не знаю, но старик метал громы и молнии. И, видимо, ему пришло в голову, что, вызвав меня, он вставит бедняге Валью хороший фитиль. Кстати, он никогда не жаловал жену Перси, а мой брак пришелся ему по душе – он ведь большой сноб. Такая шутка вполне в его духе – притащить меня домой и поставить Перси перед свершившимся фактом.

– Сколько времени вы провели в тот раз в «Тисовой хижине»?

– Час-два, не больше. Остаться на ночь он мне не предложил. Думаю, эта встреча и мыслилась как тайный сговор за спиной Перси. И слуги, как я понимаю, не должны были болтать языками. Сошлись мы на том, что я подумаю, поговорю с Пэт, а потом напишу ему о своем решении, что я и сделал. Написал, когда примерно приеду, а вчера из Парижа дал телеграмму.

Инспектор Нил кивнул.

– Эта телеграмма удивила вашего брата до крайности.

– Могу себе представить. Но Перси, как всегда, остается в выигрыше. Я приехал слишком поздно.

– Да, – задумчиво произнес инспектор, – вы приехали слишком поздно. А в ваш прошлый приезд, в августе, – деловито продолжил он, – с кем-то из членов семьи вы встречались? Кроме отца?

– За чаем была моя мачеха.

– Раньше вы были знакомы?

– Нет. – Он неожиданно ухмыльнулся. – Старик всегда умел выбирать отменный товар. Она ведь как минимум на тридцать лет моложе его.

– Извините, что спрашиваю, но вас не покорило от этого отцовского брака, вас или Персиваля?

Лицо Ланса отразило удивление.

– Вовсе нет, да и Перси, я думаю, тоже. В конце концов, наша матушка умерла, когда нам было... десять и двенадцать лет. Скорее надо удивляться

тому, что он не женился гораздо раньше.

– Но жениться на женщине много моложе тебя – это довольно рискованно, – заметил инспектор Нил.

– Это вам сказал мой дорогой брат? Очень на него похоже. Туманные и грязные намеки – его стихия. Что, расклад именно таков, инспектор? Вы подозреваете мою мачеху в том, что она отравила моего отца?

На лице инспектора Нила не дрогнул ни один мускул.

– Говорить что-то определенное пока рано, мистер Фортескью, – дружелюбно сказал он. – Можно узнать, каковы ваши планы?

– Планы? – Ланс задумался. – Планы, по всей видимости, придется менять. Где сейчас моя семья? Все в «Тисовой хижине»?

– Да.

– Пожалуй, прямо туда и поеду. – Он повернулся к жене: – Пэт, ты лучше отправляйся в гостиницу.

– Нет, нет, Ланс, – запротестовала она, – я поеду с тобой.

– Не стоит, дорогая.

– Я так хочу.

– Лучше не надо, уверяю тебя. Поезжай в... господи, я так давно не останавливался в Лондоне... в «Варнс». В отеле «Варнс» когда-то было очень уютно и тихо. Надеюсь, там и сейчас так?

– Да, конечно, мистер Фортескью.

– Вот и хорошо. Пэт, я поселю тебя туда, если найдут свободный номер, а сам поеду в «Тисовую хижину».

– Но почему ты не хочешь взять меня с собой, Ланс?

Лицо Ланса неожиданно посуровело.

– Откровенно говоря, Пэт, я не уверен, что меня там ждет теплый прием. Меня ведь приглашал отец, а он умер. Кто там теперь хозяин, я не знаю. То ли Перси, то ли Адель. Короче, прежде чем везти туда тебя, хотелось бы посмотреть, как встретят меня самого. К тому же...

– Что «к тому же»?

– Я не хочу поселять тебя под одной крышей с отравителем.

– Что за ерунда!

– Когда речь идет о тебе, Пэт, – решительно возразил Ланс, – я не желаю рисковать.

Глава 11

1

Мистер Дюбуа был раздражен. Он гневно разорвал письмо Адель Фортескью на кусочки и выбросил в корзину для мусора. Потом, вспомнив об осторожности, выудил обрывки из корзины, чиркнул спичкой... и они превратились в пепел. Он пробормотал себе под нос:

– Что за идиотки эти женщины! Где здравый смысл, благоразумие, в конце концов...

Впрочем, мрачно подумал мистер Дюбуа, когда это женщины могли похвастаться благоразумием? Чего нет, того нет, этим их недостатком он сам не раз пользовался, но сейчас... как неблагоразумно! Сам он принял все меры предосторожности. Если миссис Фортескью позвонит, ей скажут, что его нет. Собственно, Адель Фортескью звонила уже трижды, а теперь еще и написала. Кстати говоря, письмо – это еще хуже. Чуть подумав, он подошел к телефону.

– Можно попросить миссис Фортескью? Да, мистер Дюбуа.

Через минуту он услышал ее голос:

– Вивиан, наконец-то.

– Да, да, Адель, но будь осторожна. Откуда ты говоришь?

– Из библиотеки.

– Уверена, что в холле никто не подслушивает?

– Почему кто-то должен подслушивать?

– Мало ли. Полиция еще в доме?

– Нет, сейчас их здесь нет. Вивиан, дорогой, как все это ужасно.

– Да, да, я тебя хорошо понимаю. Но учти, Адель, мы должны быть осторожны.

– Конечно, дорогой.

– Не называй меня «дорогой» по телефону. Это опасно.

– Ну, Вивиан, это уж чересчур. Сейчас все друг друга называют «дорогой».

– Да, да, ты права. Вот что. Не звони сюда и не пиши.

– Но, Вивиан...

– Пока все не утихнет, понимаешь? Мы должны быть осторожны.

– О-о. Хорошо. – В голосе слышалась обида.

– И еще, Адель. Мои письма. Ты ведь их сожгла?
После секундного колебания Адель Фортескью сказала:
– Конечно. Я же тебе сказала, что сожгу их.
– Тогда все в порядке. Ладно, я вешаю трубку. Не звони мне и не пиши.
Придет время, я дам о себе знать.

Он нажал на рычаг. Задумчиво потер щеку. Это секундное колебание ему не понравилось. Сожгла она его письма или нет? Женщины, все они одинаковые. Обещают письма сжечь, а сами оставляют их на память.

Н-да. Получать письма – это женщины любят. Он старался соблюдать осторожность, но бывает, как ни старайся... Несколько писем Адель Фортескью он все-таки написал. Что в них? Обычная дребедень, мрачно подумал он. Но нет ли там слов или фраз, которые в полиции, если захотят, истолкуют так, как им это выгодно? Ему вспомнилось дело Эдит Томпсон. Вроде бы в его письмах ничего компрометирующего нет, но на сто процентов он не уверен... Тревога не унималась, только росла. Допустим, Адель не сожгла его письма до сих пор, теперь-то у нее хватит ума их сжечь? Или они уже в руках полиции? Интересно, где она их держит? Наверное, в своей гостиной, наверху. В этом аляповатом шкафчике. Мишура под Людовика XIV. Что-то она ему говорила насчет тайного ящичка. Тайный ящичек! Полиция, слава богу, и не такие тайны раскрывает. Впрочем, сейчас полицейских в доме нет. Так сказала Адель. Были с утра, но теперь все уехали.

Пока они, скорее всего, искали возможные источники яда, как он мог попасть в пищу. И едва ли обыскали комнату за комнатой. Для этого им нужен ордер или хотя бы разрешение хозяев. И если не терять времени...

Перед его глазами ясно возникла «Тисовая хижина». Скоро сумерки. Подадут чай либо в библиотеке, либо в зале. Все соберутся внизу, слуги будут попивать чаек в комнате для прислуги. Наверху не будет никого. Он проберется через сад вдоль тисовой изгороди – отличное укрытие! Потом откроет боковую дверку со стороны террасы. Ее запирают только на ночь. Улучит минуту – и проскользнет незамеченным наверх.

Вивиан Дюбуа задумался – а что делать дальше? Припиши полиция смерть Фортескью сердечному приступу или чему-то в этом роде, что вполне естественно, – тогда он был бы спокоен. А так... береженого бог бережет.

Мэри Доув медленно спускалась по широкой лестнице. На минуту остановилась у окна между этажами, через которое день назад увидела, как приехал инспектор Нил. За живой изгородью из тиса мелькнула фигура мужчины. Наверное, это Ланселот Фортескью, блудный сын. Отпустил машину у ворот и пошел садом – вспомнить старые добрые времена перед встречей с семьей, настроенный, скорее всего, враждебно. Что ж, подумала Мэри Доув, этому Лансу можно посочувствовать. С полуулыбкой на губах она спустилась в холл. Там ей встретилась Глэдис, горничная, которая даже подскочила от неожиданности.

– Я слышала, кто-то звонил по телефону. Кто это был? – осведомилась Мэри.

– Ошиблись номером. Им нужна была прачечная. – Глэдис почему-то запыхалась, будто после бега. – А до этого звонил мистер Дюбуа. Хотел поговорить с хозяйкой.

– Понятно.

Мэри прошла через холл. Повернув голову, бросила:

– По-моему, пора пить чай? Вы еще его не подавали?

– А что, мисс, уже половина пятого?

– Без двадцати. Подайте чай, будьте так любезны.

Мэри Доув прошла в библиотеку. Там на диване недвижно, глядя в огонь камина, сидела Адель Фортескью и перебирала пальцами маленький кружевной платок. Капризным тоном она спросила:

– Где чай?

– Сейчас принесут, – ответила Мэри Доув.

Из камина на решетку выкатилось бревнышко, Мэри Доув наклонилась и водрузила его на место щипцами, подложила еще немного дров и добавила угля.

При появлении Глэдис на кухне раскрасневшаяся миссис Крамп, месившая тесто в большой кастрюле, окрысилась на нее:

– Колокольчик в библиотеке звонит и звонит. Где это ты, милая, болтаешься! Чай пора нести.

– Несу, несу, миссис Крамп.

– Уж Крампу от меня сегодня достанется, – пробурчала миссис Крамп. – Получит он у меня взбучку.

Глэдис прошла в буфетную. Бутербродов она не сделала. Не сделала и не будет, вот так-то. И без этого господ с голоду не помрут. Два пирога, печенье, ячменные лепешки, мед. Свежее, не магазинное масло. Обойдутся и без бутербродов. Некогда ей было кромсать сало да помидоры, и все тут. А миссис Крамп чуть не лопнет от злости, и все потому, что мистер Крамп

куда-то уехал. А чего не уезжать, раз у человека выходной? Правильно сделал, что уехал.

– Чайник кипит, вот-вот крышка отвалится! – крикнула из кухни миссис Крамп. – Будешь ты этот чертов чай готовить или нет?

– Бегу.

Кинув на глаз горстку чая в большой заварной чайник, она вылила в него кипяток. Поставила оба чайника на внушительный серебряный поднос и понесла его через весь дом в библиотеку, где водрузила на столик около дивана. И сразу же – за другим подносом, на котором стояло сладкое. В холле она едва не выронила поднос из рук – это неожиданно заурчали старинные часы, готовясь отбить четверть часа.

В библиотеке Адель Фортескью встретила Мэри Доув недовольным вопросом:

– Куда все подевались?

– Сама не понимаю, миссис Фортескью. Мисс Фортескью недавно вернулась. А миссис Персиваль, кажется, пишет письма в своей комнате.

– Письма, письма, – продолжала Адель сварливо. – Эта женщина только и знает, что писать письма. Вот уж точно, представительница своего класса! Для нее праздник, когда кто-нибудь умирает или у человека какое-то горе. Какая мерзость. Противно.

– Я скажу ей, что чай готов, – тактично пробормотала Мэри.

Она направилась к выходу, но в дверях ей пришлось отступить – в комнату вошла Элейн Фортескью.

– Как холодно. – Элейн поежилась и, бухнувшись в кресло у камина, стала тереть руки перед языками пламени.

Минутку Мэри постояла в холле. На одном из сервантов она увидела большой поднос с пирогами. В холле заметно потемнело, и Мэри зажгла свет. Ей показалось, что из верхнего коридора доносятся шаги Дженнифер Фортескью. На лестнице, однако, никто не появился, и Мэри поднялась наверх сама.

Персиваль Фортескью с женой занимали изолированные комнаты в одном крыле дома. Мэри постучала в дверь их гостиной. Миссис Персиваль считала, что в дверь нужно обязательно стучать, за что Крамп презирал ее еще больше.

Из комнаты раздалось деловитое:

– Войдите.

Мэри открыла дверь и негромко объявила:

– Сейчас подадут чай, миссис Персиваль.

К своему удивлению, Дженнифер Фортескью она застала в верхней

одежде. Та как раз разоблачалась – снимала длинное пальто из верблюжьей шерсти.

– Я и не знала, что вы куда-то уходили, – сказала Мэри.

Миссис Персиваль еще не успела перевести дух.

– Просто была в саду, вот и все. Дышала воздухом. Но на улице очень холодно. Я с радостью спущусь к камину. Центральное отопление могло бы работать лучше. Пусть кто-то скажет об этом садовникам, мисс Доув.

– Скажу, – пообещала Мэри.

Бросив пальто на спинку стула, Дженнифер Фортескью вышла из комнаты следом за Мэри. На лестнице Мэри пропустила ее вперед. В холле Мэри, опять-таки к своему удивлению, заметила: поднос со сладким стоит на прежнем месте. Она уже направилась в буфетную кликнуть Глэдис, но тут в дверях библиотеки появилась Адель Фортескью и раздраженно спросила:

– Нам собираются что-нибудь подавать к чаю?

Мэри быстро подхватила поднос и внесла его в библиотеку, расставила тарелки и вазочки со сладким на низких столиках у камина. Когда выходила с пустым подносом в холл, в дверь позвонили. Положив поднос, Мэри сама пошла открыть дверь. Если это наконец-то блудный сын, любопытно будет на него посмотреть. Ведь он совсем не такой, как остальные Фортескью... Открыв дверь, она увидела перед собой узколицего брюнета, вопросительно поджавшего губы.

– Мистер Ланселот Фортескью? – осведомилась она.

– Он самый.

Мэри глянула ему за спину.

– Вы с багажом?

– Такси я отпустил. Это все, что у меня есть.

Он поднял среднего размера спортивную сумку на молнии. Ощущая легкое удивление, Мэри понимающе произнесла:

– А-а, так вы приехали в такси. Я уж подумала, пришли пешком. А ваша жена?

Ланс строго ответил:

– Жена не приедет. По крайней мере, в ближайшее время.

– Понятно. Проходите, пожалуйста, мистер Фортескью. Все в библиотеке, пьют чай.

Она подвела его к двери библиотеки и там оставила. А про себя подумала: этот Ланселот Фортескью – очень интересный мужчина. Тут же пришла другая мысль: наверное, она не первая, кому Ланселот Фортескью казался очень интересным.

– Ланс!

Элейн бросилась ему навстречу. Обхватила шею руками и стала тискать его, забыв обо всем на свете, словно школьница, чему Ланс заметно удивился.

– Здравствуй. Да, это я, собственной персоной.

Он мягко высвободился из ее объятий.

– А это Дженнифер?

Дженнифер Фортескью смотрела на него во все глаза, сгорая от любопытства.

– К сожалению, Валь задержался в городе, – объявила она. – Сами понимаете, столько свалилось дел. Отдать все распоряжения, обо всем договориться. Кто еще это сделает? Все на его плечи. Вы даже не представляете, каково нам сейчас.

– Да, вам сейчас очень тяжело. – Ланс сочувственно кивнул.

Он повернулся к дивану, где с намазанной медом лепешкой сидела женщина, сидела и спокойно разглядывала его.

– С Адель вы, конечно, не знакомы? – спросила Дженнифер.

– Представьте, знакомы, – пробормотал Ланс, беря Адель Фортескью за руку.

Он посмотрел на нее сверху вниз, и ресницы ее затрепетали. Она отложила лепешку, которую держала левой рукой, и слегка пригладила волосы. Машинально, по-женски. Просто потому, что в комнате появился видный мужчина. Низким, бархатным голосом она сказала:

– Сядьте рядом, Ланс. – Она налила ему чашку чаю. – Я очень рада, что вы приехали. Нам так нужен еще один мужчина в доме.

– Я готов оказать любую посильную помощь, – предложил Ланс.

– Вы уже знаете... впрочем, наверное, еще нет... в доме была полиция. Они считают... они считают... – Она не договорила и надрывно вскрикнула: – О-о, как это ужасно! Ужасно!

– Я все знаю. – Голос Ланса звучал строго, но с сочувствием. – Они встретили меня в аэропорту.

– Полиция?

– Да.

– И что сказали?

– Ну, – Ланс развел руками, как бы не желая вдаваться в подробности, – объяснили, что произошло.

– Его отравили, – проговорила Адель, – вот что они считают и не скрывают этого. И отравление не пищевое. Не пищевое, а вполне умышленное, его отравил кто-то. И мне кажется, правда-правда, что они подозревают кого-то из нас.

Ланс вдруг одарил ее быстрой улыбкой.

– Пусть об этом голова болит у них, – успокоил ее он. – А вам зачем беспокоиться? Но какой умопомрачительный чай! Настоящего английского чая давно не доводилось отвеждать.

Вскоре его настроение передалось окружающим.

Адель неожиданно спросила:

– А ваша жена... разве вы не женаты, Ланс?

– Женат. Жена сейчас в Лондоне.

– Но может быть... вам лучше привезти ее сюда?

– Посмотрим, время есть, – уклонился от прямого ответа Ланс. – Вообще-то Пэт... ей хорошо и в гостинице.

– Но ты не думаешь, – вдруг вмешалась Элейн, – что... ты же не считаешь...

– Какой роскошный шоколадный пирог, – перебил ее Ланс. – Придется попробовать. – Отрезав кусочек, он спросил: – А тетушка Эффи еще жива?

– Да, Ланс, жива. Она ест у себя в комнате и вообще к нам не спускается, но чувствует себя сносно. Только странная какая-то стала.

– Она всегда была странная, – заметил Ланс. – Пожалуй, после чая я к ней поднимусь.

– В ее возрасте, – пробормотала Дженнифер Фортескью, – ей бы самое время перебраться в какое-нибудь заведение. Где за ней будут как следует ухаживать.

– Помогите, господа, любому заведению для престарелых дам, которое даст приют тетушке Эффи, – шутливо произнес Ланс. Потом добавил: – А кто мне открыл дверь? Этакая якобы застенчивая скромница?

Адель удивилась:

– Разве вам открыл не Крамп? Дворецкий? Ах да, я забыла. Он сегодня выходной. Но про Глэдис не скажешь...

– Голубые глаза, – взялся описывать Ланс, – пробор посредине, ангельский голосок, тихоня тихоней. Ну а что за всем этим скрывается, лучше не говорить.

– Это, – догадалась Дженнифер, – Мэри Доув.

– Она у нас вроде домоправительницы, – пояснила Элейн.

– Особенно сейчас.

– Хозяйство она ведет неплохо, – заметила Адель.

– Да, – задумчиво согласился Ланс. – Судя по ее виду, так оно и есть.

– Но она еще тем хороша, – добавила Дженнифер, – что знает свое место. Не берет на себя больше, чем ей положено.

– Благоразумная голубка Мэри, – заключил Ланс и отрезал себе еще кусочек шоколадного пирога.

Глава 12

1

– Значит, ты снова объявился, как фальшивая монета, – сказала мисс Рэмсботтом.

Ланс осклабился в улыбке.

– Ваша правда, тетушка Эффи.

Мисс Рэмсботтом неодобрительно фыркнула.

– Нечего сказать, подходящее выбрал времечко. Твоего отца вчера убили, по дому шастает полиция и всюду сует нос, даже залезает в мусорные ящики. Я сама из окна видела.

Она умолкла, снова фыркнула и спросила:

– Ты привез с собой жену?

– Нет. Пэт я оставил в Лондоне.

– Разумно. На твоём месте я поступила бы так же. Мало ли что может приключиться.

– С ней? С Пэт?

– С кем угодно, – отрезала мисс Рэмсботтом.

Ланс Фортескью задумчиво посмотрел на нее.

– Вам что-то известно, тетушка Эффи? – спросил он.

Мисс Рэмсботтом не стала отвечать прямо.

– Вчера ко мне с расспросами приходил инспектор. Ну, много он из меня не вытряс. Но он совсем не такой дурак, каким прикидывается, далеко не дурак. – Вдруг она вознегодовала: – Что бы сказал твой дед, узнай он, что в доме была полиция, – несчастный перевернулся бы в гробу! Ведь он всю жизнь был членом «Плимутской братии», сектантом до мозга костей. Помню, какой он шум поднял, когда узнал, что я по вечерам хожу в англиканскую церковь! А ведь в этом по сравнению с убийством ничего дурного нет.

Обычно Ланс отвечал на подобные тирады улыбкой, но сейчас его удлиненное, обрамленное темными волосами лицо оставалось серьезным. Он сказал:

– Тетушка, меня ведь долго не было, я много чего не знаю. Что здесь вообще происходит?

Мисс Рэмсботтом подняла глаза к небу.

– Деяниями господними тут и не пахнет, – твердо сказала она.

– Да, да, тетушка Эффи, других слов я от тебя и не ждал. Но с чего полицейским взбрело в голову, что папу убили здесь, в этом доме?

– Прелюбодеяние – это одно, а убийство – совсем другое, – заявила мисс Рэмсботтом. – Не хотелось бы подозревать ее, нет, не хотелось бы.

Ланс насторожился.

– Адель? – спросил он.

– Роток на замок, – отказалась отвечать мисс Рэмсботтом.

– Ну, тетушка, что вы, право, – стал уговаривать Ланс. – Поговорка эта хорошая, но она ровным счетом ничего не значит. У Адель есть кавалер, да? И вместе они подсыпали отцу в утренний чай белены? Такой, что ли, расклад?

– Не думаю, что это подходящая тема для шуток.

– Да я особенно и не шутил.

– Одно могу тебе сказать, – внезапно раздобрилась мисс Рэмсботтом. – Этой девице что-то известно, точно знаю.

– Какой девице? – удивился Ланс.

– Той, что шмыгает носом, – объявила мисс Рэмсботтом. – Той, что должна была принести мне чай, да не принесла. Умотала куда-то без спроса, так мне сказали. Не удивлюсь, если она побежала в полицию. Кто открыл тебе дверь?

– Некто Мэри Доув. Из тех, кто мягко стелет. Это она, по-вашему, побежала в полицию?

– Эта в полицию не побежит, – возразила мисс Рэмсботтом. – Нет... я про дуреху горничную. Целый день прыгает и извивается, как на углях. «Что это с тобой? – спрашиваю. – Или совесть нечиста?» А она: «Я ничего не делала... в жизни такой грех на душу не взяла бы». – «Надеюсь, – говорю, – что не взяла бы, но ведь ты вся извелась, я же вижу». Тут она давай сопеть, я, мол, никому зла не желаю, а это все вышло по ошибке. Тогда я ей говорю: «Вот что, девочка, открой правду, и ты посрамишь дьявола». Так и сказала. «Иди, – говорю, – в полицию и все им расскажи как на духу, потому что скрывать правду, хоть и неприятную, – ничего хорошего не будет». Тут она совсем начала плести чушь: как же она пойдет в полицию, да они ей нипочем не поверят, и вообще, что она им скажет? Под конец говорит: я вообще знать ничего не знаю.

– А вы не думаете, – усомнился Ланс, – что это она так, поважничать?

– Э, нет. Похоже, она была испугана. Что-то такое она видела или слышала, с этой историей связанное. Может, и вправду важное, а может, какая-нибудь дурость.

– А если у нее самой был зуб на отца, и она... – Ланс не договорил. Мисс Рэмсботтом решительно покачала головой:

– Такие, как она, для твоего отца – пустое место. Да на эту несчастную ни один мужчина никогда не посмотрит. Ну, может, для ее души оно и к лучшему.

Душа Глэдис Ланса не интересовала. Он спросил:

– Вы считаете, она бегала в полицию?

Тетушка Эффи энергично закивала.

– Очень даже просто. В доме она, допустим, побоялась с ними разговаривать – вдруг кто-нибудь подслушает?

– Думаете, она видела, как кто-то что-то подсыпал в пищу?

Тетушка Эффи кинула на него быстрый взгляд.

– Почему бы нет? – спросила она.

– Да, почему бы нет. – Как бы извиняясь, Ланс добавил: – Все это до сих пор не укладывается у меня в голове. Прямо детективная история.

– Жена Персиваля – больничная сиделка, – сказала мисс Рэмсботтом.

Эта реплика показалась Лансу настолько неуместной, что он удивленно выпучил глаза.

– Больничные сиделки хорошо разбираются в лекарствах, – пояснила мисс Рэмсботтом.

На лице Ланса отразилось сомнение.

– А эта штукавина... токсин... ее в медицине используют?

– Насколько я знаю, токсин получают из тисовых ягод. Иногда эти ягоды едят дети, – продолжала мисс Рэмсботтом. – И крепко потом болеют. В моем детстве был такой случай. Помню, меня это тогда просто потрясло. На всю жизнь запомнила. Такие воспоминания иногда оказываются полезными.

Ланс резко поднял голову и внимательно посмотрел на нее.

– Одно дело – естественное влечение, – изрекла мисс Рэмсботтом, – надеюсь, этим бог не обделил и меня. А вот греховности терпеть не могу. Греховность надо рубить под корень.

– Сгинула, мне даже словечка не сказала! – заявила миссис Крамп, поднимая раскрасневшееся, гневное лицо от теста, которое она раскатывала на доске. – Никому ни словечка – и только ее и видели! Ух, коварная! Коварная, какая же еще! Испугалась, что не отпустят, а я бы

нипочем не отпустила, если бы засекала! Это же надо! Хозяин помер, в дом приезжает мистер Ланс, уж вон сколько лет его не было, я Крампу еще говорю: «Выходной или нет, я свои обязанности знаю. Нельзя, чтобы в такой день на столе стоял холодный ужин, как обычно по четвергам, нет, сегодня будет полный обед, все как положено. Джентльмен взял себе в жены аристократку, приезжает с ней из-за границы, все должно быть чин по чину». Сами знаете, мисс, я свое дело делаю справно, для меня моя работа – не шалай-валяй.

Мэри Доув, в чей адрес были обращены эти излияния, чуть кивнула головой.

– А что заявляет Крамп? – продолжала негодовать миссис Крамп. – «У меня сегодня выходной, я и выхожу, – вот что он говорит. – А аристократка мне, – говорит, – до лампочки». Шалай-валяй – вот как он к своей работе относится. Взял и ушел, а я сразу Глэдис предупредила: мол, сегодня ей придется повертеться одной. Она мне в ответ: «Конечно, конечно, миссис Крамп», – а не успела я отвернуться, ее и след простыл. А у нее, между прочим, не выходной. У нее выходной в пятницу. Как теперь управимся, ума не приложу. Слава богу, мистер Ланс жену не привез.

– Управимся, миссис Крамп. – Голос Мэри успокаивал и в то же время звучал властно. – Если слегка упростим меню. – Она предложила свой вариант обеда. Миссис Крамп нехотя кивнула в знак согласия. – Все это я смогу быстро подать на стол, – заметила Мэри.

– Вы хотите сказать, мисс, что сами будете прислуживать у стола? – с сомнением в голосе спросила миссис Крамп.

– Если Глэдис к тому времени не придет, да.

– Факт, что не придет, – заверила миссис Крамп. – Будет шататься да денежки в магазинах проматывать. У нее, между прочим, парень есть, вот так-то, мисс, а с виду никак не подумаешь. Альберт зовут. Весной поженятся, она сама мне говорила. Что они смыслят в семейной жизни, эти сопливые девчонки? Знала бы она, чего я натерпелась от Крампа. – Она вздохнула, потом своим обычным голосом добавила: – Так что с чаем, мисс? Кто уберет посуду да все вымоет?

– Я, – сказала Мэри. – Сейчас пойду и все сделаю.

Света в библиотеке не было, хотя Адель Фортескью все еще сидела на диване рядом с подносом для чая.

– Свет зажечь, миссис Фортескью? – спросила Мэри.

Ответа не последовало.

Мэри повернула выключатель, подошла к окну и раздвинула шторы. Лишь после этого она повернула голову и увидела лицо женщины,

откинувшейся на диванные подушки. Рядом лежала недоеденная лепешка с медом, недопитым остался чай. Смерть пришла к Адель Фортескью быстро и внезапно.

3

– Ну? – нетерпеливо спросил инспектор Нил.

Доктор скороговоркой выпалил:

– Цианид, может, цианистый калий – в чае.

– Цианид, – пробормотал Нил.

Доктор глянул на него с легким любопытством.

– Вижу, вы сильно расстроены. Есть причины?

– В убийстве Рекса Фортескью мы подозревали ее, – пояснил инспектор.

– А она оказалась жертвой. Гм... значит, вам снова придется мозгами шевелить?

Нил кивнул. Вид у него был мрачный, резко обозначились скулы.

Отравили! Прямо у него под носом. Токсин в утреннем кофе Рекса Фортескью, цианид в чае Адель Фортескью. И опять-таки – дела интимные, дела семейные. В домашнем кругу. Так, во всяком случае, кажется.

Адель Фортескью, Дженнифер Фортескью, Элейн Фортескью и вновь прибывший Ланс Фортескью вместе пили чай в библиотеке. Ланс поднялся к мисс Рэмсботтом, Дженнифер удалилась к себе писать письма, последней из библиотеки ушла Элейн. По ее словам, Адель была в добром здравии и как раз наливала себе последнюю чашку чаю.

Последнюю чашку чаю! Да, для нее эта чашка действительно оказалась последней.

А после этого – промежуток примерно в двадцать минут. Потом в комнату вошла Мэри Доув и обнаружила труп.

Целых двадцать минут...

Инспектор Нил выругался про себя и пошел на кухню.

Возле кухонного стола, устроив на стуле свои могучие телеса, сидела миссис Крамп, от ее воинственности не осталось и следа. При появлении Нила она едва пошевелилась.

– Где эта девушка? Еще не вернулась?

– Глэдис? Нет еще. И не вернется часов до одиннадцати, и не надейтесь.

– Вы сказали, что чай приготовила она, приготовила и подала.

– Я, сэр, к нему не прикасалась, господь свидетель. Мало того, и Глэдис не делала чего не положено, точно знаю. Глэдис не из таких. Она, сэр, девушка безобидная, может, разве слегка придурковатая, но никак не злодейка.

Нил и сам не считал ее злодейкой. И не думал, что она – отравительница. К тому же в заварном чайнике следов цианида не оказалось.

– Но с чего она так неожиданно убежала? Ведь вы говорите, что сегодня у нее выходного нет.

– Правда, сэр, выходной у нее завтра.

– А Крамп...

К миссис Крамп внезапно вернулась воинственность. Голос ее гневно зазвенел:

– А вот на Крампа собак вешать нечего. Крамп тут ни при чем. Он уехал в три часа, и я теперь скажу – слава богу, что уехал. Он к этому имеет не больше отношения, чем сам мистер Персиваль.

Персиваль Фортескью только что вернулся из Лондона и был ошарашен известием о второй трагедии.

– Я и не думал обвинять Крампа, – мягко возразил Нил. – Просто хотел уточнить, знал ли он что-нибудь о планах Глэдис.

– Лучшие свои чулки надела, нейлоновые, – поделилась миссис Крамп. – Ясное дело, что не просто так. Меня не проведешь! И бутербродов к чаю не наготовила. Это все не просто так, тут дело ясное. Пусть только заявится, я ей все выскажу.

– Пусть сначала заявится...

Нилу стало как-то не по себе. Чтобы стряхнуть эту тревогу, он отправился наверх, в спальню Адель Фортескью. Да, богато, что говорить – портьеры из розовой парчи, большущая позолоченная кровать. В одной стене дверь в облицованную зеркалами туалетную комнату, в пол которой вделана розово-лиловая фарфоровая ванна. Дверь на противоположной стене вела в спальню Рекса Фортескью. Нил вернулся в спальню Адель, а оттуда прошел в ее гостиную.

Комната была меблирована в стиле ампира, на полу лежал розовый ворсистый ковер. Эту комнату Нил окинул лишь мимолетным взглядом, ибо досконально изучил ее за день до этого, уделив особое внимание небольшой и изящной конторке.

Но что это? Нил даже вздрогнул. В центре розового ворсистого ковра лежал небольшой комочек грязи.

Нил нагнулся и поднял его. Грязь была еще влажной.

Он огляделся – отпечатков ног не видно, только этот один невесть откуда взявшийся комочек непросохшей земли.

Инспектор Нил осмотрел спальню, принадлежавшую Глэдис Мартин. Уже пробило одиннадцать. С полчаса назад вернулся Крамп, а Глэдис все не появлялась – как в воду канула. Бог ее знает, как она управляется с работой, подумал инспектор Нил, но, судя по комнате, эта Глэдис – неряха неряхой. Кровать, наверное, не убирается никогда, окна отворяются и того реже. Впрочем, привычки Глэдис его сейчас мало беспокоили. Он принялся изучать ее имущество.

Одежка в основном была дешевая, жалкая. Почти ничего достойного, прочного, хорошего качества. От пожилой Эллен, которую он попросил помочь, толку оказалось мало. В чем ходила Глэдис, что носила – этого она не знала. Пропало что-то или нет – не знала тоже. Оставив одежду и белье в покое, он перешел к комоду. Там Глэдис хранила свои сокровища. Почтовые открытки и вырезки из газет, образцы для вязанья, советы по уходу за лицом, выкройки и фотографии моделей одежды.

Инспектор Нил аккуратно разложил всю эту чепуху по кучкам. Почти все открытки были с видами различных мест – видимо, тех, куда Глэдис ездила отдыхать. Три открытки были подписаны «Берт». Наверное, тот самый парень, которого упомянула миссис Крамп. На первой открытке не слишком грамотной рукой было написано: «Всех благ. Жутко скучаю. Навеки твой, Берт». Вторая гласила следующее: «Тут полно хорошеньких девиц, но ни одна тебе в подметки не годится. Скоро увидимся. Не забудь про наш уговор. И помни, после этого – заживем на большой палец и будем счастливы вовек».

Третья кратко сообщала: «Не забудь. Я в тебя верю. С любовью. Б.».

Затем Нил изучил газетные вырезки и разложил их на три кучки. Советы по уходу за лицом и пошиву одежды, статейки про кинозвезд, перед чьим искусством Глэдис, судя по всему, благоговела, волновали ее и последние чудеса науки. Летающие тарелки, секретное оружие, исповедальные таблетки, применяемые русскими, какие-то фантастические лекарства, якобы изобретенные американскими докторами. Короче говоря, подумал Нил, всякая чертовщина двадцатого века. Но ключа к исчезновению девицы в этой комнате, похоже, нет. Дневника она не вела,

да инспектор и не надеялся на такой подарок. Ну, разве самую малость. Никаких недописанных писем или прочих свидетельств того, будто ей известно что-то, связанное со смертью Рекса Фортескью. Если Глэдис что-то видела или знала, это ничем не подтверждалось. Можно было только гадать, почему второй поднос с чаем так и остался в холле, а сама Глэдис внезапно исчезла.

Вздохнув, Нил вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

Он уже спускался по небольшой винтовой лестнице, как вдруг где-то под собой услышал топот бегущих ног.

Снизу на него смотрело озабоченное лицо сержанта Хейя. Сержант немного запыхался.

– Сэр, – выдохнул он взволнованно. – Сэр! Мы ее нашли.

– Нашли?

– Уборщица, сэр... Эллен... она вспомнила, что не занесла с улицы белье, оно сушилось на веревках – за углом, если выйти через заднюю дверь. Вот она и пошла с фонарем занести белье и споткнулась о тело... тело девушки, ее кто-то задушил, обмотал чулок вокруг горла... я бы сказал, уже давно. Да еще и шутку пошутил – бельевой прищепкой зажал ей нос... Ничего себе шутка...

Глава 13

Ехавшая поездом пожилая дама купила три утренних газеты, и в каждой из них, прочитанной, сложенной и убранный в сторонку, бросался в глаза один и тот же заголовок. Эта история, еще недавно прятанная в укромном уголке на предпоследних страницах, выплеснулась на первые. «Тройное убийство в «Тисовой хижине» – вот как броско извещали о ней газеты.

Пожилая дама сидела, распрямив спину и поджав губы, ее бело-розовое в морщинках лицо выражало горечь и неодобрение. Дама смотрела в окно. Это была мисс Марпл. Она выехала из Сент-Мэри-Мид утренним поездом, с одной пересадкой добралась до Лондона, там кольцевым поездом доехала до другого лондонского вокзала, а уже оттуда направилась в Бейдон-Хит.

На станции она остановила такси и попросила отвезти ее в «Тисовую хижину». И такая она была очаровательная и невинная, эта мисс Марпл, такая старушка-лапочка с бело-розовым личиком, что ей почти без труда удалось проникнуть в дом, напоминавший осажденную крепость. Невероятно, но факт – бранию газетчиков и фотографов полицейские держали на расстоянии, а мисс Марпл позволили проехать беспрепятственно, ибо с одного взгляда было ясно, что она – пожилая родственница, член семьи. Никому и в голову не пришло, что это не так.

Мисс Марпл расплатилась с таксистом, тщательно отсчитав полагавшуюся ему мелочь, и нажала кнопку звонка на двери. Ей предстал Крамп, и мисс Марпл окинула его опытным глазом. Хитрюга, себе на уме – такова была ее оценка. При этом напуган до смерти.

Крамп же увидел высокую пожилую даму в старомодном твидовом костюме, на шее повязаны два шарфика, голову украшает фетровая шляпка с птичьим пером. Пожилая дама держала вместительный саквояж, у ног ее стоял повидавший виды, но добротный чемодан.

Чтобы распознать даму, Крампу было достаточно одного взгляда, и потому самым уважительным и лучшим своим голосом он спросил:

– Чем могу служить, мадам?

– Могу ли я видеть хозяйку дома? – поинтересовалась мисс Марпл.

Отступив, Крамп позволил ей войти. Поднял чемодан и бережно занес его в холл.

– Видите ли, мадам, – заколебался он, – я не знаю, как мне вас...

Мисс Марпл пришла ему на выручку.

– Я приехала, – объявила она, – поговорить о несчастной девушке, которую здесь убили. Глэдис Мартин.

– Понимаю, мадам. В таком случае... – Он смолк, потому что из дверей библиотеки вышла высокая молодая женщина. – Это миссис Ланс Фортескью, мадам, – представил он.

Пэт подошла поближе, и дамы взглянули друг на друга. Мисс Марпл испытала легкое удивление. Она никак не рассчитывала встретить в этом доме человека, подобного Патриции Фортескью. Обстановку она себе представляла именно так, но Пэт с этой обстановкой почему-то не вязалась.

– Это по поводу Глэдис, мадам, – услужливо подсказал Крамп.

– Может быть, зайдете сюда? – неуверенно пригласила Пэт. – Тут мы будем одни.

Она прошла в библиотеку, а мисс Марпл – за ней.

– Вы хотели видеть кого-то конкретно? – спросила Пэт. – Боюсь, я едва ли смогу вам помочь. Дело в том, что мы с мужем приехали из Африки несколько дней назад. О домашних делах ничего толком не знаем. Если хотите, я позову мою золовку или жену деверя.

Мисс Марпл взглянула на девушку, и та ей понравилась. Понравилась ее простота, серьезность. Неизвестно почему мисс Марпл вдруг стало жаль эту девушку. Интуиция подсказала ей – здесь, в этом богатом и до неприличия роскошном интерьере, Пэт неуютно, мебель из потертого ситца, конюшня, псарня – вот где она на месте. Мисс Марпл не раз была на выставках пони и «собачьих площадках» в районе Сент-Мэри-Мид, девушек вроде Пэт встречала нередко и хорошо их знала. И поэтому прониклась симпатией к этой девушке, оказавшейся не в своей тарелке.

– Вообще-то все просто, – заговорила мисс Марпл, аккуратно стягивая перчатки и высвобождая пальцы. – О том, что убили Глэдис Мартин, я прочитала в газете. А я очень хорошо ее знала. Она родом из моих мест. Можно сказать, обучение для работы в частных домах она прошла у меня. И как только с ней случилась эта жуткая трагедия, внутренний голос сказал мне – поезжай туда, вдруг сможешь оказаться полезной.

– Конечно, – сказала Пэт. – Я понимаю.

И это было правдой. Поступок мисс Марпл показался ей вполне естественным и неизбежным.

– По-моему, очень хорошо, что вы приехали, – продолжала Пэт. – Похоже, про нее никто толком ничего не знает. В смысле, есть ли у нее родственники и все такое.

– Нет, – ответила мисс Марпл. – Никаких родственников у нее,

конечно же, нет. Ко мне она пришла из приюта Сент-Фейтс. Там довольно-таки неплохо, но, увы, с деньгами у них туговато. Мы делаем для девочек что можем, стараемся получше подготовить их для работы и прочее. Глэдис пришла ко мне в семнадцать лет, и я научила ее, как накрывать и подавать на стол, как чистить столовое серебро и тому подобное. Разумеется, она оставалась у меня недолго. Все они не задерживаются. Немножко кое-чему поучилась – и до свидания, пошла работать в кафе. Почти всех девочек тянет в кафе. Им кажется, что там свободы больше и веселее. Может, так оно и есть. Не знаю.

– Я ее даже не видела, – сказала Пэт. – Она была хорошенькая?

– О нет, – возразила мисс Марпл, – увы. Аденоиды, прыщики. Да и глупа до обидного. Боюсь, – задумчиво продолжала мисс Марпл, – что у нее постоянных друзей никогда не было. На мужчинах она была просто помешана, бедняжка, но те ее и замечать не желали. А другие девчонки только подтрунивали над ней да насмехались.

– Как все это жестоко. – Пэт поежилась.

– Да, моя милая, – согласилась мисс Марпл, – жизнь, к сожалению, штука жестокая. Прямо и не знаешь, что делать с такими, как Глэдис. Ходить в кино – это их любимое занятие, но они забивают себе голову бог знает чем, мечтают о невозможном. Что ж, в каком-то смысле это даже счастье. Но они обязательно разочаровываются. Вот и Глэдис, думаю, в ресторанной жизни разочаровалась. Ничего пленительного, ничего интересного в ее жизни не происходило, да и за день еще как набегаешься. Может, поэтому она и вернулась в частное услужение. Не знаете, сколько она здесь проработала?

Пэт покачала головой.

– Думаю, недолго. Месяц или два. – Пэт смолкла, потом продолжала: – Так ужасно, что она оказалась замешана в эту историю. Умереть вот так, ни за что. Наверное, она что-то видела, что-то заметила.

– Больше всего мне не понравилась прищепка, – проговорила мисс Марпл своим мягким голосом.

– Прищепка?

– Да. Я прочитала об этом в газетах. Это ведь правда? Когда ее нашли, нос ее был зажат прищепкой?

Пэт кивнула. Розовые щечки мисс Марпл заметно потемнели.

– Именно это, дорогая, рассердило меня больше всего, надеюсь, вы меня понимаете. Сколько в этом поступке жестокости и высокомерия! В моем сознании сразу сложился образ убийцы. Какая мерзость! Это вызов человеческому достоинству, поступить так мог только настоящий злодей.

Ведь он это сделал уже после убийства.

– Кажется, я вас понимаю, – медленно произнесла Пэт. Она поднялась. – Пожалуй, вам надо встретиться с инспектором Нилом. Он ведет это дело, и сейчас он здесь. Думаю, он вам понравится. Очень душевный человек. – Внезапно она повела плечами, будто от холода. – Вся эта история – какой-то жуткий кошмар. Бессмысленный. Безумный. Ни складу ни ладу.

– Я, знаете ли, этого бы не сказала, – возразила мисс Марпл. – Нет, не сказала бы.

Вид у инспектора Нила был усталый и изможденный. Три смерти кряду, и газетчики со всей страны тут как тут, накинлись, словно стервятники. Казалось бы, дело – обыкновеннее не придумаешь, и вдруг все полетело вверх тормашками. Адель Фортескью, вполне подходящая подозреваемая, стала второй жертвой в донельзя запутанном деле об убийстве. К концу того рокового дня помощник комиссара вызвал к себе Нила, и мужчины долго не выходили из кабинета.

Несмотря на охватившее его смятение, инспектор Нил в глубине души был удовлетворен. Схема «жена – любовник» с самого начала казалась ему уж слишком лежащей на поверхности, слишком простой. Она всегда вызывала у него недоверие. И вот теперь оно оправдалось.

– Теперь все выглядит совершенно иначе, – сказал помощник комиссара, хмуро вышагивая по кабинету. – Мне кажется, Нил, тут какая-то психическая патология. Сначала муж, потом жена. Но из самих обстоятельств дела видно, что убийца – кто-то из своих. Что называется, в кругу семьи. Этот кто-то сидел за завтраком с Фортескью и положил токсин ему в кофе или в пищу. Этот кто-то пил с семьей чай и положил в чашку Адель Фортескью цианистый калий. Этот кто-то пользуется доверием, на него никто и подумать не может, это один из членов семьи. Кто из них, Нил?

– Персиваля дома не было, – сухо ответил Нил, – так что он опять вне подозрений. Опять, – повторил инспектор.

Помощник комиссара быстро взглянул на него. Это «опять» заставило его встрепенуться.

– У вас что-то на уме, Нил? Выкладывайте.

Лицо инспектора Нила оставалось непроницаемым.

– Ничего особенного, сэр. Я лишь хочу сказать, что уж очень удобно для него все получается.

– Подозрительно удобно, да? – Помощник комиссара задумался и покачал головой. – Считаете, он мог как-то это проверить? Не

представляю как, Нил. Не представляю. – После минутной паузы он добавил: – И вообще этот Персиваль – человек осторожный.

– Но и очень умный, сэр.

– А на женщин вы не грешите? Нет? Но все указывает именно на них. Элейн Фортескью и жена Персиваля. Они были за завтраком, они же были и за чаем. Сделать это могла и та и другая. С виду обе вполне нормальные? Что ж, патология не всегда бросается в глаза. Может быть, они страдали какими-то заболеваниями в прошлом? Это надо выяснить.

Инспектор Нил не ответил. Он думал о Мэри Доув. У него не было особых причин подозревать ее, тем не менее мысли его текли именно в этом направлении. Было в ней что-то неясное, недоговоренное. Какой-то легкий насмешливый антагонизм. Да, именно так было после смерти Рекса Фортескью. А сейчас? Ведет она себя, как всегда, образцово. Насмешки как будто больше нет. Пожалуй, и антагонизма тоже, но не страх ли мелькнул на ее лице раз-другой? А вот смерть Глэдис Мартин – на его совести. Ее смятение, какое-то чувство вины он приписал естественной нервозности от встречи с полицией. С этой нервозностью, будто человек в чем-то виновен, инспектор Нил сталкивался не раз. Но в данном случае было что-то, показавшееся ей подозрительным. Может, это была какая-то мелочь, нечто туманное и неопределенное, и она не хотела об этом говорить. И вот этот несчастный перепуганный кролик умолк навсегда.

Сейчас инспектор Нил не без интереса смотрел на пожилую даму, стоявшую перед ним в «Тисовой хижине». Черты лица приятные, видно, что обязательна, деловита. Он быстро определил, какой взять с ней тон, как себя с ней вести. Мисс Марпл может оказаться полезной. Человек она справедливый, безупречно честный, как у большинства пожилых дам, свободного времени у нее в избытке плюс нюх старой девы на всевозможные слухи и сплетни. Из прислуги и из лучшей половины семейства Фортескью она вытянет столько, сколько ему с его полицейскими и не снилось. Пересуды, догадки, воспоминания – все это месиво она перелопатит и извлечет на свет неопровержимые факты. Поэтому инспектор Нил был благожелателен.

– Вы проявили недюжинную доброту, мисс Марпл, решив приехать сюда, – почтительно произнес он.

– Я не могла поступить иначе, инспектор Нил. Эта девушка жила в моем доме. В каком-то смысле я за нее ответственна. Такая, кстати говоря, была глупышка.

Инспектор Нил понимающе взглянул на нее.

– Да, – согласился он, – именно так.

А сам подумал: надо же, как сразу эта дама перешла к сути дела.

– Она никогда не знала, – продолжала мисс Марпл, – как поступить. Если что-то происходило. Господи, что это я мысль не могу выразить?

Инспектор Нил заверил мисс Марпл, что ее мысль абсолютно ясна.

– Она не умела определить, что важно, а что нет, вы, наверное, это хотели сказать?

– Да, именно это, инспектор.

– Когда вы сказали, что она была глупышка... – Инспектор Нил сделал паузу.

Мисс Марпл тут же подхватила:

– Понимаете, она была из доверчивых. Из тех, что отдадут все свои сбережения мошеннику. Только у нее никаких сбережений не было – все деньги она вбухивала в одежду и каждый раз покупала что-нибудь не то.

– А как насчет мужчин? – спросил инспектор.

– Ей очень хотелось, чтобы у нее был молодой человек, – сказала мисс Марпл. – Пожалуй, поэтому она и из Сент-Мэри-Мид уехала. Уж больно велика там конкуренция. Мужчин-то мало. У нее были серьезные виды на разносчика рыбы. Этот Фред находил лестное словечко для каждой девушки, но ни о чем серьезном он, конечно, не помышлял. Бедняжка Глэдис приняла это очень близко к сердцу. Но в конце концов она как будто все же нашла себе молодого человека?

Инспектор Нил кивнул.

– Похоже, что так. Насколько я знаю, его звали Альберт Эванс. Она якобы познакомилась с ним где-то на курорте. Никакого кольца, ничего обязывающего он не подарил, так что, возможно, рассказ про курорт – чистая выдумка. Он – горный инженер, по крайней мере, так она сказала поварихе.

– Горный инженер? – удивилась мисс Марпл. – Вот уж вряд ли. Хотя рискну предположить, что ей он отрекомендовался именно так. Она ведь верила всему на свете. Его вы со всей этой историей не связываете?

Инспектор Нил покачал головой:

– Нет. Думаю, он тут ни при чем. Он ведь к ней, как я понял, никогда не приезжал. Посылал иногда открытку, обычно из какого-нибудь порта. Может, служит четвертым механиком на каком-нибудь судне, что плавает в Скандинавию.

– Так или иначе, – заключила мисс Марпл, – я рада, что маленький роман у нее все-таки был. Раз уж ее жизни суждено было так оборваться... – Она поджала губы. – Знаете, инспектор, меня это ужасно, просто ужасно рассердило. – И она добавила, как прежде добавила в

разговоре с Пэт Фортескью: – Особенно прищепка. Это каким же надо быть злодеем!

Инспектор Нил с интересом взглянул на нее.

– Я хорошо вас понимаю, мисс Марпл, – только и сказал он.

Как бы извиняясь, мисс Марпл откашлялась.

– Я хотела бы... не думайте, что я слишком много на себя беру... но я хотела бы предложить вам свою очень скромную и, боюсь, очень женскую помощь. Этот убийца – настоящий злодей, а злодеяние не должно оставаться безнаказанным.

– Сейчас это убеждение не очень в моде, мисс Марпл, – угрюмо изрек инспектор Нил. – Хотя лично я с вами согласен.

– Я могу остановиться в гостинице около станции или в гостинице «Гольф», – как бы рассуждая вслух, заговорила мисс Марпл, – к тому же в этом доме, как мне известно, живет некая мисс Рэмсботтом, которая проявляет интерес к иностранным миссиям.

Инспектор Нил окинул мисс Марпл задумчивым взглядом.

– Что ж, – сказал он. – Возможно, вы правы. Не могу похвастать, что мой разговор с этой дамой прошел весьма успешно.

– Вы очень любезны, инспектор Нил, – сказала мисс Марпл. – Я так рада, что вы не считаете меня охотницей за сенсациями.

Инспектор Нил неожиданно расплылся в улыбке. Он вдруг подумал, что мисс Марпл никак не соответствует общепринятому образу разгневанного мстителя. Но ведь если разобраться, кто же она, как не разгневанный мститель?

– Газетчики, – щебетала мисс Марпл, – так и ищут сенсацию и часто находят там, где ее нет. И потому, боюсь, часто расходятся с истиной. – Она вопросительно посмотрела на инспектора Нила. – Хорошо бы иметь беспристрастные факты.

– Не знаю, насколько они беспристрастные, – усомнился Нил. – Но в целом, если сорвать с них излишнюю сенсационность, картина получается такая. Мистер Фортескью умер у себя в кабинете в результате отравления токсином. Токсин содержится в ягодах и листьях тиса.

– Очень удобно, – вставила мисс Марпл.

– Возможно, – согласился инспектор, – но никаких улик на этот счет у нас нет. Во всяком случае, пока. – Он выделил слово «пока», потому что считал: мисс Марпл может оказаться полезной именно на этом фронте. Если в доме и делался какой-то настой из тисовых ягод, весьма вероятно, что его следы сумеет обнаружить как раз мисс Марпл. Она, должно быть, из тех бабулечек, которые делают домашние ликеры, наливки, заваривают

чай на всяких травах. Она должна знать, откуда берутся все эти настойки и куда потом деваются.

– А миссис Фортескью?

– Миссис Фортескью в семейном кругу пила чай в библиотеке. Последней из комнаты и из-за стола вышла Элейн Фортескью, ее падчерица. Она утверждает, что, когда выходила из комнаты, миссис Фортескью наливала себе еще одну чашку чаю. Минут через двадцать или тридцать в комнату за подносом зашла мисс Доув, здешняя экономка. Миссис Фортескью все еще сидела на диване, но уже мертвая. Рядом с ней стояла на три четверти пустая чашка, и в остатках жидкости был обнаружен цианистый калий.

– Который, кажется, действует почти немедленно, – уточнила мисс Марпл.

– Совершенно верно.

– Очень опасное вещество, – пробормотала мисс Марпл. – Им пользуются, чтобы выбирать осиные гнезда, но я, например, всегда делаю это с большой осторожностью.

– Вы правы, – подтвердил инспектор. – Пакет с этим веществом хранился в сарае садовника.

– Опять же очень удобно, – заметила мисс Марпл. Потом добавила: – А миссис Фортескью что-нибудь ела?

– О да. То, что было подано к чаю.

– Кусочек торта? Хлеб с маслом? Лепешки? Джем? Мед?

– Да, был мед и лепешки, шоколадный торт и рулет с вареньем, еще на подносе стояли тарелки со всякой всячиной. – Он с любопытством взглянул на нее. – Но цианистый калий обнаружили в чае, мисс Марпл.

– Да, да. Это я поняла. Просто хотела, как говорится, представить себе всю картину. Это ведь важно, правда?

Он посмотрел на нее, слегка озадаченный. Розовые щечки, блестящие глазки.

– А третья смерть, инспектор Нил?

– С фактами и здесь как будто все ясно. Эта девушка, Глэдис, занесла в библиотеку поднос с чаем, потом из кухни вынесла в холл поднос с едой, но почему-то там его и оставила. Она вообще весь день была какая-то рассеянная. Так вот, после этого ее никто не видел. Повариха, миссис Крамп, без долгих раздумий решила: девушка просто ушла по своим делам, никого не спросив. Видимо, миссис Крамп сделала такой вывод, потому что на девушке были ее лучшие нейлоновые чулки и лучшая пара туфель. Но, как выяснилось, повариха ошиблась. Девушка внезапно вспомнила, что

забыла снять сохнувшее на веревке белье, – это очевидно. Она выбежала за ним и сняла с веревок уже половину, как вдруг кто-то застал ее врасплох, накинул на шею чулок... и все было кончено.

– Кто-то чужой? – спросила мисс Марпл.

– Может быть, – сказал инспектор Нил. – А возможно, кто-то из своих. Кто-то ждавший, пока девушка останется одна. Когда мы первый раз допрашивали Глэдис, она волновалась, нервничала, но мы, к сожалению, не придали этому значения.

– Но это же естественно! – воскликнула мисс Марпл. – У людей часто бывает смущенный и виноватый вид, когда их допрашивает полиция.

– Вы абсолютно правы. Но на сей раз, мисс Марпл, тут было нечто большее. Я думаю, эта Глэдис застала кого-то за каким-то занятием, объяснить которое она не могла. Едва ли это было что-нибудь определенное. Она бы не стала от нас скрывать. Но, скорее всего, она пошла со своими сомнениями прямо к этому человеку. И человек понял – Глэдис опасна.

– И поэтому Глэдис находят задушенной с прищепкой на носу, – пробормотала про себя мисс Марпл.

– Да, это гадкий штрих. Гадкий, издевательский штрих. Гадкая и ненужная бравада.

Мисс Марпл покачала головой:

– Почему же ненужная? Все по схеме.

Инспектор Нил с любопытством посмотрел на нее.

– Не совсем вас понимаю, мисс Марпл. О какой схеме вы говорите?

Лицо мисс Марпл вдруг вспыхнуло от волнения.

– Ведь это похоже... тут же явная связь, понимаете... ведь от фактов никуда не убежишь.

– Боюсь, я плохо вас понимаю.

– Я хочу сказать... номер один – мистер Фортескью. Рекс Фортескью. Его убили в городе, в своем кабинете. Далее – миссис Фортескью, она сидела в библиотеке и пила чай. Перед ней лежали лепешки с медом. Наконец, несчастная Глэдис с прищепкой на носу. Ведь все сходится! Очаровательная миссис Ланс Фортескью сказала мне сегодня, что это очень странная история: ни складу ни ладу, но я с ней не согласилась, потому что первым делом удивляет именно то, что тут есть и склад и лад.

Инспектор Нил медленно произнес:

– Может быть, вы объясните...

Мисс Марпл быстро продолжала:

– Вам, инспектор, лет тридцать пять? Тридцать шесть? Кажется, в годы

вашего детства считалочки были не в почете? Но для того, кто вырос на Матушке Гусыне, считалочка – вещь серьезная, правда? Вот я и подумала... – Мисс Марпл остановилась, словно собираясь с силами, потом отважно продолжала: – Я знаю, с моей стороны спрашивать у вас такое – большая наглость.

– Пожалуйста, мисс Марпл, спрашивайте все, что хотите.

– Что ж, вы очень любезны. Спрошу. Спрошу, поборов застенчивость: пусть я старая, пусть бестолковая, пусть мой вопрос – чистая бессмыслица. И все-таки: вы не прорабатывали линию дроздов?

Глава 14

1

Секунд десять инспектор Нил смотрел на мисс Марпл в крайнем изумлении. В первый миг он решил, что старушка просто свихнулась.

– Дроздов?

Мисс Марпл энергично закивала головой.

– Да, – подтвердила она и начала декламировать:

Зернышки в кармане
Кто найти готов?
В торт запек кондитер
Двадцать пять дроздов.

Вырвалось из торта
Птичье тюр-лю-лю,
Снилось ли такое
Блюдо королю?

Был король в конторе,
Вел доходам счет.
Королева в зале
Ела бутерброд.

За дворцом служанка
Вешала белье,
Дрозд – туда и сразу
Хватать за нос ее!^[6]

– Боже правый, – только и вымолвил инспектор Нил.

– Ведь все сходится, – развивала мысль мисс Марпл. – У него в кармане было зерно, да? Я прочитала в одной газете. Другие написали просто «крупка», но это может означать что угодно. «Завтрак фермера» или даже кукуруза... но там было зерно...

Инспектор Нил кивнул.

– Вот видите! – Мисс Марпл не скрывала своего торжества. – Рекс Фортескью. Но ведь «рекс» значит «король». В своей конторе. Теперь миссис Фортескью – это же королева в зале, которая ела бутерброд. Ну и, понятное дело, убийце ничего не оставалось, как нацепить Глэдис прищепку на нос.

– Вы хотите сказать, что все это – плод безумной фантазии? – спросил Нил.

– Я не стала бы спешить с выводами, но вообще история очень странная. А вы обязательно наведите справки насчет дроздов. Должны быть и дрозды.

В эту минуту дверь открылась, и сержант Хей с порога взволнованно произнес:

– Сэр!

Но, увидев мисс Марпл, тут же осекся.

Инспектор Нил, придя в себя, сказал:

– Спасибо, мисс Марпл. Я этим займусь. Раз уж вы приехали сюда из-за девушки, может быть, посмотрите вещи в ее комнате? Сержант Хей вам их покажет.

Мисс Марпл поняла, что аудиенция окончена, и засемила к выходу.

– Дрозды, – буркнул себе под нос инспектор Нил.

Сержант Хей непонимающе уставился на него.

– Да, Хей, что у вас?

– Сэр, – взволнованно повторил сержант Хей. – Взгляните.

Он вытащил из-за пазухи какой-то предмет, завернутый в грязноватый носовой платок.

– Вот, нашел в кустарнике, – объявил он. – Могли выкинуть из любого окна в тыльной стене.

Он поставил предмет на стол перед инспектором, тот наклонился и с растущим возбуждением принялся разглядывать его. Это была почти полная банка мармелада.

Инспектор молча смотрел на нее. Смотрел сосредоточенно и как бы тупо. В действительности это значило, что перед мысленным взором инспектора в очередной раз возникает какая-то картина. Фантазия его работала вовсю. Вот полная банка мармелада, вот чьи-то руки аккуратно снимают с нее крышку, срезают тонкий слой мармелада, добавляют в него токсин и возвращают на место, тщательно разглаживают поверхность мармелада и снова закрывают банку крышкой.

На этом месте он остановился и спросил сержанта Хей:

– Они, что же, подают мармелад прямо в магазинной банке, не перекладывают в вазочку?

– Нет, сэр. Не перекладывают, это пошло еще со времен войны, когда с провизией было туговато. С тех пор так и подают в банке.

– Это, конечно, упрощало задачу, – пробурчал инспектор Нил.

– Мало того, – продолжал сержант Хей. – Из всей семьи мармелад на завтрак ел только мистер Фортескью (и мистер Персиваль, когда бывал дома). Остальные едят джем или мед.

Нил кивнул.

– А это, – сказал он, – делало задачу и вовсе простой, да?

После легкой перебивки перед его глазами возникла и ожила другая картинка. Завтрак, Рекс Фортескью сидит за столом. Вот он протягивает руку к банке с мармеладом, зачерпывает ложкой и намазывает мармелад на тост с маслом. Отравителю это куда проще, чем связываться с его чашкой кофе – и риска меньше, и спокойнее. И очень надежно. А потом? Снова перебивка, и новая картинка, на сей раз не такая четкая. Банка мармелада заменяется на другую, из которой выбрано ровно столько же. Дальше – открытое окно. Рука выкидывает банку с отравой в кусты. Только чья рука?

Человек, добавивший токсин в банку мармелада, мог и не сидеть за столом во время завтрака...

Деловым тоном инспектор Нил распорядился:

– Банку отдадим на анализ. Пусть выяснят, есть ли в мармеладе следы токсина. Спешить с выводами не будем.

– Ни в коем случае, сэр. Там, кстати, могут быть и отпечатки.

– Скорее всего, не те, которые нам нужны, – мрачно заметил инспектор Нил. – Наверняка будут отпечатки Глэдис, и Крампа, и самого Фортескью. Может быть, даже миссис Крамп, продавщицы из бакалеи и еще бог знает кого! Если кто-то добавил сюда токсин, он, конечно же, позаботился о том, чтобы не оставлять следов своей деятельности. В общем, повторяю, спешить с выводами не будем. Как в этом доме заказывают мармелад и где его хранят?

У прилежного сержанта Хей были припасены ответы на все эти вопросы:

– Мармелад и джемы приходят партиями – по шесть банок сразу. Когда банка пустеет, в буфетную приносят новую.

– Это означает, – сообразил Нил, – что отравить банку могли еще за несколько дней до того, как она попала на стол. И сделать это могли все, кто находился в доме или имел доступ к этому дому...

Словосочетание «доступ к дому» несколько озадачило сержанта Хей.

Ему было непонятно, в каком направлении движется мысль его начальника.

Но самому Нилу его обоснование представлялось вполне логичным.

Если яд был подмешан в мармелад заранее, значит, тех, кто сидел за столом в то роковое утро, из списка подозреваемых можно исключить.

А это открывало новые и весьма интересные возможности.

В голове он уже прокручивал беседы с разными людьми – но теперь разговор будет строиться несколько иначе.

Он больше не попадет под влияние одной версии.

Он даже самым серьезным образом проверит версию старушки – как там ее зовут? – насчет детской считалочки. Потому что текст этой считалочки уж больно пугающе соответствует происшедшему в «Тисовой хижине». К тому же проливает хоть какой-то свет на то, что тревожило его с самого начала. На зернышки в кармане.

– Дрозды, – пробурчал Нил себе под нос.

Сержант Хей уставился на него.

– Да, сэр, – сказал он наконец. – Вы правы. Банку выбросили в кусты.

2

Инспектор Нил отправился на поиски Мэри Доув.

Он нашел ее в одной из спален первого этажа, она наблюдала, как Эллен оголяет кровать, снимая с нее вполне чистое с виду белье. На кресле лежала стопка чистых полотенец.

Инспектор Нил удивился.

– Кто-то собирается здесь остановиться? – спросил он.

Мэри Доув улыбнулась ему. В отличие от Эллен, которая была угрюма и мрачна, как фурия, Мэри хранила обычную непроницаемость.

– Я бы сказала, – ответила она, – что наоборот.

Нил вопросительно взглянул на нее.

– Эта гостевая комната была приготовлена для Джералда Райта.

– Джералд Райт? Кто это?

– Знакомый мисс Элейн Фортескью. – Мэри постаралась, чтобы голос ее звучал как можно бесстрастнее.

– Он собирался приехать сюда? Когда же?

– По-моему, он поселился в гостинице «Гольф» на следующий день после смерти мистера Фортескью.

– На следующий день?

– Так сказала мисс Фортескью. – Голос Мэри звучал совершенно

нейтрально. – Она попросила меня приготовить комнату, хотела, чтобы он остановился в доме. А теперь, после еще двух... трагедий... уж пусть лучше живет в гостинице.

– «Гольф»?

– Да.

– Ясно, – сказал инспектор Нил.

Эллен собрала простыни и полотенца и вышла из комнаты.

Мэри Доув вопросительно взглянула на Нила.

– Вы хотели со мной о чем-то поговорить?

Нил дружелюбно начал:

– Хочу внести полную ясность в вопрос о том, когда что произошло. У всех членов семьи представление о времени оказалось слегка нарушенным – это можно понять. Вы же, мисс Доув, исключительно точно указывали время событий.

– Это тоже можно понять!

– Да... пожалуй... безусловно, я должен поздравить вас с тем, как вы управляете этим домом, несмотря на... панику... которую наверняка вызвали эти последние смерти. – Он смолк, потом любопытствовал: – Как вам это удастся?

В этом вопросе крылось легкое коварство, ибо он уже понял: если в кольчуге, которую носила Мэри Доув, и есть слабое звено, то это довольство собственной деловитостью. Отвечая, она даже распрямила спину.

– Крампы, разумеется, хотели сразу же уйти.

– Мы не могли этого допустить.

– Знаю. Но я также сказала им, что мистер Персиваль Фортескью проявит... щедрость по отношению к тем, кто не оставил его в трудную минуту.

– А Эллен?

– Эллен никуда не собирается уходить.

– Эллен никуда не собирается уходить, – повторил Нил. – У нее крепкие нервы.

– Она обожает катастрофы, – объяснила Мэри Доув. – Как и миссис Персиваль. Катастрофа для нее – возможность лишний раз пощекотать себе нервы.

– Интересно... так вы считаете, что миссис Персиваль от всех этих трагедий... получала удовольствие?

– Нет... нет, конечно. Это было бы чересчур. Я бы сказала, что они дали ей возможность... встряхнуться, что ли.

– А как эти трагедии восприняли вы, мисс Доув?

Мэри Доув пожала плечами.

– Без приятных ощущений, – сухо ответила она.

У инспектора Нила снова возникло неумное желание разбить ледяную корку, которой окружила себя эта женщина, и выяснить, что же скрывается за этой просчитанной деловитостью, за этой недосказанностью всего ее облика.

Он круто перешел к делу:

– Итак, время и место: последний раз вы видели Глэдис Мартин в холле перед чаем, и часы показывали без двадцати пять, верно?

– Да, я велела ей подать чай.

– А вы сами шли откуда?

– Сверху. Мне показалось, что за несколько минут до этого я услышала телефонный звонок.

– Видимо, трубку сняла Глэдис?

– Да. Кто-то ошибся номером. Спрашивал прачечную в Бейдон-Хит.

– И после этого вы Глэдис не видели?

– Минут через десять она внесла поднос с чаем в библиотеку.

– После того как туда вошла мисс Элейн Фортескью?

– Да, минуты через три или четыре. Тогда я поднялась наверх сказать миссис Персиваль, что чай готов.

– У вас так принято?

– О нет. Все выходят к чаю когда хотят, но тогда миссис Фортескью спросила меня, куда все подевались. Мне показалось, я слышала, как вниз спускается миссис Персиваль, но я ошиблась...

Нил прервал ее. Это было что-то новое.

– Вы хотите сказать, что слышали наверху чьи-то шаги?

– Да, как мне показалось, у лестницы. Но никто не спустился, вот я и поднялась наверх. Миссис Персиваль была в своей спальне. Она только что вернулась. С прогулки.

– С прогулки... Понятно. А времени было...

– По-моему, около пяти часов.

– А мистер Ланселот Фортескью появился... когда?

– Через несколько минут после того, как я снова спустилась... Я думала, он приехал раньше, но...

Инспектор Нил снова перебил ее:

– Почему вы решили, что он приехал раньше?

– Мне показалось, что я мельком уже видела его через окно, когда спускалась по лестнице.

– В саду?

– Мужская фигура мелькнула за тисовой изгородью, и я решила, что это он.

– Вы спускались вниз, позвав миссис Персиваль к чаю?

Мэри поправила его:

– Нет, не тогда. Раньше... мужчину я увидела, когда спускалась в первый раз.

Инспектор Нил внимательно посмотрел на нее.

– Вы в этом уверены, мисс Доув?

– Да, абсолютно. Поэтому я так и удивилась... когда мистер Ланселот Фортескью действительно позвонил в звонок.

Инспектор Нил покачал головой. Стараясь не выдавать волнения, он произнес:

– Видимо, вы заметили кого-то другого. Ведь поезд, на котором приехал Ланселот Фортескью, должен был прибыть в четыре двадцать восемь и опоздал на девять минут. То есть на станции Бейдон-Хит мистер Фортескью был в четыре тридцать семь. Несколько минут ему пришлось подождать такси – этим поездом всегда едет много народу. Со станции он уехал примерно без четверти пять (а человека в саду вы видели за пять минут до этого), ехать до «Тисовой хижины» не меньше десяти минут. Он расплатился с таксистом у ворот в лучшем случае без пяти пять. Нет, видеть Ланселота Фортескью вы никак не могли.

– Кого-то я видела, это точно.

– Да, кого-то видели. Уже темнело. Описать его не можете?

– О нет, его лица я, во всяком случае, не видела, но это был человек высокий и стройный. Поскольку мы ждали Ланселота Фортескью, я и решила, что это он.

– В какую сторону этот человек направлялся?

– Вдоль тисовой изгороди к восточной стороне дома.

– Там есть боковая дверь. Она заперта?

– Только на ночь, когда запираются все двери дома.

– То есть через эту дверь кто угодно может пройти в дом незамеченным?

Мэри Доув задумалась.

– Пожалуй, что так. Да. – Она быстро добавила: – Вы хотите сказать, что это его шаги я слышала чуть позже наверху? Что он там прятался?

– Что-то в этом роде.

– Но кто же?..

– Это мы скоро узнаем. Спасибо, мисс Доув.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но инспектор Нил делано-равнодушным тоном спросил:

– Кстати, вам ничего не известно насчет дроздов?

Кажется, впервые ему удалось застать Мэри Доув врасплох. Она круто обернулась:

– Я... что вы сказали?

– Я спросил, известно ли вам что-нибудь о дроздах.

– Вы имеете в виду...

– Да, да, дроздов, – повторил инспектор Нил.

И придал своему лицу выражение – глупее некуда.

– Вы насчет этой дурацкой истории, которая случилась летом? Но какое она имеет... – Она осеклась.

– Кое-какие разговоры об этом до меня дошли, – дружелюбно заметил инспектор Нил, – но я решил, что точнее вас мне не расскажет никто.

Мэри Доув уже взяла себя в руки, стала, как всегда, бесстрастной и точной.

– Я считаю, что это была глупая и злая шутка, – заговорила она. – На рабочий стол в кабинете мистера Фортескью кто-то подбросил четырех мертвых дроздов. Стояло лето, окна были открыты, и мы все решили, что это побаловался сын садовника, хотя тот наотрез отказывался. Но этих дроздов действительно подстрелил садовник, и они висели на деревьях.

– И кто-то их оттуда срезал и подкинул на стол мистеру Фортескью?

– Да.

– Что-нибудь за этим стоит? Может, дрозды что-то символизируют?

Мэри покачала головой:

– Не думаю.

– Как к этому отнесся мистер Фортескью? Он был взбешен?

– Естественно.

– Но нельзя сказать, чтобы это его сильно расстроило?

– Честно говоря, не помню.

– Понятно, – сказал инспектор Нил.

Продолжать разговор он не стал. Мэри Доув еще раз повернулась, чтобы уйти, но на сей раз как бы неохотно, будто хотела разузнать, что там у него на уме. А неблагодарный инспектор Нил в эту секунду злился на мисс Марпл. Она намекнула, что дрозды – это неспроста, и вот вам, пожалуйста! Пусть не двадцать пять, но все-таки! Символика соблюдена!

Но дело было слишком давно, летом – какая тут может быть связь? Трудно себе представить. Мистика мистикой, дрозды дроздами, но он будет продолжать логично и трезво расследовать убийство, которое совершил

отнюдь не глупый убийца и отнюдь не беспричинно. И все же... придется не выпускать из виду и возможности иного свойства, имеющие мало общего со здравым смыслом.

Глава 15

1

– Извините, мисс Фортескью, что снова беспокою, но я хочу иметь полную, полнейшую ясность. Насколько мы знаем, вы были последним человеком – вернее, предпоследним, – который видел миссис Фортескью живой. Когда вы вышли из библиотеки, было примерно без двадцати шесть?

– Примерно, – согласилась Элейн. – Точнее сказать не могу. – И добавила чуть ершисто: – Я же не смотрю все время на часы.

– Нет, конечно. Когда вы остались с миссис Фортескью вдвоем, о чем вы говорили?

– Какая разница?

– Может, и никакой, – не стал возражать инспектор Нил. – Но вдруг мне станет понятно, что было у миссис Фортескью на уме.

– Вы хотите сказать... она могла сделать это сама?

Инспектор Нил заметил, что в глазах Элейн сверкнули огоньки. Для семьи Фортескью такое решение вопроса было бы весьма удобным. Инспектор Нил и на секунду не допускал мысли о самоубийстве. Адель Фортескью не из тех, кто лишает себя жизни, – в этом он был уверен.

Даже если она отравила мужа и поняла, что преступление будет раскрыто и кары не избежать, ей бы и в голову не пришло кончать жизнь самоубийством. Она жила бы с уверенностью, что даже если ее будут судить за убийство, то наверняка оправдают. Но коли эта гипотеза занимает Элейн Фортескью... что ж, пожалуйста. И он сказал, не сильно греша против истины:

– Эту возможность, мисс Фортескью, нельзя сбрасывать со счетов. Поэтому я и спрашиваю, о чем вы говорили.

– Вообще-то речь шла о моих делах, – чуть поколебавшись, призналась Элейн.

– А ваши дела – это... – Он сделал вопросительную паузу и отечески посмотрел на нее.

– Я... видите ли, в наши края недавно приехал мой друг, и я спрашивала Адель, не будет ли она возражать, если я приглашу его остановиться в доме.

– Ага. И кто же этот друг?

– Некто мистер Джералд Райт. Он школьный учитель. Сейчас живет в гостинице «Гольф».

– Это ваш близкий друг?

Инспектор Нил засиял, как добрый дядюшка, и сразу приобрел вид умудренного годами человека.

– Мы что же, скоро услышим что-то весьма интересное?

Ему на мгновение стало стыдно, ибо девушка залилась краской и неловко взмахнула рукой, словно защищаясь. Конечно же, она была влюблена в этого Джералда.

– Мы... пока не обручены, и сейчас не время объявлять о помолвке... но, я думаю, вы правы... то есть вообще-то мы собираемся пожениться.

– Поздравляю, – со всей теплотой сказал инспектор Нил. – Значит, мистер Райт остановился в гостинице «Гольф»? И давно?

– Когда умер отец, я послала ему телеграмму.

– И он сразу приехал. Понятно, – сказал инспектор Нил.

Это его любимое словечко на сей раз прозвучало дружелюбно и успокаивающе.

– И что вам ответила миссис Фортескью?

– Она сказала, разумеется, я могу принимать здесь кого угодно.

– То есть она была очень любезна?

– Ну не то что любезна. Она еще сказала...

– Так что еще она сказала?

Элейн снова вспыхнула.

– Какую-то глупость насчет того, что я могла бы найти себе партию и получше. Это на нее очень похоже.

– Ну что ж, – примирительно произнес инспектор Нил, – родственники говорят и не такое.

– Да, вы правы. Просто многие... не способны оценить Джералда по достоинству. Знаете, он очень умный, у него много нестандартных и прогрессивных мыслей, и людям это не нравится.

– Поэтому он и не нашел общего языка с вашим отцом?

Элейн просто запылала от смущения.

– Отец был заранее настроен против Джералда, несправедлив к нему. Он оскорбил Джералда. Джералд так расстроился, что уехал, и несколько месяцев от него вообще не было вестей.

Ты, бедняжка, так бы их и не дождалась, не сыграй твой папочка в ящик и не оставь тебе кучу денег, – вот что подумал инспектор Нил. А вслух сказал:

– Больше вы с миссис Фортескью ни о чем не говорили?

– Нет, нет, больше ни о чем.

– Было примерно двадцать пять шестого, а без пяти шесть миссис Фортескью нашли мертвой. За эти полчаса вы в библиотеку не возвращались?

– Нет.

– А чем вы занимались?

– Я... пошла прогуляться.

– К «Гольфу»?

– Я... да, но Джералда там не было.

Инспектор Нил снова сказал свое «понятно», на сей раз как бы намекая на то, что разговор окончен. Элейн Фортескью поднялась и спросила:

– Это все?

– Да, мисс Фортескью, спасибо.

Она пошла к выходу, но тут Нил спросил как бы между делом:

– Вам что-нибудь известно насчет дроздов?

Она уставилась на него.

– Дроздов? Которые были в пироге?

Ага, подумал про себя инспектор Нил, значит, все-таки в пироге. А вслух спросил:

– Когда это было?

– Три или четыре месяца назад. И на стол отцу их подбросили тоже. Он был в ярости.

– В ярости? Всех расспрашивал, да?

– Конечно. Но как они туда попали, мы так и не выяснили.

– А что именно его так рассердило?

– Ну, это же гадко, тут любой рассердится...

Нил задумчиво посмотрел на нее – нет, не похоже, что она что-то скрывает. Он сказал:

– Еще вопрос, мисс Фортескью. Не знаете, составляла ваша мачеха завещание или нет?

Элейн покачала головой:

– Понятия не имею. Наверное. Обычно это делается, правда?

– Обычно, но не всегда. А вы, мисс Фортескью, составили завещание?

– Нет... да мне и завещать-то нечего. Хотя теперь...

По глазам ее он понял: она осознала, как изменилось ее положение.

– Именно, – сказал он. – Пятьдесят тысяч фунтов – тут есть чем распорядиться. Такая сумма многое меняет в жизни, мисс Фортескью.

Элейн Фортескью ушла, а инспектор Нил еще несколько минут сидел и задумчиво смотрел перед собой. Что ж, ему было над чем подумать. Слова Мэри Доув о том, что примерно в четыре тридцать пять она видела в саду какого-то мужчину, давали пищу для размышлений. Если, разумеется, Мэри Доув не лгала. Принимать на веру все услышанное – такой привычки у инспектора Нила не было. Но как ни подкапывался инспектор под это ее заявление, с какой стороны к нему ни подходил, причин, по которым она могла бы лгать, так и не обнаружил. Скорее всего, утверждая, что видела в саду мужчину, Мэри Доув говорила правду. Конечно же, быть Ланселотом Фортескью этот мужчина не мог, хотя в данных обстоятельствах для нее было естественным предположить, что она видела именно его. Итак, это не был Ланселот Фортескью, но кто-то другой такого же роста и телосложения. Если другой мужчина в это время в саду все-таки был и передвигался, судя по всему, украдкой, прячась за тисовой изгородью, тут хочешь не хочешь напрашивается новая версия.

Помимо этого Мэри Доув сообщила, что слышала наверху шаги. А ведь этот факт стыкуется с одним вещественным доказательством.

В будуаре Адель Фортескью на полу он обнаружил комочек грязи. Инспектору Нилу припомнилась эта комната, небольшой элегантный стол. Хорошенькая подделка под старину, с неизбежным секретным ящичком. Там хранились три письма, написанные Вивианом Дюбуа и адресованные Адель Фортескью. За время его карьеры через руки инспектора Нила прошло несметное множество любовных писем, самых разных. Пылкие, дурацкие, сентиментальные, капризные. Попадались и осторожные. Три найденных письма инспектор Нил отнес именно к этой категории. Даже если в суде будет слушаться дело о разводе, присяжные, скорее всего, придут к выводу, что эти письма вдохновляла чисто платоническая дружба. Хотя в данном случае... «Знаем мы вашу платоническую дружбу!» – подумал инспектор без всякого почтения.

Обнаружив письма, Нил без промедления отправил их в Скотленд-Ярд, потому что на том этапе следствия вопрос стоял следующим образом: считает ли государственный обвинитель, что эти письма позволяют завести дело против Адель Фортескью или Адель Фортескью вместе с Вивианом Дюбуа? Все указывало на то, что Рекса Фортескью отравила его жена при соучастии своего любовника или без него. Эти письма, хотя и были написаны весьма осторожно, все же позволяли понять, что Вивиан Дюбуа –

ее любовник. Но в текстах, по мнению инспектора Нила, никакого подстрекательства к убийству не содержалось. Может, устное подстрекательство и имело место, но Вивиан Дюбуа был не настолько глуп, чтобы нечто подобное излагать на бумаге.

Инспектор Нил догадался, что Вивиан Дюбуа просил Адель Фортескью уничтожить его письма, и та заверила его, что она их уже уничтожила.

Все так, но теперь на них свалились еще две смерти. И это значило, не могло не значить, что своего мужа Адель Фортескью не убивала.

Хотя... В мозгу инспектора Нила родилась новая гипотеза. Адель Фортескью хотела выйти замуж за Вивиана Дюбуа. Вивиану же Дюбуа была нужна не столько Адель Фортескью, сколько ее сто тысяч фунтов, которые она получает в случае смерти мужа. Возможно, он предположил, что смерть Рекса Фортескью припишут естественным причинам. Какому-нибудь приступу или удару. В конце концов, весь прошлый год здоровье Рекса Фортескью беспокоило всех. (Заметим в скобках, сказал себе инспектор Нил, что этим вопросом еще следует заняться. Он подсознательно чувствовал, что здесь можно наткнуться на что-то интересное.) Продолжаем: последствия смерти Рекса Фортескью оказались незапланированными. Врачи в мгновение ока поставили правильный диагноз – отравление – и даже назвали яд.

Допустим, это дело рук Адель Фортескью и Вивиана Дюбуа, в каком бы они были состоянии. Вивиан Дюбуа до смерти напуган, Адель Фортескью просто потеряла бы голову. Наговорила бы и натворила кучу глупостей. Позвонила бы Дюбуа, говорила бы открытым текстом, и тот понял бы, что ее вполне могли подслушать в «Тисовой хижине». Каков был бы его следующий шаг?

Отвечать на этот вопрос было рановато, но инспектор Нил решил в самое ближайшее время навести справки в гостинице «Гольф» – был ли Дюбуа у себя в номере между четвертью пятого и шестью часами вечера. Вивиан Дюбуа – высок и темноволос, как и Ланс Фортескью. Он мог проникнуть в сад, открыть боковую дверь, проскользнуть наверх, а потом? Попытался найти письма и обнаружил, что их уже нет? Подождал, пока горизонт очистится, спустился в библиотеку, когда чаепитие там уже кончилось и Адель Фортескью сидела одна-одинешенька?

Нет, это он, кажется, увлекся...

Нил допросил Мэри Доув и Элейн Фортескью. Теперь посмотрим, что скажет жена Персиваля Фортескью.

Глава 16

1

Инспектор Нил нашел миссис Персиваль в ее гостиной – она сидела за столом и писала письма. При его появлении она несколько нервно поднялась с кресла.

– Я чем-нибудь... вас что-то...

– Прошу вас, сидите, миссис Фортескью. Я просто хотел задать еще несколько вопросов.

– Да, пожалуйста. Конечно, инспектор. Какой все-таки ужас, да? В голове не укладывается.

И она, все еще нервничая, опустилась в кресло. Инспектор Нил сел рядом на небольшой стул с прямой спинкой. До сих пор он к миссис Персиваль Фортескью как-то не приглядывался, но сейчас решил этот пробел восполнить. Далеко не красавица, во многих отношениях посредственность... к тому же не очень счастлива. Нетерпеливая, чем-то недовольная, не шибко умная, и все же... медсестра она, скорее всего, была неплохая, деловитая и умелая. Выйдя замуж за состоятельного человека, она обрела свободу, но, кажется, эта свобода не приносила ей удовлетворения. Она развлекалась тем, что покупала одежду, читала романы и ела сладости, но Нил помнил, какое всепоглощающее возбуждение охватило ее в день смерти Рекса Фортескью, и это, по его мнению, было не какое-то дьявольское злорадство, нет, просто жизнь ее была окружена бесплодными пустынями скуки. Под его испытующим взглядом ресницы ее затрепетали и опустились. Казалось, она нервничает, ее мучает чувство вины... но, возможно, ему это только казалось.

– К сожалению, – заговорил он успокоительно, – приходится снова и снова задавать вопросы. Вас всех это, конечно, утомляет. Я вас прекрасно понимаю, но что делать, если многое не стыкуется, например, мне так и не ясно, когда и что произошло. Вы ведь к чаю вышли довольно поздно, да? Собственно говоря, за вами поднялась мисс Доув?

– Да. Точно. Она заглянула ко мне и сказала, что чай готов. Я и понятия не имела, что уже так поздно. Я писала письма.

Инспектор Нил бросил мимолетный взгляд на письменный стол.

– Понятно, – сказал он. – А мне показалось, что вы были на прогулке.

– Это она вам сказала? Знаете, а ведь верно. Я и вправду писала письма, но потом мне стало как-то душно, заболела голова, и я вышла... прогуляться. Так, пройтись по саду.

– Понятно. Никого не встретили?

– Встретила? – Она уставилась на него. – Кого я могла встретить?

– Я просто хочу знать: пока гуляли по саду, никого не видели? Может, кто-то видел вас?

– Ну, видела издалека садовника, вот и все. – Она смотрела на него с подозрением.

– Потом вы вернулись, поднялись к себе в комнату и как раз снимали верхнюю одежду, когда к вам зашла мисс Доув и пригласила к чаю?

– Да. Да, и я пошла вниз.

– Кого вы там застали?

– Адель и Элейн, еще через несколько минут появился Ланс. Мой деверь. Он вернулся из Кении.

– И вам всем подали чай?

– Да. Потом Ланс поднялся к тетушке Эффи, а я пришла сюда, закончить письма. С Адель осталась Элейн.

Нил кивнул, как бы подбадривая собеседницу.

– Правильно. Видимо, мисс Фортескью посидела с миссис Фортескью еще минут пять-десять после вашего ухода. А ваш муж к тому времени не вернулся?

– О нет. Перси... Валь... вернулся где-то в половине седьмого, а то и в семь. Задержался в городе.

– Он приехал поездом?

– Да. А на станции взял такси.

– Он часто возвращается поездом?

– Иногда. Не сказала бы, что часто. Наверное, он был в таких точках города, где трудно запарковать машину. Проще сесть на Кэннон-стрит в поезд и приехать домой.

– Понятно, – сказал инспектор Нил. – Я спрашивал вашего мужа, оставила ли миссис Фортескью завещание. Он полагает, что нет. Вам ничего про это не известно?

К его удивлению, Дженнифер Фортескью энергично закивала головой.

– Известно, – подтвердила она. – Адель написала завещание. Она сама мне сказала.

– В самом деле? Когда же это было?

– Не очень давно. С месяц назад.

– Весьма любопытно, – заметил инспектор Нил.

Миссис Персиваль всем телом подалась вперед. Лицо ее оживило. Ей явно нравилось быть владелицей каких-то уникальных сведений.

– Валь об этом ничего не знает, – сообщила она. – Никто не знает. Да и мне это стало известно по чистой случайности. Я была на улице, только что вышла из магазина письменных принадлежностей. И вдруг вижу – Адель выходит из адвокатской конторы. «Энселл и Уоррелл», есть такая на Хай-стрит.

– Ага, – сказал Нил. – Местная адвокатская фирма?

– Да. Ну, я и спрашиваю Адель: «Что это тебя сюда принесло?» Она засмеялась и говорит: «Тебе что, очень хочется знать?» Дальше мы пошли вместе, тут она и говорит: «Так и быть, Дженнифер, тебе скажу. Я составила завещание». – «Чего это тебе взбрело в голову? – спрашиваю. – Вроде бы ты здорова, на тот свет не собираешься». – «Нет, – отвечает, – пока не собираюсь. В жизни себя лучше не чувствовала. Но завещание должно быть у каждого. А к семейному лондонскому адвокату, этому прилипале мистеру Бингсли, нипочем не поеду». Этот старый проныра, мол, обязательно разболтает всей семье. «Нет, – сказала она, – мое завещание, Дженнифер, это мое личное дело, я составила его по-своему, и никто о нем знать не будет». – «Раз так, Адель, – говорю я, – никому не скажу». – «А хоть и скажешь, – отвечает она. – Ты же и сама не знаешь, что в нем». Но я так никому и не сказала. Даже Перси. Я считаю, женщины должны помогать друг дружке, верно, инспектор Нил?

– Безусловно, это очень мило с вашей стороны, миссис Фортескью, – дипломатично вывернулся инспектор Нил.

– Я знаю, что я по натуре не зловерная, – призналась Дженнифер. – К Адель я никогда особенной любовью не пылала, но поймите меня правильно. Я всегда считала: она из тех, кто ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. А теперь вот она в могиле, бедняжка. Может, я была к ней несправедлива...

– Что ж, большое вам спасибо, миссис Фортескью, вы мне очень помогли.

– Ну, за что меня благодарить. Если чем могу быть полезной, буду только рада. Ведь все это так ужасно. А что за пожилая дама приехала сегодня утром?

– Некая мисс Марпл. Она была настолько любезна, что приехала рассказать нам все, что ей известно о Глэдис. Оказывается, Глэдис Мартин когда-то была у нее в услужении.

– В самом деле? Как интересно!

– Еще один вопрос, миссис Персиваль. Вам что-нибудь известно

насчет дроздов?

Дженнифер Фортескью заметно вздрогнула, уронила на пол сумочку и наклонилась, чтобы ее поднять.

– Насчет дроздов, инспектор? Дроздов? Каких именно? – У нее даже перехватило дыхание.

Чуть улыбнувшись, инспектор Нил пояснил:

– Речь идет просто о дроздах. Живых, мертвых или, скажем, символических.

Дженнифер Фортескью резко бросила:

– Не понимаю, о чем вы. Не понимаю, что вы имеете в виду.

– То есть, миссис Фортескью, насчет дроздов вам ничего не известно?

Помедлив, она сказала:

– Наверное, вы про тех, что прошлым летом оказались в пироге. Дурацкая шутка.

– Но несколько дроздов оказались еще и на столе в библиотеке, верно?

– Это была очень глупая выходка. Не знаю, кто вам о ней рассказал.

Мистер Фортескью, мой свекор, был очень рассержен.

– Просто рассержен? Ничего более?

– Как сказать. Пожалуй, было еще кое-что. Он спрашивал, появлялись ли в доме посторонние.

– Посторонние? – Брови инспектора Нила приподнялись.

– Да, именно это он спросил, – с вызовом ответила миссис Персиваль.

– Посторонние, – задумчиво повторил инспектор Нил. Потом спросил:

– А вид у него был не испуганный?

– Испуганный? Я вас не понимаю.

– Ну, может быть, он нервничал. Из-за посторонних.

– Да. Да, это было. Я, конечно, хорошо не помню. Уже несколько месяцев прошло. По-моему, это была глупая шутка, не более того. Может, Крамп. Ведь Крамп – человек очень неуравновешенный, и я точно знаю, что он попивает. А иногда ведет себя как настоящий нахал. Мне даже иногда казалось, что у него зуб на мистера Фортескью. Как считаете, инспектор, это возможно?

– В этом мире возможно все, – изрек инспектор Нил и вышел из комнаты.

инспектор Нил нашел в библиотеке. Они играли в шахматы.

– Не хотелось бы вам мешать, – извинился Нил.

– Ничего страшного, инспектор, мы просто пытаемся убить время. Верно, Пэт?

Пэт кивнула.

– Наверное, этот вопрос вам покажется глупым, – не стал ходить вокруг да около Нил. – Вам что-нибудь известно насчет дроздов, мистер Фортескью?

– Дроздов? – На лице Ланса было недоумение. – Каких именно? Вы имеете в виду птиц как таковых или нечто в переносном смысле?

Внезапно лицо инспектора Нила расплылось в улыбке, эта улыбка обезоруживала. Он сказал:

– Я сам толком не знаю, о чем спрашиваю, мистер Фортескью. Просто упомянуты дрозды, а в какой связи – неизвестно.

– Господи! – Ланселот вдруг подобрался, сосредоточился. – Уж не в связи ли с шахтой «Дрозды»?

Инспектор Нил быстро спросил:

– Шахта «Дрозды»? А что это?

Ланс с озадаченным видом нахмурился.

– Беда в том, инспектор, что я и сам толком не помню. Была такая темная страница в папином прошлом, какая-то сомнительная сделка... помню довольно смутно. Эта шахта – на западном побережье Африки. Однажды тетушка Эффи швырнула мне в лицо обвинение по поводу этой шахты, а какое именно – не помню.

– Тетушка Эффи? Мисс Рэмсботтом?

– Она самая.

– Попробую что-нибудь выведать у нее, – сказал инспектор Нил. И с тоской в голосе добавил: – Старушка, кстати говоря, – не приведи господь. Я, мистер Фортескью, в ее присутствии здорово нервничаю.

Ланс засмеялся.

– Верно. Тетушка Эффи – особа с норовом, но вам, инспектор, она может рассказать много интересного, если найдете к ней подход. У вас все шансы – вы же собираетесь покопаться в прошлом. У нее прекрасная память; она любит предаваться воспоминаниям, любит истории с плохим концом. – Задумавшись, он добавил: – И еще. Знаете, вскоре после приезда я поднялся к ней. В тот же день, сразу после чая. И она говорила со мной о Глэдис. Это служанка, которую убили. Тогда мы, разумеется, этого еще не знали. Но тетушка Эффи уверяла меня, будто Глэдис что-то известно, и она не рассказала об этом полиции.

– Это совершенно очевидно, – согласился инспектор Нил. – Теперь эта несчастная, увы, никому и ничего не скажет.

– Да. Как я понял, тетушка Эффи уговаривала ее поделиться своей тайной. Но девушка ее не послушалась.

Инспектор Нил кивнул. Собравшись с мыслями, он настроился на серьезную встречу и проник в крепость мисс Рэмсботтом. К своему удивлению, он застал там мисс Марпл. Дамы мирно беседовали о пользе миссионерства.

– Я пойду, инспектор. – Мисс Марпл поспешно поднялась со стула.

– Оставайтесь, мадам, я и не думал вас гнать, – заверил ее инспектор Нил.

– Я пригласила мисс Марпл остановиться у нас в доме, – сказала мисс Рэмсботтом. – Какой смысл выбрасывать деньги на эту смехотворную гостиницу? Гнездо спекулянтов и мошенников – вот что такое этот «Гольф». Весь вечер пьянствуют и режутся в карты. Пусть она поживет у нас, в пристойном христианском жилище. По соседству с моей есть свободная комната. После доктора Мэри Питерс, миссионерки, в ней никто не жил.

– Вы очень, очень добры, – поблагодарила мисс Марпл. – Но, боюсь, не след мне поселяться в доме, где царит траур.

– Траур? Чушь собачья, – возразила мисс Рэмсботтом. – Кто в этом доме может рыдать по Рексу? Или по Адель? Или вас беспокоит полиция? Инспектор, у вас есть возражения?

– Ни малейших, мадам.

– Вот, пожалуйста, – подвела итог мисс Рэмсботтом.

– Вы очень добры, – повторила мисс Марпл. – Тогда я позвоню в гостиницу и сниму заказ. – Она вышла из комнаты.

Мисс Рэмсботтом высокомерно обратилась к инспектору:

– Итак, что вам угодно?

– Я хотел просить вас, мадам, чтобы вы рассказали мне о шахте «Дрозды».

Мисс Рэмсботтом внезапно издала резкий каркающий вскрик – он означал смех.

– Ха! Докопались все-таки! Поняли мой намек. Ну и что же вы хотите знать?

– Все, что вы найдете нужным рассказать мне, мадам.

– Рассказывать особенно нечего. Дело-то давнее... уж лет двадцать минуло, а то и двадцать пять. Какая-то концессия в Восточной Африке, что-то в этом роде. Мой зять отправился туда с неким Маккензи. Они вместе

разрабатывали прииски, и вскоре Маккензи умер от лихорадки. Рекс вернулся домой и сказал, что эти прииски или концессия – уж не помню, как это точно называлось, – не оправдали надежд. Больше я ничего не знаю.

– Подозреваю, мадам, вам известно кое-что еще, – проявил настойчивость Нил.

– Все остальное – слухи. Вы, законники, насколько я знаю, слухи не очень жалуете...

– Пока мы не в суде, мадам.

– Все равно мне нечего вам сказать. Родственники Маккензи подняли бучу. Больше я ничего не знаю. Они уверяли, что Рекс околпачил Маккензи. Околпачил, и я так считаю. Рекс был малый толковый, не шибко совестливый, но закон не нарушал – на этот счет не сомневаюсь. Так что доказать они ничего не смогли. Миссис Маккензи была женщина вспыльчивая. Заявилась сюда и давай угрожать – я, мол, буду мстить. За то, что Рекс убил ее мужа. Глупая мелодрама, чепуха на постном масле! Помоему, у нее с мозгами был непорядок – вроде бы она вскорости попала в сумасшедший дом. А тогда притащила сюда двух ребятишек, перепуганных до смерти. Вот, говорит, его дети, они вам отомстят, когда вырастут, я их в таком духе и воспитаю. Что-то вроде этого. Шутовство чистой воды. Ну, теперь уж точно все. Кстати, шахта «Дрозды» – для Рекса случай совсем не уникальный. Он за свою жизнь помошенничал здорово. Покопаться в его прошлом – можно много интересного найти. А как вы дознались про шахту «Дрозды»? Нашли какой-то след, ведущий к Маккензи?

– Кстати, мадам, а что стало с этой семьей?

– Понятия не имею, – сказала мисс Рэмсботтом. – Навряд ли Рекс действительно убил Маккензи, скорее всего, просто оставил его умирать. Для Господа это одно и то же, а для закона – нет. Если Рекс и согрешил, так вот ему наказание свыше. Жернова Господни мелют медленно, только кары Божьей не избежать. А теперь ступайте. Все я вам сказала, больше не приставайте с расспросами.

– Спасибо большое, вы мне рассказали много важного, – поблагодарил инспектор Нил.

– И пусть эта Марпл поднимется ко мне, – крикнула мисс Рэмсботтом ему вслед. – Легкомысленная особа, как и все, кто ходит в англиканскую церковь, но хоть знает, как вести дела в приюте.

Инспектор Нил сел к телефону и позвонил сначала в адвокатскую контору «Энселл и Уоррелл», а потом в гостиницу «Гольф». Вызвав сержанта Хея, он объявил ему, что ненадолго отлучится.

– Мне нужно заглянуть в адвокатскую контору; после этого я буду в гостинице «Гольф», если что-то срочное, найдете меня там.

– Хорошо, сэр.

– И узнайте все, что сможете, насчет дроздов, – бросил Нил через плечо.

– Дроздов, сэр? – переспросил сержант Хей, совершенно сбитый с толку.

– Да, именно так... меня интересуют не кусты, а дрозды.

– Вас понял, сэр, – заявил сержант в полном недоумении.

Глава 17

1

Мистер Энселл оказался из тех адвокатов, которые и не думают никого устрашать, их самих легко запугать. Совладелец маленькой и не особенно процветающей фирмы, он вовсе не собирался отстаивать свои права, наоборот, был готов всячески содействовать полиции.

Да, сообщил мистер Энселл, завещание для покойной миссис Адель Фортескью составил он. Она заглянула к нему в контору за месяц с небольшим до своей смерти. Просьба показалась ему несколько странной, но он, естественно, оставил свое мнение при себе. В адвокатской практике всевозможные странности – не редкость, и, разумеется, инспектор понимает, что такое профессиональная этика, и так далее и тому подобное. Инспектор кивнул – да, он действительно все это понимает. Он уже выяснил, что ранее ни миссис Фортескью, ни вообще кто-либо из семьи Фортескью к мистеру Энселлу со своими делами не обращались.

– Ничего удивительного, – пояснил мистер Энселл, – что с этим она не хотела идти к адвокатам ее мужа.

Факты, извлеченные из словесной шелухи, выглядели предельно просто. Все, чем владела Адель Фортескью, после ее смерти целиком и полностью отписывалось Вивиану Дюбуа.

– Но я полагал, – сказал мистер Энселл, вопросительно глядя на Нила, – что отписывать ей особенно нечего.

Инспектор Нил кивнул. В момент составления этого завещания так оно и было. Но с тех пор умер Рекс Фортескью, и Адель Фортескью унаследовала сто тысяч фунтов. Примерно такая же сумма (за вычетом расходов на похороны) принадлежала теперь Вивиану Эдварду Дюбуа.

2

В гостинице «Гольф» Вивиан Дюбуа, сильно нервничая, ждал приезда инспектора Нила. Дюбуа уже совсем собрался уезжать, чемоданы его были запакованы, когда инспектор Нил позвонил ему и попросил задержаться. Попросил довольно вежливо, словно извиняясь за причиненное

неудобство. И тем не менее эта просьба была завуалированным приказом. Вивиан Дюбуа попробовал было возражать, но потом смирился.

– Надеюсь, инспектор Нил, – сказал он теперь, – вы понимаете, что эта непредвиденная задержка мне совершенно не с руки. У меня срочные дела.

– Я не знал, мистер Дюбуа, что вы ведете какие-то дела, – сказал инспектор Нил добродушно.

– Боюсь, в наши дни у всех так или иначе дел по горло.

– Наверное, смерть миссис Фортескью сильно потрясла вас, мистер Дюбуа. Вы ведь были большими друзьями?

– Да, – признал Дюбуа. – Она была очаровательной женщиной. Мы частенько играли вместе в гольф.

– Наверное, вам будет сильно ее не хватать.

– Вы правы. – Дюбуа вздохнул. – Вся эта история – словно какой-то страшный, кошмарный сон.

– Насколько я знаю, вы звонили ей в день ее смерти?

– Звонил? Сейчас точно не припомню.

– Кажется, около четырех часов.

– Да, наверное, так и было.

– А не помните, мистер Дюбуа, о чем вы говорили?

– О каких-то пустяках. Кажется, я спросил, как она себя чувствует, нет ли чего нового насчет смерти ее мужа – так, дежурный вопрос.

– Понятно, – сказал инспектор Нил. – А потом, – добавил он, – вы вышли прогуляться?

– Мм... да... да, я... кажется. Но не прогуляться, я немного поиграл в гольф.

Инспектор Нил мягко поправил его:

– Боюсь, вы ошибаетесь, мистер Дюбуа... Гольф был не в тот день... Гостиничный швейцар заметил, как вы направились в сторону «Тисовой хижины».

Их взгляды встретились, и Дюбуа нервно отвел глаза в сторону.

– Боюсь, инспектор, я просто не помню.

– Может быть, вы решили нанести визит миссис Фортескью?

Дюбуа категорически возразил:

– Нет. Этого не было. К их дому я и близко не подходил.

– Куда же вы пошли?

– Я... по дороге, я дошел до «Трех голубков», а вернулся через поле для гольфа.

– Вы уверены, что не заходили в «Тисовую хижину»?

– Совершенно уверен, инспектор.

Инспектор покачал головой.

– Право, мистер Дюбуа, – сказал он, – в ваших же интересах быть с нами откровенным. Допускаю, что обстоятельства, побудившие вас зайти туда, достаточно невинны.

– Говорю еще раз, что в тот день я миссис Фортескью не навещал.

Инспектор поднялся.

– Знаете что, мистер Дюбуа, – сказал он дружелюбно, – пожалуй, мы вас попросим дать письменные показания, как и положено, при составлении этого документа может присутствовать ваш адвокат.

Кровь отхлынула от лица мистера Дюбуа, оно болезненно позеленело.

– Вы мне угрожаете, – сказал он. – Вы мне угрожаете.

– Нет, нет, вовсе нет. – Казалось, инспектор по-настоящему шокирован. – Нам это категорически запрещается. Наоборот, я подсказываю вам, что у вас есть определенные права.

– Говорю вам, ко всей этой истории я не имею ни малейшего отношения. Ни малейшего.

– Перестаньте, мистер Дюбуа, в тот день, примерно в половине пятого, вы были в «Тисовой хижине». Кое-кто выглянул в окно и увидел вас.

– Я был только в саду. В дом не заходил.

– Нет? – переспросил инспектор Нил. – Уверены? А через боковую дверь не входили, не поднимались по ступенькам и в гостиную миссис Фортескью не заходили? И в ее письменном столе ничего не искали?

– Надо полагать, они у вас, – угрюмо произнес Дюбуа. – Эта дура Адель сохранила письма, хотя поклялась мне, что сожжет их. Но они вовсе не означают того, что вы думаете.

– Но вы не отрицаете, мистер Дюбуа, что были близким другом миссис Фортескью?

– Нет, конечно. Как я могу это отрицать, когда мои письма у вас? Я лишь прошу не вкладывать в них зловещий смысл. Как вам только в голову пришло, что мы... что она... замыслили избавиться от Рекса Фортескью? Господи, да я совсем не такой человек!

– Но может быть, такая – она?

– Чепуха, – воскликнул Вивиан Дюбуа. – Ведь ее тоже убили!

– О да, да.

– Так не естественно ли предположить, что один и тот же человек убил сначала мужа, а потом жену?

– Возможно. Вполне возможно. Но не исключены и другие решения. К примеру (я рассуждаю чисто умозрительно, мистер Дюбуа), представим себе, что миссис Фортескью, избавившись от мужа, стала представлять

собой опасность для кого-то еще. Возможно, этот кто-то не помогал ей совершать злодеяние, но, по крайней мере, он вдохновлял ее и являл собой, скажем так, мотив для убийства. Этот человек, знаете ли, мог считать ее очень опасной.

– У в-вас нет ос-оснований привлечь м-меня к от-ответственности, – заикаясь, вымолвил Дюбуа. – Н-нет, и все.

– Кстати, она написала завещание, – сообщил инспектор Нил. – Все свои деньги она оставила вам. Все, что у нее было.

– Мне ее деньги не нужны. Ни пенни.

– Там, конечно, ничего особенного и нет, – сказал инспектор Нил. – Кое-какие драгоценности, меха, но наличности как таковой, по-моему, немного.

Дюбуа уставился на инспектора, раскрыв рот от изумления.

– Но я думал, что ее муж...

Он осекся – явно сболтнул лишнее.

– Вы так думали, мистер Дюбуа? – переспросил инспектор Нил, и на сей раз в голосе его зазвучали стальные нотки. – Это очень интересно. А я все спрашивал себя: знаете вы условия завещания Рекса Фортескью или нет?

3

В гостинице «Гольф» у инспектора Нила состоялась и вторая беседа, с мистером Джералдом Райтом. Мистер Джералд Райт оказался худощавым молодым интеллектуалом, весьма высокомерным. Телосложением, отметил инспектор Нил, он более или менее напоминал Вивиана Дюбуа.

– Чем могу быть полезен, инспектор Нил? – спросил он.

– Я полагал, мистер Райт, что вы сумеете помочь нам с кое-какими сведениями.

– Сведениями? В самом деле? Боюсь, что вряд ли.

– Речь идет о последних событиях в «Тисовой хижине». Вы о них, конечно же, слышали.

Инспектор Нил сказал это с легкой иронией. Мистер Райт покровительственно улыбнулся.

– «Слышал о них» – не совсем верная формулировка. Можно подумать, газетам больше не о чем писать! До чего же наша пресса кровожадна! Потрясающе! В какие времена мы живем! С одной стороны, делаем атомные бомбы, с другой – газеты с восторгом расписывают

мерзейшие убийства! Но вы сказали, что хотите о чем-то меня спросить. Честно говоря, понятия не имею о чем. Об истории в «Тисовой хижине» я не знаю ровным счетом ничего. Когда убили Рекса Фортескью, я вообще был на острове Мэн.

– Но вскоре после этого вы приехали сюда, верно, мистер Райт? Вы, как я понимаю, получили телеграмму от мисс Элейн Фортескью.

– Нашей полиции известно все, да? Верно, Элейн меня вызвала. Разумеется, я сразу приехал.

– Насколько мне известно, вы собираетесь пожениться?

– Совершенно верно, инспектор Нил. Надеюсь, с вашей стороны возражений нет.

– Это исключительно личное дело мисс Фортескью. Ваши отношения сложились достаточно давно, да? Примерно полгода тому назад?

– Совершенно справедливо.

– Вы с мисс Фортескью обручились, но мистер Фортескью не дал согласия на ваш брак и сказал, что, если его дочь выйдет замуж против его воли, он лишит ее какого бы то ни было дохода. В связи с чем, как я понимаю, вы расторгли помолвку и исчезли.

Джералд Райт улыбнулся, можно сказать, сочувственно.

– Это чересчур поверхностно и прямолинейно, инспектор Нил. По сути дела, я был наказан за мои политические взгляды. Рекс Фортескью являл собой худший тип капиталиста. Естественно, я не мог поступиться своими политическими убеждениями ради денег.

– Но вы с готовностью возьмете в жены женщину, только что унаследовавшую пятьдесят тысяч фунтов?

На губах Джералда Райта заиграла заметная довольная улыбочка.

– Вне всякого сомнения, инспектор Нил. А деньги пойдут на пользу обществу. Но вы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать мои финансовые обстоятельства или политические убеждения?

– Нет, мистер Райт. Я хочу уточнить кое-какие факты. Как вы знаете, миссис Адель Фортескью умерла от отравления цианидом – к вечеру первого ноября. Поскольку вы под вечер того дня были неподалеку от «Тисовой хижины», я решил: не исключено, что вы видели или слышали что-нибудь, имеющее отношение к этому делу.

– А с чего вы взяли, что под вечер того дня я был, как вы изволили выразиться, неподалеку от «Тисовой хижины»?

– В тот день, мистер Райт, вы вышли из гостиницы в четверть пятого. Направились по дороге в сторону «Тисовой хижины». Естественно предположить, что вы шли именно туда.

– Такая мысль была, – не стал возражать Джералд Райт, – но потом я решил туда не ходить. Я уже договорился с мисс Фортескью... Элейн, что мы встретимся в шесть часов в гостинице. Я свернул в проулок, что отходит от главной дороги, и к шести часам вернулся в гостиницу. Элейн на встречу не пришла. Что в данных обстоятельствах вполне естественно.

– Кто-нибудь видел вас во время этой прогулки, мистер Райт?

– По дороге мимо проехало несколько машин. Знакомых лиц я не заметил, если вы об этом. А в проулке могла ехать разве что телега – для машин там слишком узко и грязно.

– Выходит, с момента, когда вы вышли из гостиницы в четверть пятого, и вплоть до шести вечера, когда вернулись, никто вас не видел? И где именно вы были, я могу знать только с ваших слов?

Джералд Райт продолжал высокомерно улыбаться.

– Это весьма огорчительно для нас обоих, инспектор, но ничего другого я вам предложить не могу.

Инспектор Нил негромко сказал:

– Стало быть, если кто-то утверждает, что, выглянув в окно, увидел вас в саду «Тисовой хижины» приблизительно в тридцать пять минут пятого... – Он остановился и оставил предложение незаконченным.

Брови Джералда Райта приподнялись, он покачал головой.

– Наверное, видимость к тому времени была никудышной, – предположил он. – Никто не мог сказать вам этого наверняка.

– Вы знакомы с мистером Вивианом Дюбуа, который сейчас живет в этой гостинице?

– Дюбуа? Дюбуа... Нет, не думаю. Это высокий брюнет, отдающий предпочтение замшевым туфлям?

– Да. В тот день он тоже выходил под вечер на прогулку и направился в сторону «Тисовой хижины». Вы случайно его не заметили?

– Нет. Нет. Чего не было, того не было.

Впервые на лице Джералда Райта обозначилось слабое беспокойство.

Инспектор Нил задумчиво произнес:

– Время-то для гулянья было не самое подходящее, ведь уже стемнело, да и в проулке, как вы говорите, стояла грязь. Прямо любопытно – откуда у людей столько энергии?

Когда инспектор Нил вернулся в «Тисовую хижину», его

приветствовал сержант Хей, явно довольный.

– Я выяснил насчет дроздов, сэр, как вы просили, – отчитался он.

– Неужели?

– Да, сэр, они были в пироге. В холодном пироге, который оставили для воскресного ужина. Он лежал в погребе или еще где-то, и кто-то до него добрался. Снял корочку, вытащил изнутри телятину с ветчиной, а сунул туда знаете что? Протухших дроздов, которые висели в сарае у садовника. Шутка-то вышла с душком, верно?

– «Снилось ли такое блюдо королю?» – продекламировал инспектор Нил и пошел прочь.

Сержант Хей недоуменно посмотрел ему вслед.

Глава 18

1

– Минуточку, – сказала мисс Рэмсботтом. – Кажется, пасьянс сейчас выйдет.

Она переложила на освободившееся место короля со всей его свитой, перенесла красную семерку на черную восьмерку, скинула четверку, пятерку и шестерку пик в сброс, сделала еще несколько перемещений – и, удовлетворенно вздохнув, откинулась на спинку кресла.

– Ай да я! – заключила она. – Прямо мастерица!

Она была явно довольна. Подняв глаза, она взглянула на стоявшую у камина девушку.

– Значит, вы – жена Ланса, – сказала она.

Пэт, которой было велено явиться пред очи мисс Рэмсботтом, согласно кивнула.

– Да, – подтвердила она.

– Вы очень высокая, – заметила мисс Рэмсботтом. – И вид у вас вполне здоровый.

– На здоровье не жалуюсь.

Мисс Рэмсботтом удовлетворенно кивнула.

– У Персиваля жена – размазня, – сообщила она. – Объедается сладким, спортом не занимается. Садись, дитя мое, садись. Где ты познакомилась с моим племянником?

– В Кении, я какое-то время жила там у друзей.

– Ты, я знаю, уже была замужем.

– Да. Два раза.

Мисс Рэмсботтом звучно хмыкнула.

– Разводилась, стало быть.

– Нет, – ответила Пэт. Голос ее чуть задрожал. – Они оба... умерли. Первый муж был летчиком. Погиб на войне.

– А второй? Подожди... кто-то мне говорил. Застрелился, да?

Пэт кивнула.

– Из-за тебя?

– Нет, – возразила Пэт. – Не из-за меня.

– Он был как-то связан с лошадьми, да?

– Да.

– В жизни на ипподроме не была, – заявила мисс Рэмсботтом. – Все эти пари, тотализаторы да карты – орудия дьявола!

Пэт не ответила.

– В театр или в кино я – ни ногой, – продолжала мисс Рэмсботтом. – Что там говорить, теперь весь мир погряз в пороке. И в этом доме порок правил бал, да Господь наказал грешников.

Пэт опять не нашлась что ответить. Ей даже подумалось: может, у тетушки Эффи не все дома? Однако ей стало немного не по себе под проницательным взглядом старушки.

– Много ли, – спросила тетушка Эффи, – тебе известно о семье, в которую ты вошла?

– Наверное, – предположила Пэт, – сколько любому, кто оказывается в таком положении.

– Гм, может, и так, может, и так. Я тебе вот что скажу. Моя сестра была дурехой, мой зять – жуликом. Персиваль – подлая душонка, а твой Ланс в этом семействе всегда ходил в плохих.

– По-моему, все это – чепуха, – проявила силу духа Пэт.

– Может, ты и права, – неожиданно согласилась мисс Рэмсботтом. – Наклеивать людям ярлыки – не дело. Но не советую недооценивать Персиваля. Считается, что если кто хорош, то он в придачу и глуп. Персиваля глупым никак не назовешь. Он умен, но при этом ханжа и лицемер. Я его никогда не любила. Имей в виду, что Лансу я не верю и его поступков не одобряю, а вот любить его люблю... Эдакий сорвиголова, всегда был таким. Ты за ним присматривай, следи, чтобы не зарывался. И ему передай, малышка, – недооценивать Персиваля нельзя. Скажи – пусть не верит ни одному его слову. Они все в этом доме изоврались. – И старушка торжествующе добавила: – Геенна огненная – вот их удел.

2

Инспектор Нил заканчивал телефонный разговор со Скотленд-Ярдом.

Помощник комиссара на другом конце провода говорил:

– Постараемся собрать для вас сведения – обзвоним все частные клиники. Хотя, возможно, она уже умерла.

– Возможно. Дело-то давнее.

«Старые грехи отбрасывают длинные тени». Так сказала ему мисс Рэмсботтом, сказала явно со значением, будто на что-то намекала.

- Не версия, а какая-то фантастика, – усомнился помощник комиссара.
- Именно, сэр. Но отмахнуться от нее мы, я считаю, не можем. Уж больно все сходится.
- Да... да... зерно... дрозды... имя убитого.
- Я прорабатываю другие линии тоже, – сказал Нил. – Нельзя сбрасывать со счетов Дюбуа. Да и Райта. Девушка Глэдис могла заметить любого из них у боковой двери. Оставить поднос в холле и выйти посмотреть, кто там и что ему надо. Убийца задушил ее на месте, а потом оттащил тело к бельевым веревкам и нацепил прищепку ей на нос...
- Идиотская шутка, по совести говоря! И мерзкая.
- Да, сэр. Именно это больше всего расстроило старушку – я имею в виду мисс Марпл. Очень симпатичная старушка – и очень проницательная. Она перебралась в дом, чтобы быть поближе к своей сверстнице мисс Рэмсботтом, и я не сомневаюсь: все, что происходит в этом доме, станет ей известно.
- Какой ваш следующий шаг, Нил?
- У меня встреча с лондонскими адвокатами. Хочу как следует вникнуть в дела Рекса Фортескью. И хоть история эта и старая, хочу выяснить, что произошло на шахте «Дрозды».

3

Мистер Биллингсли из компании «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» оказался человеком учтивым, но его обходительные манеры вводили в заблуждение – он был весьма осмотрителен и соблюдал профессиональную этику. Инспектор Нил встречался с ним уже вторично, и на сей раз осмотрительность мистера Биллингсли не так бросалась в глаза. Тройная трагедия в «Тисовой хижине» поколебала профессиональные устои мистера Биллингсли. Сейчас он, можно сказать, рвался выложить полиции все имеющиеся в его распоряжении факты.

– В высшей степени удивительное дело, – сказал он. – В высшей степени. За свою профессиональную карьеру ничего подобного я не припомню.

– Говоря откровенно, мистер Биллингсли, – признался инспектор Нил, – мы очень рассчитываем на вашу помощь.

– Дорогой сэр, помогу, чем смогу. Буду рад оказать всяческое содействие.

– Прежде всего позвольте спросить, хорошо ли вы знали покойного

мистера Фортескью и дела его фирмы?

– Рекса Фортескью я знал достаточно хорошо. Мы были знакомы лет, если не ошибаюсь, шестнадцать. Но мы не единственная адвокатская фирма, чьими услугами он пользовался, далеко не единственная.

Инспектор Нил кивнул. Об этом он знал. «Биллингсли, Хорсторп и Уолтерс» вели, если так можно выразиться, солидные дела Рекса Фортескью. Для проведения менее солидных операций он нанимал другие фирмы, не отличавшиеся особой щепетильностью.

– Что же вас интересует? – осведомился мистер Биллингсли. – Про его завещание я уже рассказал. Наследник очищенного от долгов и завещательных отказов имущества – Персиваль Фортескью.

– Меня сейчас интересует, – перешел к делу инспектор Нил, – завещание его вдовы. После смерти мистера Фортескью она унаследовала сто тысяч фунтов, так?

Биллингсли кивнул.

– Немалая сумма, – сказал он, – и могу вам сообщить по секрету, инспектор, что фирма Фортескью с большим трудом смогла бы выплатить такие деньги.

– Разве эта фирма не процветает?

– Говоря откровенно, – ответил мистер Биллингсли, – но только строго между нами, последние полтора года они здорово сидят на мели.

– На то есть какая-то причина?

– Конечно. Я бы сказал, что причина – сам Рекс Фортескью. Весь прошлый год он вел себя как безумец. Надежные акции продавал, сомнительные покупал, про свои дела молот языком направо и налево, да еще как! От советов отмахивался. Персиваль – это его сын – приходил сюда, просил, чтобы я как-то повлиял на отца. Он сам, видимо, пытался, но тот отшвырнул его в сторону. Я сделал все, что мог, но Фортескью не желал прислушиваться к голосу разума. Иногда мне казалось, что его словно подменили.

– Но подавлен он не был? – уточнил инспектор Нил.

– Нет, нет. Наоборот. Был какой-то бурлящий, вычурный.

Инспектор Нил кивнул. Мысль, уже сформировавшаяся в его мозгу, только окрепла. Кажется, он начинал понимать причины трений между Персивалем и его отцом. Мистер Биллингсли между тем продолжал:

– Но про завещание его жены меня спрашивать бесполезно. Я его не составлял.

– Это мне известно, – успокоил его Нил. – Я лишь хочу выяснить, было ли ей что оставлять. И я это уже выяснил. У нее было сто тысяч

фунтов.

Мистер Биллингсли неистово затряс головой:

– Нет, мой дорогой сэр, нет. Тут вы не правы.

– Вы хотите сказать, что эти сто тысяч она должна была получать постепенно в течение всей жизни?

– Нет... нет, она должна была все получить сразу. Но в завещании был пункт, суть которого в следующем: жена Фортескью вступала в наследство и получала эту сумму не ранее чем через месяц после смерти мужа. В наши дни этот пункт вполне обычен. Он появился, потому что летать на самолетах стало небезопасно. Если в авиакатастрофе погибают двое, очень трудно определить, кто из них унаследовал собственность другого, и возникает множество занятных проблем.

Инспектор Нил внимательно смотрел на него.

– Выходит, у Адель Фортескью не было денег, которые перешли бы к кому-то по наследству? Что же случилось со ста тысячами фунтов?

– Эти деньги вернулись в фирму. Точнее сказать, к наследнику очищенного от долгов и завещательных отказов имущества.

– И наследник этот – мистер Персиваль Фортескью.

– Совершенно верно, – подтвердил Биллингсли. – Деньги переходят к Персивалю Фортескью. А при том состоянии, в каком находится сейчас фирма, – добавил он, забыв о профессиональной этике, – эти деньги ему ох как нужны!

– Чего только вам, полицейским, не надобно, – проворчал доктор, друг инспектора Нила.

– Давай, Боб, выкладывай.

– Так и быть, раз мы с тобой говорим с глазу на глаз и ссылаться на меня ты, слава богу, не можешь! Представь себе, судя по всему, ты абсолютно прав. Сильно смахивает на маниакальный синдром. Семья это подозревала и очень хотела, чтобы он показался доктору. Но он наотрез отказался. А проявляется это заболевание именно так, как ты описываешь. Неспособность оценить ситуацию, бурные вспышки раздражения и злости, хвастливость, мания величия – например, человек считает себя выдающимся финансовым гением. Если такого не остановить, он очень скоро разорит самую платежеспособную фирму, а остановить его не так просто, особенно если он знает, что у вас на уме. Я бы сказал, вашим

друзьям просто повезло, что он умер.

– Они мне вовсе не друзья, – вымолвил Нил. И повторил сказанное как-то раньше: – Все они – очень неприятные люди...

Глава 19

Вся семья Фортескью сидела в гостиной. Прислонившись к каминной полке, речь держал Персиваль Фортескью.

– Все это прекрасно, – говорил он, – но радоваться совершенно нечему. Полицейские приезжают, уезжают, нам ничего не говорят. Они якобы заняты какими-то поисками. Но дело и не думает сдвигаться с мертвой точки. Нельзя ничего предпринимать, нельзя строить планы на будущее.

– Как можно так не считаться с людьми? – встала Дженнифер. – Дурацкое положение.

– До сих пор нам запрещено уезжать из дому, – продолжал Персиваль. – И все же в своем кругу мы должны обсудить планы на будущее. Что скажешь ты, Элейн? Ты ведь собираешься замуж... забыл, как его зовут... за Джералда Райта, так? Когда вы хотите пожениться?

– Чем быстрее, тем лучше, – ответила Элейн.

Персиваль нахмурился.

– То есть через полгода?

– Нет, раньше. Почему мы должны ждать полгода?

– Чтобы соблюсти приличия, – объяснил Персиваль.

– Чепуха, – возразила Элейн. – Месяц. Больше мы ждать не намерены.

– Что ж, тебе решать, – сказал Персиваль. – А когда поженитесь, что думаете делать дальше? Или планов нет?

– Мы хотим открыть школу.

Персиваль покачал головой.

– В наши дни это рискованно. Где найти обслуживающий персонал? Где найти толковых учителей? Идея, безусловно, хорошая, дело благое. Но на твоём месте, Элейн, я бы как следует подумал.

– Мы уже подумали. Джералд считает, что будущее нашей страны зависит от того, какое образование получат дети.

– Послезавтра я встречаюсь с мистером Биллингсли, – сообщил Персиваль. – Будем обсуждать разные финансовые вопросы. Он считает, что деньги, которые оставил тебе отец, есть смысл положить в банк на длительный срок, а доверительный собственник – ты и твои дети. В наши дни это самое надежное.

– Нет, – отказалась Элейн. – Деньги нам понадобятся сейчас, чтобы открыть школу. Мы уже нашли подходящий дом, он сейчас сдается. В Корнуолле. Прекрасная земля и отличный дом. Мы хотим пристроить к

нему несколько крыльев.

– Ты хочешь сказать... что собираешься забрать из дела все деньги? Знаешь, Элейн, я не думаю, что это разумно.

– А я считаю, что разумнее их забрать, – осталась при своем мнении Элейн. – Дело-то трещит по швам. Ты, Валь, сам говорил, когда отец еще был жив, что положение в фирме хуже некуда.

– Всякое приходится говорить, – высказался Персиваль неопределенно, – но пойми, Элейн, взять весь свой капитал и вбухать его в покупку, оборудование и оснащение школы – чистое безумие. Если дело не выгорит, что будет? Ты остаешься без единого пенни.

– Выгорит, – продолжала упрячиться Элейн.

– А я – за тебя. – Это Ланс, полуразвалившись в кресле, выступил с поддержкой. – Рискни, Элейн. Лично я считаю, что школа эта будет чертовски странной, но ведь именно этого ты хочешь – ты и Джералд. Если даже потеряешь деньги, у тебя, по крайней мере, останется чувство удовлетворения – ты поступила так, как захотела.

– Что еще от тебя можно ждать, Ланс, – кисло заметил Персиваль.

– Знаю, знаю, – согласился Ланс. – Я мот, транжира и блудный сын. Но, Перси, старина, я все же считаю, что жизнь дала мне больше радостей, чем тебе.

– Смотря что считать радостями, – кисло заметил Персиваль. – Кстати, самое время поговорить и о твоих планах, Ланс. Ты, видимо, отправишься назад в Кению... или в Канаду? Или совершишь восхождение на Эверест? Или еще что-нибудь не менее потрясающее?

– С чего ты это взял? – спросил Ланс.

– Ну, домашняя жизнь в Англии тебя никогда не привлекала.

– С возрастом люди меняются, – сказал Ланс, – Возникает тяга к оседлому образу жизни. Представь себе, дружище Перси, что я жду не дождусь, когда смогу ступить на стезю бизнесмена, трезвого человека дела.

– Не хочешь ли ты сказать...

– Именно, старина, я хочу стать совладельцем фирмы, вместе с тобой. – Ланс расплылся в улыбке. – Ты, разумеется, будешь старшим партнером. Тебе – львиная доля. Я всего лишь очень младший партнер. Но какими-то акциями я владею, и это дает мне право участвовать в управлении фирмой, верно?

– Ну... да... конечно, если ты этого желаешь. Но смею тебя уверить, мой дорогой, что тебе это быстро наскучит.

– Посмотрим. Не думаю, что мне это наскучит.

Персиваль нахмурился.

– Ты что, Ланс, серьезно собираешься заняться делами фирмы?

– Да, хочу приобщиться к семейному пирогу. Именно это.

Персиваль покачал головой.

– Дела у нас, знаешь ли, обстоят не лучшим образом. Ты скоро это поймешь. В лучшем случае мы сможем выделить Элейн ее долю, если она на этом настаивает.

– Видишь, Элейн, – обратился к сестре Ланс. – Ты проявила мудрость, когда настаивала. Хватай свои деньги, пока есть что хватать.

– Перестань, Ланс, – рассердился Персиваль. – От этих твоих шуток дурно пахнет.

– Действительно, Ланс, надо все-таки думать, когда говоришь, – вмешалась Дженнифер.

Сидя в сторонке около окна, Пэт разглядывала их одного за другим. Если Ланс имел в виду это, говоря, что прижмет Персивалю хвост, он явно преуспевал. Подчеркнутая безмятежность Персиваля, несомненно, была поколеблена. Он снова сердито огрызнулся:

– Ты это все серьезно, Ланс?

– Серьезнее некуда.

– Пойми, ничего у тебя не выйдет. Ты скоро насытишься этим по горло.

– Не волнуйся. Представляешь, как это разнообразит мою жизнь? Контора в городе, машинистки носятся взад и вперед. Секретаршу возьмем только блондинку, как мисс Гросвенор... ведь ее фамилия Гросвенор? Небось ты на нее уже накинул уздечку? Ничего, найду себе другую, такую же. «Да, мистер Ланселот, нет, мистер Ланселот. Ваш чай, мистер Ланселот».

– Не валяй дурака, – огрызнулся Персиваль.

– Почему ты так сердишься, мой дорогой брат? Разве ты не будешь счастлив переложить на мои плечи часть твоих городских забот?

– У тебя же ни на йоту нет представления, в какой мы сидим трясине.

– Это точно. Вот ты меня и научишь, как из нее выбраться.

– Во-первых, ты должен понять, что последние полгода... больше, целый год отец был совершенно другим человеком. Он творил одну жуткую глупость за другой, в смысле финансов. Продавал хорошие акции, покупал какие-то авантюрные. Иногда буквально вышвыривал деньги на ветер. Тратил, можно сказать, удовольствия ради.

– Чего уж там, – вставил Ланс. – Семья только выиграла от того, что у него в чае оказался токсин.

– Формулировка довольно скверная, но по сути ты абсолютно прав.

Это во многом спасло нас от банкротства. Но нужно действовать крайне сдержанно и какое-то время вести себя очень осторожно.

Ланс покачал головой:

– Я с тобой не согласен. На осторожности далеко не уедешь. Нужно рисковать, наносить удары. Замахнуться на что-то серьезное.

– Не согласен, – сказал Перси. – Осторожность и экономия – вот наш девиз.

– Только не мой, – отозвался Ланс.

– Помни, ты всего лишь младший партнер, – попробовал поставить брата на место Персиваль.

– Хорошо, хорошо. Но все же какое-то право голоса я имею.

Персиваль взбудораженно зашагал по комнате.

– Нет, Ланс, так не пойдет. Я тебя люблю и все такое...

– Неужели? – отозвался Ланс, но Персиваль пропустил реплику мимо ушей.

– ...но, честно говоря, я не думаю, что мы можем скакать в одной упряжке. Уж слишком разные у нас взгляды.

– Может, это наше преимущество, – предположил Ланс.

– Единственный разумный выход, – продолжал Персиваль, – расторгнуть наше партнерство.

– Ты предлагаешь откупить у меня мою долю, так?

– Мой дорогой мальчик, при том, как по-разному мы смотрим на мир, это единственный разумный выход.

– Если тебе трудно выплатить Элейн ее часть наследства, как, хотел бы я знать, ты собираешься рассчитаться со мной?

– Ну, я не имел в виду наличные, – объяснил Персиваль. – Мы можем... как-то поделить наши владения.

– Тебе, разумеется, идут бумаги гарантированные, а мне – так, что-нибудь с барского стола? Что-нибудь рискованное и сомнительное?

– По-моему, тебе по вкусу именно такое, – заметил Персиваль.

Ланс расплылся в широкой улыбке.

– В каком-то смысле ты прав, старина Перси. Но я не могу полностью потакать своим прихотям. Мне теперь надо думать о Пэт.

Братья посмотрели на нее. Пэт раскрыла было рот, но тут же его закрыла. Она не знала, что за игру вел Ланс, но поняла – в любом случае ей лучше не вмешиваться. У Ланса явно было что-то на уме, но чего он хотел добиться, она пока не понимала.

– Давай, Перси, перечисляй, что там у тебя есть, – сказал Ланс, смеясь. – «Призрачные алмазные копии», «Недостигаемые рубины»,

«Нефтяные концессии», в которых нет нефти. Неужели ты считаешь, что я такой дурак, каким кажусь?

Персиваль сказал:

– Разумеется, некоторые из этих владений весьма рискованные, но помни, в один прекрасный день они могут принести колоссальный доход.

– Видишь, ты уже запел по-другому. – Ланс ухмыльнулся. – Собираешься предложить мне последние отцовские безумные приобретения вместе с шахтой «Дрозды» и прочим хламом. Кстати, инспектор тебя об этих «Дроздах» не расспрашивал?

Персиваль нахмурился.

– Да, спрашивал. Не представляю, зачем они ему понадобились. Мне почти нечего было ему рассказать. Мы ведь с тобой тогда были детьми. Помню смутно, что отец туда уезжал, а потом вернулся, потому что вся затея лопнула.

– А что это было – золотые прииски?

– Кажется, так. Но отец, когда вернулся, четко сказал: золота там нет. А он не из тех, кто в таких делах дает промашку.

– Кто втравил его в эту историю? Некий Маккензи, так?

– Да. Этот Маккензи там и умер.

– Маккензи там умер, – задумчиво произнес Ланс. – Была какая-то жуткая сцена. Что-то такое я помню... Миссис Маккензи, да? Она пришла сюда. Честила отца на чем свет стоит. Посылала проклятья на его голову. Если не путаю, она обвиняла отца в том, что он убил ее мужа.

– Ну уж, – сдерживающе произнес Персиваль. – Я что-то таких страстей не припомню.

– А вот я помню, – повторил Ланс. – Понятно, я был совсем ребенком, намного моложе тебя. Но, может, как раз поэтому я все так хорошо запомнил. Эта история ребенку показалась страшной драмой. А где они находились, эти «Дрозды»? В Западной Африке?

– Кажется, да.

– Надо посмотреть, что это за концессия, – сказал Ланс. – Посмотрю, когда буду в конторе.

– Можешь не сомневаться, – заверил его Персиваль, – отец не ошибся. Если он вернулся и сказал, что золота там нет, значит, его там нет.

– Может, ты и прав, – согласился Ланс. – Несчастливая миссис Маккензи. Интересно, что случилось с ней и с ее двумя детишками, которых она тогда притащила с собой? Занятно: ведь теперь они, надо полагать, взрослые люди.

Глава 20

В частной лечебнице «Пайнвуд» инспектор Нил, сидя в холле для гостей, беседовал с седовласой пожилой женщиной. Элен Маккензи было шестьдесят три, но выглядела она моложе. Взгляд ее поблекших голубых глаз был каким-то отсутствующим, подбородок никак не был волевым. Вытянутая верхняя губа изредка подергивалась. На коленях миссис Маккензи держала большую книгу и, разговаривая с инспектором Нилом, почти не поднимала от нее глаз. В мозгу инспектора еще звучали слова, сказанные доктором Кросби, главным врачом этого заведения.

– Она здесь, разумеется, по своей воле, – объяснил доктор Кросби. – Невменяемой мы ее не считаем.

– То есть она не опасна?

– О нет. Большую часть времени она мыслит не менее здраво, чем вы или я. Сейчас у нее хорошая полоса, так что говорите с ней, как с совершенно нормальным человеком.

Помня об этом, инспектор Нил запустил первый пробный шар.

– Очень признателен, мадам, что вы согласились со мной встретиться. Меня зовут Нил. Я хотел бы поговорить с вами о некоем мистере Фортескью, он недавно умер. Мистер Фортескью. Надеюсь, это имя вам известно.

Миссис Маккензи сидела, вперившись в книгу. Она сказала:

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Мистер Фортескью, мадам. Мистер Рекс Фортескью.

– Нет, – ответила миссис Маккензи. – Нет. Не знаю такого.

Такое начало слегка обескуражило инспектора Нила. Это доктор Кросби называет совершенно нормальным?

– Я полагаю, миссис Маккензи, что вы знали этого человека много лет тому назад.

– Не совсем, – возразила миссис Маккензи. – Это было вчера.

– Понятно, – сказал инспектор Нил, прибегая к своей испытанной формуле, но на сей раз безо всякой уверенности. – Я знаю, – продолжал он, – что много лет назад вы навестили этого человека в его жилище, его дом называется «Тисовая хижина».

– Не дом, а сплошная показуха, – сказала миссис Маккензи.

– Да, да, можно сказать и так. Этот человек был связан с вашим мужем, насколько мне известно, у них была шахта где-то в Африке. Она

называлась «Дрозды».

– Мне нужно почитать книгу, – сказала миссис Маккензи. – Времени не так много, и мне нужно почитать книгу.

– Конечно, мадам. Я вполне вас понимаю. – После паузы инспектор Нил продолжал: – Мистер Маккензи и мистер Фортескью вместе отправились в Африку, чтобы разрабатывать эту шахту.

– Это была шахта моего мужа, – вдруг прорвало миссис Маккензи. – Он ее нашел и застолбил за собой. Ему нужно было вложить в нее деньги. Он пошел к Рексу Фортескью. Будь я умнее да знай больше, ни в жизнь бы ему этого не позволила.

– Конечно, я понимаю. Но в итоге в Африку они поехали вместе, и там ваш муж умер от лихорадки.

– Мне нужно читать книгу, – сказала миссис Маккензи.

– Как вы считаете, миссис Маккензи, мистер Фортескью одурачил вашего мужа на этой шахте?

Не поднимая глаз от книги, миссис Маккензи сказала:

– До чего вы глупы, право.

– Да, да, наверное... Но, видите ли, дело это давнее, и трудно расспрашивать об истории, которая давно быльем поросла.

– Кто сказал, что она поросла быльем?

– Понятно. А вы так не считаете?

– «Вопрос считается решенным, лишь если верно он решен». Это Киплинг сказал. Киплинга теперь никто не читает, а это был великий человек.

– Вы считаете, что в ближайшее время этот вопрос будет решен верно?

– Ведь Рекс Фортескью умер, да? Вы сами сказали.

– Его отравили, – уточнил инспектор Нил.

К смущению инспектора, миссис Маккензи засмеялась.

– Какая чушь, – сказала она. – Он умер от лихорадки.

– Я говорю о мистере Рексе Фортескью.

– Я тоже. – Она внезапно вскинула голову, и ее поблекшие голубые глаза впились в его лицо. – Бросьте, – сказала она. – Ведь он умер в своей постели, разве нет? Он умер в своей постели?

– Он умер в больнице Сент-Джудс, – поправил ее инспектор Нил.

– Никто не знает, где умер мой муж, – сказала миссис Маккензи. – Никто не знает, как он умер, где похоронен... Все знают только то, что сказал Рекс Фортескью. А Рекс Фортескью – лжец!

– Вы считаете, он совершил подлость?

– «Подлость, подлость, все кричат: «На помощь!»»

– Думаете, в смерти вашего мужа повинен Рекс Фортескью?
– Мне сегодня на завтрак подали яйцо, – сообщила миссис Маккензи. – Вполне свежее. Но неужели все это было тридцать лет назад?

Нил сделал глубокий вдох. Похоже, такими темпами он до финиша не доберется. Но сдаваться он не намерен.

– За месяц или два до смерти Рекса Фортескью кто-то положил ему на стол мертвых дроздов.

– Интересно. Очень даже интересно.

– Как вы думаете, мадам, кто бы это мог быть?

– От дум еще никому легче не становилось. Надо действовать. Я так их и воспитала, чтобы они действовали.

– Вы имеете в виду ваших детей?

Она быстро кивнула.

– Да. Дональд и Руби. Когда они остались без отца, им было семь и девять лет. Я сказала им. Говорила каждый день. Заставляла их давать клятву каждый вечер.

Инспектор Нил подался вперед.

– Давать клятву в чем?

– В том, что они убьют его, ясное дело.

– Понятно.

Инспектор Нил произнес свою реплику так, будто миссис Маккензи сказала сейчас нечто вполне естественное.

– И они это сделали?

– Дональд уехал в Дюнкерк. И не вернулся оттуда. Я получила телеграмму. «С прискорбием сообщаем, погиб в бою». Да только не тот был бой, к которому я его готовила.

– Мне очень жаль, мадам. А ваша дочь?

– Дочери у меня нет, – ответила миссис Маккензи.

– Вы только что о ней говорили, – поправил ее Нил. – Ваша дочь, Руби.

– Руби. Ах да, Руби. – Она склонилась вперед. – Знаете, что я сделала с Руби?

– Нет, мадам. Что же вы с ней сделали?

Она вдруг перешла на шепот:

– Посмотрите сюда, в книгу.

Тут он увидел, что на коленях у нее лежит Библия. Библия была очень старая, и, когда миссис Маккензи ее открыла, инспектор Нил заметил на первой странице какие-то имена. Это, безусловно, была семейная Библия, в которую по старой традиции записывали всех вновь родившихся. Сухой

палец миссис Маккензи указал на два последних имени. «Дональд Маккензи» и дата рождения, и «Руби Маккензи», тоже с датой. Но поперек имени Руби Маккензи шла жирная линия.

– Видите? – спросила миссис Маккензи. – Я вычеркнула ее из Библии. Навеки отсекала ее от себя! Ангел, что отмечает добрые дела и грехи, там ее не найдет.

– Вы вычеркнули ее имя из Библии? Но почему, мадам?

Миссис Маккензи посмотрела на него с хитроватым прищуром.

– Сами знаете почему, – сказала она.

– Нет, не знаю. Правда не знаю, мадам.

– Она перестала верить. Вы же знаете, что она перестала верить.

– Где ваша дочь сейчас, мадам?

– Я вам уже сказала. У меня нет дочери. Руби Маккензи больше не существует.

– Вы хотите сказать, что она умерла?

– Умерла? – Женщина внезапно расхохоталась. – Было бы лучше, если бы она умерла. Для нее самой. Намного лучше. – Она вздохнула и беспокойно заерзала в кресле. Потом, вдруг вспомнив о правилах хорошего тона, сказала: – Извините, боюсь, больше не смогу уделить вам времени. Знаете, времени становится все меньше, а мне еще надо дочитать книгу.

Инспектор Нил хотел еще что-то выпросить, но ответа не получил. Миссис Маккензи отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и продолжала читать Библию, водя пальцем по строчкам.

Нил поднялся и вышел. Прежде чем уехать, он накоротке переговорил с управляющим.

– Кто-нибудь из родственников ее навещает? – спросил он. – Дочь, например?

– По-моему, во времена моего предшественника к ней однажды приехала дочь, но пациентка так разволновалась, что дочь попросили больше не приезжать. С тех пор все дела решаются через адвокатов.

– А вам известно, где эта Руби Маккензи сейчас?

Управляющий покачал головой:

– Не имею ни малейшего представления.

– А вы случайно не знаете, замужем она или нет?

– Понятия не имею. Хотите, дам адрес адвокатов, которые ведут дела этой пациентки?

До этих адвокатов инспектор Нил уже добрался. Они были не в состоянии – если верить им на слово – что-либо прояснить. Для миссис Маккензи был создан денежный фонд, этими средствами они и

оперировали. Распоряжения были сделаны несколько лет назад, с той поры мисс Маккензи адвокаты не видели.

Инспектор Нил попытался получить описание Руби Маккензи, но сильно не преуспел. К пациентам приезжает столько родственников, что через несколько лет перестаешь понимать, кто есть кто, и все становятся как бы на одно лицо. Сестра-хозяйка, проработавшая в лечебнице много лет, с трудом припомнила, что мисс Маккензи была женщиной невысокой и темноволосой. Еще одна сестра, числившаяся в старожилах лечебницы, сказала, что мисс Маккензи – женщина крепко сбитая, блондинка.

– Вот так, сэр, – подытожил инспектор Нил, доложив о проделанной работе помощнику комиссара. – Все составные части этой безумной считалки на месте. Не может такое быть случайным.

Помощник комиссара задумчиво кивнул.

– Дрозды в пироге связывают между собой шахту «Дрозды», зерна в кармане убитого, лепешку с медом Адель Фортескью (последнее, впрочем, не особенно убеждает. В конце концов, есть к чаю лепешку с медом мог любой). Третье убийство – девушка задушена чулком, и нос ее зажат прищепкой. Да, эта идея безумна, но отмахиваться от нее мы не имеем права.

– Минутку, сэр, – сказал инспектор Нил.

– Что такое?

Инспектор Нил нахмурился.

– Что-то меня в этой версии не устраивает. Не похожа она на правду. Что-то не стыкуется. – Он покачал головой и вздохнул. – А вот что? Пока не знаю.

Глава 21

1

Ланс и Пэт бродили по ухоженным лужайкам, окружавшим «Тисовую хижину».

– Надеюсь, Ланс, я не сильно огорчу тебя, – негромко сказала Пэт, – но более жуткого сада я в жизни не видела.

– Не огорчишь, – успокоил ее Ланс. – Неужели он такой жуткий? Не знаю, не знаю. По-моему, его очень трудолюбиво возделывают целых три садовника.

– Может, – предположила Пэт, – в этом вся беда. Средства вбуханы большие, но индивидуального вкуса не чувствуется. А ведь наверняка тут все как положено: и рододендроны отобрали лучшие, и высадили их, когда и как надо.

– А ты, Пэт, что посадила бы в свой английский сад?

– В моем саду, – ответила Пэт, – росли бы штокрозы, шпорники и крупные колокольчики – никаких клумб, тем более этого кошмарного тиса.

И она чуть ли не с ненавистью взглянула на тисовую изгородь.

– Ассоциативное мышление, – не задумываясь определил Ланс.

– В отравителе есть что-то такое, от чего у меня мороз по коже, – сказала Пэт. – Представляешь себе этого человека: мрачный, переполненный желчью, мстительный...

– Ты так его воспринимаешь? Занятно! По-моему, для отравителя больше характерны деловитость и хладнокровие.

– Да, наверное, ты прав. – Она чуть поежилась. – Все равно три убийства... Этот убийца – просто маньяк.

– Да, – глухо произнес Ланс. – Боюсь, это так. – Внезапно он заговорил громко: – Послушай, Пэт, ради бога, уезжай отсюда. Возвращайся в Лондон. Поезжай в Девоншир или на озера. В Стратфорд-на-Эйвоне или в Норфолк, там есть что посмотреть. Полиция тебя задерживать не будет – ты к этой истории не имеешь никакого отношения. Когда убили отца, ты была в Париже, а когда умерли двое других – в Лондоне. Поверь, я страшно обеспокоен тем, что ты здесь.

Пэт помолчала минутку, потом негромко спросила:

– Ты ведь знаешь, кто это, правда?

– Нет, не знаю.

– Но тебе кажется, что знаешь... Потому ты и боишься за меня. Лучше бы ты мне все рассказал.

– Да нечего мне рассказывать. Я сам ничего не знаю. Но, видит бог, я хочу, чтобы ты отсюда уехала.

– Дорогой, – сказала Пэт, – я никуда не поеду. Я останусь здесь. К добру это или нет – останусь. Иначе просто не могу. – Она добавила с неожиданной дрожью в голосе: – Только со мной всегда не к добру.

– Как тебя понимать, Пэт?

– Я приношу людям несчастье. Вот так и понимать. Приношу несчастье всем, с кем соприкасаюсь.

– Моя дорогая, обожаемая глупышка, но мне ты принесла счастье. Ведь отец пригласил меня вернуться домой и восстановить мир, когда мы с тобой поженились.

– Ну, вот ты вернулся, и что произошло? Говорю тебе, я приношу людям несчастье.

– Послушай, прелесть моя, ты просто вбила себе это в голову. Суеверие в чистом виде.

– Ничего не могу с этим поделать. Есть люди, которые приносят несчастье. Я – одна из них.

Ланс взял ее за плечи и как следует встряхнул.

– Ты – моя Пэт, и быть твоим мужем – величайшее счастье в мире. Постарайся понять это своей бестолковой головкой. – Потом, успокоившись, он сказал уже более ровным голосом: – Но, Пэт, серьезно, прошу тебя – будь осторожней. Если вокруг бродит кто-то с мозгами набекрень, я не хочу, чтобы именно ты нарвалась на пулю или отведала белены.

– Лучше уж белены.

– Когда меня нет рядом, держись поближе к старушке, как там ее... Марпл. Как думаешь, почему тетушка Эффи пригласила ее остаться?

– Одному богу известно, почему тетушка Эффи делает то, а не другое. Ланс, мы здесь долго пробудем?

Ланс пожал плечами:

– Трудно сказать.

– По-моему, – сказала Пэт, – мы здесь не сильно кому-то нужны. – После секундного колебания она продолжала: – Дом сейчас принадлежит твоему брату, да? Он совсем не в восторге от того, что мы здесь.

Ланс внезапно хохотнул.

– Ясно, что не в восторге, но ему придется нас потерпеть, пока по

крайней мере.

– А потом? Что мы будем делать, Ланс? Вернемся в Восточную Африку?

– Ты бы хотела туда вернуться, Пэт?

Она энергично закивала головой.

– Это здорово, – обрадовался Ланс, – потому что и я хочу того же. С Англией меня теперь мало что связывает.

Пэт просияла.

– Как замечательно. А то в прошлый раз я здорово напугалась: подумала, что ты решил остаться здесь.

В глазах Ланса вспыхнула дьявольская усмешка.

– Насчет наших планов чур язык за зубами, Пэт, – предупредил он. – Уж больно мне хочется прищемить любимому братцу хвост, хоть чуть-чуть.

– Ланс, только будь осторожен.

– Буду, буду, прелесть моя, просто я не понимаю, почему старине Перси все должно сходить с рук?

2

Чуть склонив голову набок – эдакий благообразный попугай, – мисс Марпл сидела в большой гостиной и внимала миссис Персиваль Фортескью. В этих стенах мисс Марпл выглядела особенно не на месте. Сухонькая и худая, она совершенно не вязалась с огромным парчовым диваном, с подушками разных оттенков, разложенными вокруг. Мисс Марпл держалась очень прямо – в детстве ее приучили носить корсет для выпрямления спины и ни в коем случае не сидеть развалясь. Рядом с ней в большом кресле, одетая в замысловатое черное платье, сидела миссис Персиваль и без умолку трещала. Точь-в-точь как бедная миссис Эмметт, рассуждала про себя мисс Марпл, жена управляющего банком. Она вспомнила, как однажды миссис Эмметт заглянула к ней по поводу торговли на День маков,^[7] и, когда они обо всем договорились, миссис Эмметт вдруг прорвало. Ее положение в Сент-Мэри-Мид было непростым. Она не принадлежала к старой гвардии дам, стесненных в средствах, живших в опрятных домиках вокруг церкви и близко знавших местную знать со всеми чадами и домочадцами, хотя сами они знают, строго говоря, и не были. Мистер Эмметт, управляющий банком, несомненно, взял себе жену из более низкого социального сословия, в результате она оказалась в полной изоляции, ибо вход в круг жен торгового люда был ей и

вовсе заказан. Чудище снобизма подняло свою омерзительную голову – и миссис Эмметт оказалась выброшенной на безлюдный остров.

Жажда общения у миссис Эмметт все нарастала, именно в тот день плотина рухнула, и мисс Марпл захлестнуло бурным потоком. Она вполне сочувствовала миссис Эмметт, а теперь она сочувствовала миссис Персиваль Фортескью.

Поводов для недовольства у миссис Персиваль накопилось предостаточно, и она с колоссальным облегчением делилась своими бедами с человеком более или менее посторонним.

– У меня нет привычки жаловаться, – говорила миссис Персиваль. – Это не в моих правилах. Я всегда говорю – нужно приспособливаться к обстоятельствам. Чего нельзя исправить, с тем изволь мириться, и я никогда никому и словом не обмолвилась. Да и кому жаловаться? Тут ведь живешь в полной изоляции, в полнейшей. Конечно, очень удобно, что у нас в доме свои комнаты, да и экономия какая. Но, с другой стороны, когда ты сама себе хозяйка – это куда лучше. Уверена, вы со мной согласитесь.

Мисс Марпл действительно согласилась.

– Слава богу, наш новый дом почти готов, скоро будем туда перебираться. Дело только за штукатурами да малярами. Жутко тянут резину. Мужу-то, конечно, и здесь хорошо. Но мужчины к этому относятся совершенно иначе. Я всегда это говорила – совершенно иначе. Вы согласны?

Да, согласилась мисс Марпл, мужчины к этому относятся совершенно иначе. Тут она не кривила душой, ибо действительно так думала. «Джентльмены», по мнению мисс Марпл, являли собой категорию, разительно отличавшуюся от ее собственного пола. На завтрак им требовались два яйца плюс бекон, три раза в день им надобно плотно поесть, и упаси вас господа спорить с ними или, того хуже, перечить им перед обедом. Миссис Персиваль продолжала:

– Понимаете, муж целый день в городе. Возвращается всегда усталый, ему надо сесть и почитать. Я же, наоборот, целый день сижу одна, начисто лишена подходящего общества. Нет, условия здесь прекрасные. Отличное питание. Но ведь человеку еще нужно приятное общение. Местная публика, если честно, меня не устраивает. В основном это любители пустить пыль в глаза, сразиться в бридж. Не просто провести милый вечер за партией, нет. Я сама не прочь поиграть в бридж, но у них тут такие ставки, что оторопь берет, да и спиртное при этом течет рекой. В общем, сплошь кутилы и гуляки, денег у них куры не клюют. Ну, разумеется, есть горсточка... я бы сказала, божьих одуванчиков, которые знай себе

слоняются с садовыми совками и что-то такое сажают и поливают.

Мисс Марпл немножко смутилась, потому что сама была заядлой садовницей.

– О покойниках плохо не говорят, – быстро перескочила миссис Перси, – но мой свекор, мистер Фортескью, со вторым браком дал большого маху. Моя... не свекровь, конечно, какая она мне свекровь, мы почти ровесницы. Сказать правду – она на мужиках была помешана. Помешана на мужиках, да еще как. А деньги как транжирила! Свекор через нее совсем свихнулся. Сколько бы она ни тратила – на здоровье. А Перси из-за этого сильно переживал, очень сильно. Перси – человек бережливый, в денежных делах аккуратный. Для него хуже нет, чем швырять деньги на ветер. А тут еще мистер Фортескью ведет себя как малое дитя, то начнет показушничать, то скандал закатит, то давай деньгами сорить, вкладывать их невесть во что. В общем, хорошего во всем этом было мало.

Мисс Марпл отважилась прервать этот поток вопросом:

– Наверное, и муж ваш был этим сильно обеспокоен?

– Еще как. Весь прошлый год. Забеспокоишься тут. Он напрочь переменялся. Даже ко мне. Бывает, заговорю с ним, а он не отвечает. – Миссис Перси вздохнула, потом продолжала: – Теперь Элейн, моя золовка, – тоже странная особа. Вечно какие-то игры с детворой, вылазки на природу. Не скажу, что неприветливая, но как-то мне с ней неуютно. Я подбивала ее съездить в Лондон по магазинам, в театр сходить на дневное представление, еще что-нибудь такое. Куда там! Одежда ее вообще не интересует. – Миссис Персиваль снова вздохнула и пробормотала: – Нет, вы не подумайте, что я жалуясь. – Ей вдруг стало совестно. Она поспешно добавила: – Вам это небось кажется чудным – говорю такое, а вы мне почти совсем чужая. Но живешь в таком напряжении, да и шок... наверное, все дело в шоке. Запоздалый шок. Я вся извелась, уж так охота с кем-то поговорить. А вы мне напомнили одну замечательную старушку, мисс Трефьюзис Джеймс. Она сломала бедро, когда ей было семьдесят пять лет. Ох, как долго ее пришлось выхаживать... вот мы и подружились. Когда расставались, она подарила мне пелерину из лисьего меха, я прямо растрогалась.

– Я вас прекрасно понимаю, – сказала мисс Марпл.

И на сей раз она не грешила против истины. Ясно, что миссис Персиваль надоела своему мужу, он почти перестал обращать на нее внимание, а подружиться с кем-то из соседей бедняжке так и не удалось. Хождения по магазинам, дневные спектакли и роскошный дом – слишком малая компенсация, если в отношениях с семьей мужа нет никакого тепла.

– Надеюсь, вы не сочтете за грубость, – сказала мисс Марпл елейным старушечьим голоском, – но почему-то мне кажется, что покойный мистер Фортескью не был очень приятным человеком.

– Вы правы, – согласилась сноха умершего. – Если совсем откровенно, дорогая моя, строго между нами, он был довольно мерзким старикашкой. И я не удивлюсь – честное слово, – что кому-то потребовалось его убрать.

– И вы понятия не имеете, кто... – начала мисс Марпл, но тут же осеклась. – Господи, может, я не должна об этом спрашивать... и понятия не имеете, кто... кто это мог быть?

– Я думаю, этот жуткий Крамп, его рук дело, – поделилась миссис Персиваль. – Он всегда был мне очень неприятен. Вроде бы и не грубиян, но все же как грубиян. Дерзкий такой тип.

– Но ведь должен быть какой-то мотив.

– Такому человеку вряд ли нужен особый мотив. Мистер Фортескью, уж не помню, за что устроил ему крупную выволочку, к тому же, подозреваю, иногда этот Крамп напивается как сапожник. Но самое главное, мне кажется, в другом: он человек неуравновешенный. Был один такой лакей или дворецкий, уж не помню, так он взял ружье и всех в доме перестрелял. Вообще-то, если совсем честно, я поначалу подозревала, что мистера Фортескью отравила Адель. Но теперь, конечно, она вне подозрений, раз ее саму отравили. Знаете, вдруг она обвинила Крампа? А он потерял голову и, может, подложил какую-то отраву в бутерброды, а Глэдис его за этим делом застукала, вот он заодно убил и ее. Да его вообще опасно держать в доме. Господи, я бы сейчас с радостью куда-нибудь уехала, но эти жуткие полицейские никого отсюда непустят. – Она импульсивно подалась вперед и положила свою пухлую руку на запястье мисс Марпл. – Иногда мне кажется, что я должна бежать... что, если это в ближайшие дни не кончится... я и вправду должна бежать отсюда...

Она откинулась назад, глаза ее впились в мисс Марпл.

– Но, может быть... это неразумно?

– Не думаю, что это очень разумно. Полиция ведь быстро вас найдет.

– Неужели найдут? Неужели? Думаете, у них хватит ума?

– Недооценивать полицию – большая ошибка. Инспектор Нил, на мой взгляд, – поразительно умный человек.

– Да? А мне он показался довольно глупым.

Мисс Марпл покачала головой.

– Я не могу избавиться от чувства... – Дженнифер Фортескью заколебалась, – что оставаться здесь опасно.

– Опасно для вас лично?

– Д-да... да, для меня...

– Потому что вам... что-то известно?

Миссис Персиваль набрала в легкие воздуха.

– Нет, конечно. Я ничего не знаю. Что я могу знать? Просто... просто я жутко нервничаю. Этот Крамп...

Нет, решила мисс Марпл, глядя, как сжимает и разжимает ладони миссис Фортескью, она думает вовсе не о Крампе. Дженнифер Фортескью сильно напугана, и на то есть какие-то совершенно другие причины.

Глава 22

Надвигались сумерки. Мисс Марпл с вязаньем пристроилась у окна в библиотеке. Сквозь оконное стекло она увидела, как на террасе прогуливается Пэт Фортескью. Отперев окно, мисс Марпл позвала:

– Заходите сюда, дорогая. Заходите, прошу вас. Там так холодно и сыро, а вы еще и без пальто.

Пэт послушно повиновалась. Она вошла, закрыла окно и включила две лампы.

– Да, – сказала она. – На улице не очень приятно. – Она села на диван подле мисс Марпл. – Что вы вяжете?

– Да так, дорогая, детскую кофточку. Для младенца. Такие кофточки никогда не бывают лишними, молодые мамы довольны. Это второй размер. Я всегда вяжу второй размер. Из первого малыши уж больно быстро вырастают.

Пэт вытянула к каминному огню свои стройные ноги.

– Здесь сегодня уютно, – сказала она. – Камин, слабый свет, и вы вяжете детские вещички. Покойно и по-домашнему, как и должно быть в Англии.

– В Англии так и есть, – заметила мисс Марпл. – «Тисовых хижин» в ней не очень много, дорогая.

– Хорошо, если так, – сказала Пэт. – Не верится мне, что этот дом когда-то был счастливым. Что хоть один человек в нем был счастлив, несмотря на все их деньги, на все их богатство.

– Мне тоже не верится, – согласилась мисс Марпл. – Боюсь, счастье всегда обходило этот дом стороной.

– Может, здесь была счастлива Адель, – рассуждала Пэт. – Мы с ней никогда не встречались, так что этого я просто не знаю, но Дженнифер явно страдает, а Элейн вся извелась из-за молодого человека, которому она безразлична, и, скорее всего, в глубине души она это чувствует. Боже, как мне хочется отсюда уехать! – Она взглянула на мисс Марпл и неожиданно улыбнулась. – А знаете, Ланс мне сказал, чтобы я держалась поближе к вам. Он считает, что под вашим крылышком я буду в большей безопасности.

– Ваш муж – человек не глупый, – сказала мисс Марпл.

– Вы правы. Глупым Ланса не назовешь. Подурачиться он любит, это точно. Но он чего-то боится, а чего именно, не говорит. Мне ясно одно: кто-то в этом доме сошел с ума, а это всегда страшно, ведь ты не можешь себе

представить, что такому человеку может взбрести в голову. Не знаешь, чего от него ждать.

– Бедная девочка, – пожалела собеседницу мисс Марпл.

– Да нет, все нормально. Пожалуй, я здесь уже закалилась.

Мисс Марпл участливо спросила:

– На вашу долю, милая, тоже выпало достаточно несчастья, да?

– Ну, в моей жизни были и хорошие времена. Прекрасное детство в Ирландии, езда верхом, охота, отличный дом, большой и просторный, по которому гулял свежий ветер, а солнца в нем было – хоть отбавляй. Если у тебя было счастливое детство, оно остается с тобой на всю жизнь, ведь правда? Это уже потом, когда я выросла, счастье словно куда-то улетучилось. Первый удар мне, наверное, нанесла война.

– Ваш муж был летчиком?

– Да. Через месяц после свадьбы самолет Дона сбили. – Она смотрела прямо перед собой, на огонь в камине. – Мне сначала хотелось умереть, уйти вместе с ним. Казалось, все так несправедливо, так жестоко. А потом, когда прошло время... мне даже стало казаться: оно и к лучшему, что все кончилось именно так. Дон был словно рожден для войны. Отважный, отчаянный, веселый. У него были все качества, какие нужны воину. И я почему-то чувствую, что в мирное время он бы потерял себя. Сидело в нем этакое... как бы сказать... заносчивое неповиновение. Оседлый образ жизни, изо дня в день одно и то же – он бы этого не выдержал. Обязательно ввязался бы в какую-нибудь драку. В каком-то смысле жизнь в обществе была ему противопоказана. Нет, он бы этого не выдержал.

– Очень важно, моя милая, что вы это поняли. – Мисс Марпл склонилась над вязаньем, подцепила петлю и стала считать про себя: – Три простых, две изнаночных, одну выпускаем, две вместе, – потом спросила: – А ваш второй муж, милая?

– Фредди? Фредди застрелился.

– Боже! Как это печально. Какая трагедия.

– Мы были очень счастливы вместе, – сказала Пэт. – Года через два, как мы поженились, я начала понимать, что Фредди... не всегда честен. Увидела: что-то у него не так. Но между нами все оставалось по-прежнему. Потому что Фредди любил меня, а я – его. Я пыталась закрыть глаза на его жизнь вне дома. Возможно, это была трусость с моей стороны, но изменить его я не могла. Изменить человека – это не под силу никому.

– Да, – подтвердила мисс Марпл. – Изменить человека – это никому не под силу.

– Я приняла его таким, каким он был, полюбила и вышла за него

замуж, понимая, что с какими-то сторонами его натуры придется мириться. Но потом дела его совсем разладились, он растерялся – и застрелился. После его смерти я уехала в Кению, пожить у друзей. Остаться в Англии, видеть старых знакомых, которые всё знали, просто не могла. Ну а в Кении я встретила Ланса. – Взгляд ее изменился, потеплел. Она продолжала смотреть в огонь, а мисс Марпл смотрела на нее. Наконец Пэт повернула голову и спросила: – Мисс Марпл, скажите откровенно, что вы думаете о Персивале?

– Ведь я его почти не знаю. Так, вижу за завтраком. Вот и все. По моему, ему не очень нравится, что я сейчас здесь.

Пэт неожиданно засмеялась.

– Он ведь жуткий скряга. Дрожит над каждым пенсом. Ланс говорит, что он был таким всегда. И Дженнифер на него жалуется. Проверяет все счета вместе с мисс Доув. За каждый расход ее критикует. Но мисс Доув умудряется делать по-своему. Она – совершенно замечательная особа. Вы так не считаете?

– Да, считаю. Она напоминает мне миссис Латимер из моей собственной деревни, Сент-Мэри-Мид. Миссис Латимер возглавляла Женскую добровольную службу, группы девочек-скаутов, вообще почти все, что можно было возглавлять. И только лет через пять нам стало известно, что... Ой нет, сплетничать нехорошо. Тем более это такая тоска – слушать чьи-то рассказы о людях, которых ты никогда не видела, о местах, где никогда не бывала.

– А ваша Сент-Мэри-Мид – симпатичная деревушка?

– Ну, моя дорогая, не знаю, что есть симпатичная деревушка в вашем понимании. Что ж, там довольно мило. Живут довольно симпатичные люди, но и неприятных субъектов хватает. В этой деревне происходит много любопытного, как и в любой другой. Человеческая природа везде одинакова, правда?

– Я заметила, вы часто поднимаетесь к мисс Рэмсботтом, – сказала Пэт. – А я ее боюсь.

– Боитесь? Почему?

– Мне кажется, она сумасшедшая. Свихнулась на почве религии. Вы не думаете, что она по-настоящему... безумна?

– Безумна? В каком смысле?

– Мисс Марпл, вы хорошо понимаете в каком. Сидит целыми днями наверху, никогда не выходит и думает мрачные думы о греховодниках и греховодницах. В конце концов ей могло прийти в голову, что ее миссия в этой жизни – быть верховным судией.

– Это ваш муж так считает?

– Я не знаю, что считает Ланс. Он мне не говорит. Но я уверена в одном: он полагает, что это дело рук безумца и безумец этот – член семьи. Ну, Персиваль, я бы сказала, человек вполне здоровый. Дженнифер просто глупое и отчасти жалкое создание. Нервная, это есть, но не более. Что до Элейн... бывают такие девушки – странноватые, одержимые, словно натянутые пружины. Она по уши влюблена в своего молодого человека и ни на секунду не признается себе, что он хочет на ней жениться из-за денег.

– Вы считаете, он хочет жениться на ней из-за денег?

– Да. А вам так не кажется?

– Я бы не стала утверждать это с такой категоричностью, – сказала мисс Марпл. – Был такой Эллис, молодой мужчина, он взял в жены Марион Бэйтс, дочь богатого торговца скобяными изделиями. Девушка она была простая, бесхитростная, его прямо боготворила. И ничего, все у них сладилось. Мужчины вроде молодого Эллиса и этого Джералда Райта проявляют дурной нрав, если они взяли в жены бедную. Они так клянут себя за это, что на ней же и отыгрываются. Но если они берут в жены богатую, они продолжают уважать ее и в браке.

– Не представляю, – продолжала Пэт, хмурясь, – чтобы это был кто-то со стороны. А отсюда и атмосфера, что царит в доме. Все друг за другом наблюдают. Только что-нибудь все равно случится...

– Смертей больше не будет, – заявила мисс Марпл. – По крайней мере, мне так кажется.

– Как вы можете быть в этом уверены?

– Представьте, почти уверена. Понимаете, убийца выполнил свою задачу.

– Выполнил?

– Выполнил или выполнила. Это я так, для удобства.

– А какая задача перед ним стояла?

Мисс Марпл покачала головой – на этот счет полной ясности у нее, увы, не было.

Глава 23

1

Мисс Сомерс снова готовила чай в комнате машинисток, и, когда она вылила воду в заварку, оказалось, что чайник снова не вскипел. Да, история повторяется. Принимая чашку, мисс Гриффит подумала про себя, что насчет Сомерс надо все-таки поговорить с мистером Персивалем. Неужели мы не можем подыскать себе машинистку потолковее? Впрочем, едва ли стоит сейчас беспокоить шефа из-за подобных пустяков, вот кончится эта кошмарная история, тогда...

И в очередной раз мисс Гриффит резко бросила:

– Вода снова не вскипела, Сомерс.

Мисс Сомерс, порозовев, ответила так, как отвечала в подобных случаях всегда:

– Господи, уж сейчас она, кажется, точно кипела.

Развитие этой темы было прервано появлением Ланса Фортескью. Несколько замутненным взглядом он огляделся по сторонам, и мисс Гриффит, подскочив, вышла ему навстречу.

– Мистер Ланс! – воскликнула она.

Он круто повернулся в ее сторону, и его лицо озарилось улыбкой.

– Здравствуйте. Ой, да это же мисс Гриффит!

Мисс Гриффит была в восторге. Они не виделись одиннадцать лет, и надо же, он помнит, как ее зовут. В смущении она пролепетала:

– Поразительно, что вы меня помните.

И Ланс игриво, со всем присущим ему обаянием ответил:

– Конечно, я вас помню.

Все в комнате машинисток ожило. Мисс Сомерс вмиг забыла о своих чайных бедах. Она пялилась на Ланса, рот ее слегка приоткрылся. Мисс Белл заинтересованно выглядывала из-за пишущей машинки, а мисс Чейз потихонечку извлекла на свет божий компактную пудру и пудрила нос. Ланс Фортескью оглядел комнату.

– Ну что ж, тут все как прежде, – заключил он.

– Да, мистер Ланс, особых перемен нет. Какой вы загорелый, какой свежий! Наверное, там, за границей, вы живете очень интересной жизнью.

– Можно и так сказать, – согласился Ланс, – но теперь, пожалуй,

попробую пожить интересной жизнью в Лондоне.

– Хотите вернуться в нашу контору?

– Не исключено.

– Как чудесно!

– Я ведь там изрядно подотстал, – признался Ланс. – Вам, мисс Гриффит, придется ввести меня в курс дела.

Мисс Гриффит счастливо засмеялась.

– Мы будем очень рады вашему возвращению, мистер Ланс. Очень, очень рады.

Ланс окинул ее оценивающим взглядом.

– Что ж, это мило с вашей стороны, – сказал он. – Очень мило.

– Мы никогда не верили... никто из нас не думал, что... – Мисс Гриффит умолкла и вспыхнула.

Ланс легонько похлопал ее по руке.

– Что такой уж он злодей, каким его изображали? Наверное, не такой. Но так или иначе, это дело прошлое. Зачем к нему возвращаться? Будущее – вот главное. – Он добавил: – Мой брат здесь?

– По-моему, он у себя в кабинете.

Ланс игриво кивнул и пошел дальше. В приемной перед святилищем из-за своего стола поднялась сурового вида женщина средних лет и угрожающе спросила:

– Пожалуйста, ваше имя и по какому вы делу?

Ланс с сомнением посмотрел на нее.

– Вы... мисс Гросвенор? – спросил он.

Ему сказали, что мисс Гросвенор – шикарная блондинка. Да он и сам видел ее фотографии в газетах, где речь шла о расследовании убийства Рекса Фортескью. Нет, это явно не она.

– Мисс Гросвенор уволилась на той неделе. Я миссис Хардкасл, личная секретарша мистера Персиваля Фортескью.

Что ж, подумал Ланс, как раз в духе старины Перси. Избавиться от шикарной блондинки и вместо нее взять Медузу Горгону. И все же – почему? Так безопаснее или... просто дешевле? Вслух он добродушно сказал:

– Я Ланселот Фортескью. Мы с вами еще не встречались.

– Ой, простите ради бога, мистер Ланселот, – извинилась миссис Хардкасл. – Вы ведь в конторе, если не ошибаюсь, в первый раз?

– В первый, но не в последний, – ответил Ланс с улыбкой.

Он пересек комнату и открыл дверь в кабинет, когда-то принадлежавший его отцу. К своему удивлению, за столом он обнаружил не

Персиваля, а инспектора Нила. Инспектор поднял голову от большой стопки бумаг, которые он сортировал, и кивнул:

– Доброе утро, мистер Фортескью, пришли познакомиться со своими обязанностями?

– Вы уже слышали, что я решил вернуться в фирму?

– Мне сказал ваш брат.

– Вот как? И что, он был при этом полон энтузиазма?

Инспектор Нил попытался скрыть улыбку.

– Особого энтузиазма я не заметил, – отвечал он строго.

– Бедняга Перси, – прокомментировал Ланс.

Инспектор Нил взглянул на него с любопытством.

– Вы действительно хотите влиться в деловую жизнь Лондона?

– А вам, инспектор Нил, кажется, что это мало похоже на правду?

– Для такого человека, как вы, мистер Фортескью, это как будто не совсем то.

– Почему? Я сын своего отца.

– И своей матери.

Ланс покачал головой:

– Нет, инспектор, едва ли я пошел в мать. Она была старомодной и романтической особой. Любимая книга – «Королевские идиллии» Теннисона, как вы могли заключить из наших занятых имен. Она была инвалидом и всегда, как мне кажется, жила в своем выдуманном мирке, далеко от реальности. Я вовсе не такой. Никакой сентиментальности за мной не числится, романтики, можно сказать, тоже, вообще я реалист до мозга костей.

– Иногда люди о себе бывают ошибочного мнения, – заметил инспектор Нил.

– Да, такое случается, – согласился Ланс.

Он сел в кресло и вытянул ноги в свойственной ему манере. Он улыбался каким-то своим мыслям. Потом неожиданно сказал:

– А вы, инспектор, проницательнее моего брата.

– В чем же, мистер Фортескью?

– Я ведь здорово нагнал на Перси страху. Он и вправду решил, что я собрался окунуться в лондонскую деловую жизнь. И буду пытаться оттяпать кусок его пирога. Он жуть как боится, что теперь я начну тратить деньги фирмы на всякие воздушные замки, подбивать его на всякие безумные сделки. Пойти на такое можно хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как будет страдать Перси. И все же – нет. Конторские будни – это не для меня, инспектор. Мне нужен свежий воздух, какие-то

приключения, разнообразие. Тут я просто задохнусь. – Он быстро добавил: – Имейте в виду, это строго между нами. Пожалуйста, не выдавайте меня Перси.

– Едва ли в нашем разговоре с ним эта тема возникнет, мистер Фортескью.

– Надо же мне чуть-чуть поиздеваться над Перси, – продолжал Ланс. – Пусть попереживает. Надо с ним хоть как-то поквитаться.

– Это странно, мистер Фортескью, – удивился Нил. – Поквитаться – за что?

Ланс пожал плечами.

– Ну, это старая история. Что к ней возвращаться?

– Насколько я знаю, в прошлом имелся некий чек. Вы это имеете в виду?

– Вы так много знаете, инспектор!

– Но о передаче дела в суд речь, как я понимаю, не шла, – сказал Нил. – Ваш отец этого не хотел.

– Нет. Он просто вышвырнул меня, и все.

Инспектор Нил задумчиво взирал на него, но думал при этом вовсе не о Лансе Фортескью, а о Персивале. Честный, трудолюбивый, бережливый Персиваль. Всякий раз, углубляясь в это дело, инспектор сталкивался с загадкой Персиваля Фортескью, человека, чьи внешние проявления были известны всем, а вот определить его внутреннюю суть было гораздо сложнее. Сторонний наблюдатель сказал бы: бесцветная и серая личность, человек, сидевший под башмаком у своего отца. Чопорный Перси, как заметил однажды помощник комиссара полиции. Сейчас с помощью Ланса Нил пытался разобраться, что же за птица этот Персиваль. И он проговорил, нащупывая почву под ногами:

– Такое впечатление, что ваш брат... как бы это точнее... был у отца под башмаком.

– Интересно. – Ланса, кажется, эта точка зрения искренне удивила. – Интересно. Очень сомневаюсь, что так оно и было. Скорее, это чисто внешнее впечатление. Знаете, оглядываясь на прошлые годы, я с изумлением понимаю: Перси всегда добивался своего, хотя вроде бы ничего для этого не делал.

Да, подумал инспектор Нил, тут было чему изумиться. Он поворошил лежавшие перед ним бумаги, выудил письмо и подтолкнул его Лансу.

– Это письмо вы написали в августе, мистер Фортескью?

Ланс взял его, проглядел и положил на стол.

– Да, – подтвердил он, – я написал его, когда летом вернулся в Кению.

Значит, отец его сохранил? И где оно лежало – здесь, в кабинете?

– Нет, мистер Фортескью, мы нашли его в бумагах вашего отца в «Тисовой хижине».

Инспектор еще раз внимательно перечитал лежавшее перед ним письмо. Оно не было длинным.

«Дорогой папа, я обсудил с Пэт твое предложение и согласен его принять. Мне нужно некоторое время, чтобы привести здесь в порядок свои дела, скажем, до конца октября или начала ноября. Дату приезда уточню попозже. Надеюсь, мы будем друг к другу терпимее, чем в прошлом. Я, во всяком случае, сделаю для этого все возможное. Что можно к этому добавить?

Береги себя.

Твой Ланс».

– Куда вы послали это письмо, мистер Фортескью? В контору или в «Тисовую хижину»?

Ланс нахмурил брови, стараясь вспомнить.

– Трудно сказать. Не помню. Ведь три месяца прошло. Думаю, все-таки в контору. Да, точно. Сюда. – Секунду помолчав, он с откровенным любопытством спросил: – Почему вы об этом спрашиваете?

– Хотелось бы знать, – сказал инспектор Нил, – почему ваш отец не оставил его здесь, среди своих бумаг? Он забрал его в «Тисовую хижину», там я и нашел это письмо в его столе. Интересно, почему он так поступил?

Ланс рассмеялся.

– Надо полагать, чтобы письмо не попало Перси на глаза.

– Да, – согласился инспектор Нил. – Похоже на правду. Получается, ваш брат имел доступ к личным бумагам отца?

– Ну, – с сомнением произнес Ланс, чуть нахмурившись, – не совсем так. Просто он мог, я думаю, в любое время в них заглянуть, если хотел, но в принципе...

Инспектор Нил закончил предложение за него:

– Делать этого был не должен?

Ланс расплылся в улыбке:

– Именно. Откровенно говоря, это называется «шпионить». Но за Перси, мне кажется, такое водилось всегда.

Инспектор Нил кивнул. Он и сам был того же мнения. Шпионить – это вполне соответствовало образу Персиваля Фортескью, который складывался в сознании инспектора Нила.

– Ага, легок на помине, – пробормотал Ланс, ибо в эту секунду дверь отворилась, и вошел Персиваль Фортескью. Он собирался обратиться к инспектору, но замер и нахмурился – увидел Ланса.

– Привет, – сказал он. – Ты здесь? Не предупредил, что появишься сегодня.

– Жажда работы обуяла, – отшутился Ланс, – так что вот я пред тобой, готовый приносить пользу. Чем прикажешь заняться?

Персиваль произнес с раздражением:

– Пока ничем. Абсолютно ничем. Нам надо четко определить поле твоей деятельности. Выделить тебе кабинет.

Ланс с легкой усмешкой спросил:

– Кстати, старина, почему ты избавился от роскошной Гросвенор и поменял ее на это кувшинное рыло?

– Ланс, это уже чересчур, – вспыхнул Персиваль.

– Вот уж точно изменение к худшему, – продолжал развлекаться Ланс. – Я дожидаться не мог, когда увижу роскошную Гросвенор. С чего тебе пришло в голову ее уволить? Решил, что она слишком много знает?

– Нет, конечно. Чушь какая-то! – сердито возразил Персиваль, и его бледное лицо залилось краской. Он повернулся к инспектору. – Не обращайтесь на моего брата особого внимания, – холодно сказал он. – У него своеобразное чувство юмора. – Потом добавил: – Я никогда не был очень высокого мнения об умственных способностях мисс Гросвенор. У миссис Хардкасл прекрасные рекомендации, она отличный работник, да и требования у нее весьма скромные.

– Весьма скромные требования, – повторил Ланс, поднимая глаза к потолку. – Знаешь, Перси, экономить на сотрудниках – я не сторонник такой политики. Кстати, коль скоро сотрудники проявили преданность фирме в эти трагические недели, может, есть смысл всем без исключения повысить зарплату?

– Ни в коем случае, – отрезал Персиваль Фортескью. – Это совершенно лишнее, совсем не ко времени.

От инспектора Нила не укрылся дьявольский огонек, мелькнувший в глазах Ланса. Персиваль, однако, ничего не заметил – был слишком огорчен.

– У тебя всегда какие-то экстравагантные фантастические идеи, – пробурчал он. – Фирма в таком состоянии, что экономия – наша единственная надежда.

Инспектор Нил тактично кашлянул.

– Об этом, в частности, я и хотел поговорить с вами, мистер

Фортескью, – обратился он к Персивалю.

– Слушаю, инспектор. – Персиваль переключил внимание на Нила.

– Я хочу высказать некоторые соображения, мистер Фортескью. Мне известно, что последние полгода, а то и год, вас очень беспокоило поведение вашего отца.

– Он был нездоров, – категорично ответил Персиваль. – В этом нет никаких сомнений.

– Вы безуспешно пытались убедить его в том, что он должен навестить доктора. Он отказался наотрез?

– Да, наотрез.

– А вы не подозревали, что ваш отец поражен болезнью, известной в обиходе как маниакальный синдром? В таком состоянии проявляются признаки мании величия, раздражительности, и рано или поздно оно приводит к безнадежному безумию.

Персиваль заметно удивился.

– Вы на редкость проникательны, инспектор. Представьте, я боялся именно этого. Потому и настаивал, чтобы отец показался врачу.

– Вы безуспешно пытались его уговорить, – продолжал Нил, – а он тем временем успешно разорял вашу фирму?

– В общем, да, – согласился Персиваль.

– Прискорбное положение, – заметил инспектор.

– Жуткое. Никто не знает, сколько нервов мне это стоило.

– С деловой точки зрения ваш отец умер как нельзя более кстати, – спокойно предположил Нил.

– Надеюсь, – резко возразил Персиваль, – вы не думаете, что смерть отца я воспринял именно в этом свете?

– Я сейчас говорю не о вашем восприятии, мистер Фортескью. Я беру лишь фактическую сторону дела. Если бы ваш отец не умер, фирма вполне могла бы разориться.

– Да, да, – нетерпеливо бросил Фортескью. – Если брать голые факты, вы правы.

– От того, что мистер Фортескью умер, все члены вашей семьи только выиграли, ведь благополучие ваших родственников зависит от состояния дел в фирме.

– Да. Честно говоря, инспектор, мне не совсем понятно, куда вы клоните... – Персиваль замолчал.

– Никуда не клоню, мистер Персиваль, – успокоил его Нил. – Просто вношу ясность в имеющиеся факты. Еще один вопрос. Вы говорили, что не поддерживали с братом никаких отношений с тех самых пор, как он

покинул Англию много лет назад.

– Совершенно верно, – подтвердил Персиваль.

– Так ли это, мистер Фортескью? Ведь прошлым летом, когда здоровье отца вас не на шутку встревожило, вы написали брату в Африку о том, что поведение отца вас беспокоит. Вы, видимо, хотели, чтобы брат помог вам повлиять на отца, послать его на обследование или даже ограничить его деятельность, если понадобится.

– Я... я не вполне понимаю...

Персиваль был явно выбит из колеи.

– Но ведь это правда, мистер Фортескью?

– Ну, я считал, это будет справедливо. В конце концов, Ланселот – младший партнер.

Инспектор Нил перевел взгляд на Ланса. На губах Ланса поигрывала усмешка.

– Вы получили это письмо? – спросил инспектор Нил.

Ланс Фортескью кивнул.

– И что вы ответили?

Ланс совсем расплылся в улыбке.

– Я сказал ему, чтобы не дурил себе голову и оставил старика в покое. Написал, что старик, скорее всего, прекрасно знает, что делает.

Инспектор Нил снова взглянул на Персиваля.

– Ответ вашего брата был именно таков?

– Ну... в общих чертах да. Формулировки, я бы сказал, были более агрессивные.

– Я решил, что инспектора вполне устроит причесанный вариант, – сказал Ланс. Он продолжал: – Откровенно говоря, инспектор, одна из причин, побудившая меня тогда приехать домой, – желание лично убедиться, как обстоят дела. Моя встреча с отцом была довольно краткой, и, если честно, никаких особенных симптомов я не заметил. Он был слегка взбудоражен, но не более того. Во всяком случае, мне показалось, что он в состоянии вести свои дела. Короче, вернувшись в Африку, я все обсудил с Пэт и решил, что буду перебираться домой, в Англию, а уж на месте... как бы это сказать? – прослежу за тем, чтобы игра велась по-честному.

По ходу монолога он метнул взгляд на Персиваля.

– Я возражаю, – объявил Персиваль Фортескью. – Решительно возражаю против того, на что ты намекаешь. Я совершенно не собирался отстранять отца от дел. Меня заботило его здоровье. Конечно, меня заботило и... – Он замолчал.

Ланс быстро закончил предложение:

– Тебя заботило и состояние собственных карманов, да? Маленьких карманов Перси. – Он поднялся, и манеры его внезапно изменились. – Ладно, Перси, с меня хватит. Я собирался немного помотать тебе нервы, попритворяться, что собираюсь здесь работать. Я не хотел позволять тебе, чтобы все здесь шло по-твоему, сладенько и гаденько, но пропади все пропадом – я сыт тобой по горло. Меня тошнит уже от того, что я нахожусь с тобой в одной комнате. Всю свою жизнь ты был отвратительной и ничтожной гнидой. Вечно шпионил, подслушивал, распускал слухи и мутил воду. И еще. У меня нет доказательств, но я всегда был уверен: чек, из-за которого заварилась вся каша, из-за которого меня отсюда вышвырнули, подделал ты. Подделка-то ни к черту не годилась, она вопила о себе во весь голос: я подделка! У меня была достаточно дурная репутация, и не мне было что-то всерьез доказывать, но я часто спрашивал себя: как же старик не понял, что реши я подделать его подпись, я бы уж постарался, чтобы от нее не разлило липой за целую милю.

Ланс продолжал бушевать, голос его зазвенел:

– Так что, Перси, играть в эту дурацкую игру я больше не собираюсь. Меня тошнит от этой страны, от делового Лондона. От мелких чиновничков вроде тебя, от их брючек в светлую полоску и черных пиджачков, от их вкрадчивых голосов, от их ничтожных финансовых делишек, замешанных на лжи. Мы разделим наш капитал, как ты и предлагал, и я с Пэт уеду в другую страну – туда, где можно свободно дышать, где ты не связан по рукам и ногам. Список ценных бумаг можешь составлять на свое усмотрение. Себе оставь самые гарантированные и самые надежные, что наверняка дадут тебе прибыль в два процента, три процента, а то и три с половиной. Мне отдай последние отцовские приобретения, сомнительные, как ты их называешь. Возможно, почти все они – выброшенные деньги. Но хотя бы одно или два дадут мне в конце концов такую прибыль, которую тебе никогда не получить на твои гарантированные три процента. Отец был хитрая бестия. Он не боялся рисковать, играть по-крупному. И иногда ему везло – прибыль составляла пятьсот, шестьсот, семьсот процентов! Я верю в отцовскую дальновидность и готов попытаться счастья. Что до тебя, мелкая душонка...

Ланс шагнул в сторону брата, но тот быстро ретировался за стол, поближе к инспектору Нилу.

– Ладно, – смягчился Ланс. – Трогать тебя не буду. Ты не хотел, чтобы я сюда внедрялся, – так тому и быть. Можешь быть доволен. – Он добавил, широкими шагами направляясь к двери: – Если желаешь, я согласен и на концессию «Дрозды». Против нас ополчились Маккензи – что ж, я уведу их

в Африку. – Уже в дверях он, круто повернувшись, сказал: – Месть после стольких лет – едва ли это похоже на правду. Но инспектор Нил, кажется, принимает эту версию всерьез – верно, инспектор?

– Чепуха, – сказал Персиваль. – Не может этого быть!

– Спроси его, – посоветовал Ланс. – Спроси, почему он у всех выведывает насчет дроздов и зерен в отцовском кармане.

Легонько постучав пальцем по верхней губе, инспектор Нил сказал:

– Вы помните летнюю историю с дроздами, мистер Фортескью? Тут есть над чем задуматься.

– Чепуха, – повторил Персиваль. – Об этих Маккензи бог знает сколько лет ничего не слышно.

– Тем не менее, – возразил Ланс, – я почти готов поклясться, что в наши ряды затесался кто-то из Маккензи. Подозреваю, инспектор того же мнения.

2

Инспектор Нил догнал Ланселота Фортескью, когда тот уже выходил на улицу.

Ланс улыбнулся ему – чуть застенчиво.

– Я совсем не собирался устраивать спектакль, – сказал он. – Но вдруг вышел из себя. Ну да ладно, рано или поздно все кончилось бы именно этим. Я сейчас встречаюсь с Пэт в «Савое». Нам с вами по пути, инспектор?

– Нет, я возвращаюсь в Бейдон-Хит. Но я хочу кое о чем вас спросить, мистер Фортескью.

– Да?

– Когда вы застали меня в кабинете, вы были удивлены. Почему?

– Наверное, я не ожидал вас там увидеть. Думал, что застану там Перси.

– А вам не сказали, что он уехал?

Ланс с любопытством взглянул на него.

– Нет. Мне сказали, что он у себя в кабинете.

– Понятно. Никто и не знал, что он уехал. Из кабинета ведет только одна дверь, зато из маленькой приемной еще одна дверь выходит прямо в коридор. Видимо, ею ваш брат и воспользовался, но странно, что вам ничего не сказала миссис Хардкасл.

Ланс засмеялся.

- Наверное, выходила за чашкой чаю.
- Да, да... скорее всего.
- А в чем, собственно, дело, инспектор?
- Просто задаю себе разные забавные вопросы, мистер Фортескью, вот и все.

Глава 24

1

В поезде по пути в Бейдон-Хит инспектор Нил пытался решать кроссворд в «Таймс», но результаты были на диво плачевными. Мысли его бродили где-то далеко. Да и новости он читал с рассеянным видом. Землетрясение в Японии, открытие залежей урана в Танганьике, труп моряка торгового флота около Саутгемптона, предстоящая забастовка докеров. Последние жертвы уличных грабителей, новое лекарство, чудесным образом исцеляющее от туберкулеза.

Эта обрывочная информация каким-то странным образом повлияла на работу его мозга. Он вернулся к кроссворду и мгновенно ответил сразу на три вопроса.

Пока он добирался до «Тисовой хижины», в его голове уже созрело решение. У сержанта Хей он спросил:

– Где эта пожилая дама? Еще здесь?

– Мисс Марпл? Да, здесь. Они с другой пожилой дамой, что наверху, теперь не разлей вода.

– Понятно. – Выдержав паузу, Нил спросил: – Где она сейчас? Я хотел бы ее видеть.

Через несколько минут появилась мисс Марпл, лицо ее покраснелось, дыхание было прерывистым.

– Вы хотели видеть меня, инспектор Нил? Надеюсь, что не заставила вас ждать. Сержант Хей не сразу меня нашел. Я была на кухне, болтала с миссис Крамп. Я ее как раз поздравляла: до чего мастерица, какая выпечка получилась! А вчерашнее суфле – просто пальчики оближешь! Знаете, я всегда считала, что к делу нужно переходить постепенно. Вы со мной согласны? Понимаю, у вас все сложнее. Вам особенно некогда ходить вокруг да около, приходится свои вопросы задавать сразу. А у такой старушки, как я, времени, само собой, хватает, от нас даже и ждут всякой пустопорожней болтовни. Ну а путь к сердцу поварихи лежит, как говорится, через ее выпечку.

– А на самом деле, – уточнил инспектор Нил, – вы хотели поговорить с ней о Глэдис Мартин.

Мисс Марпл кивнула:

– Да. О Глэдис. Что ж, миссис Крамп мне много чего рассказала о Глэдис. Не в связи с убийством, нет. Так, вообще. Чем она жила в последнее время, о каких диковинах рассказывала. Не в том смысле, что о странностях. Просто о чем заводила разговор.

– И что, – спросил инспектор Нил, – вы почерпнули много полезного?

– Да, – заявила мисс Марпл. – Я именно почерпнула много полезного. Я бы даже сказала, что возникла некоторая ясность. А у вас?

– И да и нет, – уклончиво ответил инспектор Нил.

Сержант Хей уже вышел из комнаты. Это хорошо, отметил про себя инспектор Нил, ибо то, о чем он собирался сейчас поведать, было, мягко говоря, не совсем тривиальным.

– Слушайте внимательно, мисс Марпл, – начал он. – Я хочу с вами серьезно поговорить.

– Да, инспектор Нил?

– В какой-то степени, – признал инспектор Нил, – мы с вами представляем разные точки зрения. Не буду скрывать, мисс Марпл, что в Скотленд-Ярде я о вас кое-что слышал. Вы ведь там достаточно известны.

– Ну, не знаю, – зарделась мисс Марпл, – как-то получается, что я встречаю в дела, которые меня не касаются, – что правда, то правда. Я имею в виду всякие преступления или необычные истории.

– В общем, у вас там солидная репутация, – сообщил инспектор Нил.

– Это наверняка сэр Генри Клитеринг, – предположила мисс Марпл. – Мой старинный друг.

– Как я уже сказал, – повторил Нил, – мы с вами представляем разные точки зрения. С некоторой натяжкой одну из них можно назвать осмысленной, а другую – бессмысленной.

Мисс Марпл чуть склонила голову набок.

– Интересно, инспектор, что вы имеете в виду?

– Видите ли, мисс Марпл, на происходящие события можно смотреть исходя из здравого смысла. Кое-кому это убийство выгодно. Я бы сказал, одному человеку особенно. И второе убийство выгодно ему же. Про третье убийство можно сказать – убийство на всякий случай.

– Но какое из них вы называете третьим? – поинтересовалась мисс Марпл.

Глаза ее – яркая фарфоровая голубизна – проницательно взглянули на инспектора. Он кивнул:

– Да. Возможно, вы правы. Знаете, когда помощник комиссара разговаривал со мной об этих убийствах, что-то в его словах показалось мне ошибочным. Именно это – последовательность событий. Я, конечно,

думал о детской считалочке. Король в конторе, королева в зале, служанка вешала белье.

– Вот! – воскликнула мисс Марпл. – Если следовать считалочке, Глэдис должны были убить после смерти миссис Фортескью, так? А ведь ее убили раньше?

– Думаю, что да, – сказал Нил. – Я почти в этом уверен. Тело ее нашли только поздним вечером, и трудно сказать, давно ли она была мертва. Но я считаю, что ее убили где-то около пяти часов, иначе...

– Иначе, – подхватила мисс Марпл, – она бы успела занести в библиотеку второй поднос?

– Именно. Она занесла поднос с чаем, принесла в холл второй, и тут что-то произошло. То ли она что-то увидела, то ли что-то услышала. Что именно – вот вопрос. Может, это был Дюбуа, спускавшийся по лестнице из комнаты миссис Фортескью. А может, через боковую дверь вошел молодой человек Элейн Фортескью, Джералд Райт. Кто бы это ни был, он выманил ее в сад, а поднос так и остался в холле. После этого смерть, мне кажется, нашла ее быстро. Ведь на улице было холодно, а ее форменная одежда совсем тонкая.

– Вы совершенно правы, – согласилась мисс Марпл. – «За дворцом служанка вешала белье» – это не получалось с самого начала. Развешивать белье вечером она бы не стала и в любом случае обязательно накинула бы на себя пальто. Нет, все это был камуфляж, как и прищепка, чтобы подогнать под стишок.

– Вот, – согласился инспектор Нил. – Тут и начинается бессмыслица. Тут наши с вами взгляды пока расходятся. Переварить этот детский стишок я... просто не могу.

– Но почему, инспектор? Ведь именно так все и произошло.

– Так, да не так, – проворчал Нил. – Последовательность-то нарушена. Из стишка ясно следует, что третьей должны убить служанку. А у нас с вами третьей убили королеву. Адель Фортескью была убита между двадцатью пятью минутами шестого и без пяти шесть. А Глэдис, по идее, к тому времени уже была мертва.

– Тут и возникает заковыка, да? – спросила мисс Марпл. – Несовпадение со считалочкой?

Инспектор Нил пожал плечами.

– Возможно, мы чересчур придираемся. Все смерти условиям считалочки отвечают, наверное, другой цели убийца себе и не ставил. Но пока я рассуждаю так, мисс Марпл, будто стою на вашей точке зрения. А сейчас охарактеризую дело со своей. Дроздов, рожь и все прочее – побоку.

У меня на вооружении – трезвые факты, здравый смысл и причины, ради которых психически нормальные люди совершают убийства. Итак, смерть Рекса Фортескью и кому она выгодна. Выгодна она многим, но прежде всего его сыну, Персивалю. В то утро Персиваля в «Тисовой хижине» не было. Положить яд отцу в кофе или во что-то другое, съеденное отцом на завтрак, он не мог. По крайней мере, поначалу мы так считали.

– Ага. – Глаза мисс Марпл ожили, засветились. – Значит, с ядом все было не так просто. Знаете, я много думала о том, как его все-таки отравили, кое-что даже придумала. Но никаких улик или вещественных доказательств, конечно, нет.

– Расскажу вам все как есть, не вижу нужды скрывать. Токсин подмешали в новую банку мармелада. Ее поставили на стол, и мистер Фортескью за завтраком съел верхний слой. Позже эту банку кто-то выбросил в кусты, а в буфетную поставил точно такую же, причем верхний слой мармелада тоже был срезан. Банку в кустах нашли, у меня есть результаты анализа. В ней обнаружены следы токсина.

– Вот, значит, как, – пробормотала мисс Марпл. – Что ж, все легко и просто.

– У «Консолидейтед инвестментс», – продолжал Нил, – дела шли из рук вон плохо. Забери Адель Фортескью сто тысяч фунтов, которые завещал ей муж, фирма, скорее всего, просто обанкротилась бы. Переживи мисс Фортескью мужа хотя бы на месяц, деньги пришлось бы платить. Проблемы фирмы ее мало интересовали. Но пережить мужа на месяц ей не довелось. Она умерла, и предназначенные ей деньги перешли к тому, кто унаследовал все имущество, очищенное от долгов и завещательных отказов. Другими словами, опять-таки к Персивалю Фортескью.

Всюду Персиваль Фортескью, – не без огорчения продолжал инспектор. – Ну, допустим, подложить отраву в мармелад он как-то мог, но отравить свою мачеху или задушить Глэдис – исключено. По словам его секретарши, в пять часов он был в своем лондонском кабинете, а здесь появился только около семи.

– То есть проделать все это ему было бы трудновато? – спросила мисс Марпл.

– Трудновато? Я бы сказал, невозможно, – мрачно заключил инспектор Нил. – Другими словами, Персиваль тут ни при чем. – Забыв о сдержанности и благоразумии, о своей слушательнице, он произнес это с горечью. – Куда я ни иду, куда ни поворачиваюсь, везде натываюсь на одного человека. Персиваль Фортескью! Но совершить этого Персиваль Фортескью не мог. – Чуть успокоившись, он заметил: – Впрочем, есть и

другие варианты, другие люди, у которых мотив ничуть не хуже.

– Мистер Дюбуа, разумеется, – быстро предложила мисс Марпл. – И молодой мистер Райт. Согласна с вами, инспектор. Если видишь, что кто-то может здорово нажиться, тут надо быть начеку. Доверчивость в таких случаях – не лучшая помощница.

Против воли инспектор улыбнулся.

– Всегда предполагаете худшее, да? – спросил он.

Подобная доктрина как-то не вязалась с этой милейшей, хрупкой с виду пожилой дамой.

– О да, – с жаром заверила его мисс Марпл. – Я всегда верю в худшее. И, как это ни грустно, часто оказываюсь права.

– Ну что ж, – сказал инспектор Нил, – давайте предполагать худшее. Это мог сделать Дюбуа, это мог сделать Джералд Райт (при условии, что он был в сговоре с Элейн Фортескью и отраву в мармелад подложила она), это могла сделать и миссис Персиваль, почему нет? Она ведь была на месте преступления. Но ни один из тех, кого я сейчас назвал, нас не устраивает, если исходить из вашей «бессмыслицы». Эти люди не имеют отношения ни к дроздам, ни к зернышкам в кармане. Не исключаю, что ваша теория верна, тогда круг наших поисков сокращается до минимума. Миссис Маккензи уже несколько лет пребывает в психиатрической лечебнице. При всем желании она не могла добраться до банок с мармеладом или подложить цианид в чай, что подавался в гостиной. Ее сын Дональд погиб в Дюнкерке. Остается дочь, Руби Маккензи. И если вы правы, если эта цепь убийств восходит к давней истории на шахте «Дрозды», – тогда Руби Маккензи должна быть здесь, в этом доме, и есть только один человек, под чьим именем она может скрываться.

– Мне кажется, вы чересчур категоричны, – высказала свое мнение мисс Марпл.

Инспектор Нил словно и не услышал.

– Только один человек, – мрачно повторил он. Затем поднялся и вышел из комнаты.

Мэри Доув сидела в своей комнате. Комната была небольшая, меблированная без излишеств, но довольно удобная. Когда инспектор Нил постучал в дверь, Мэри Доув подняла голову от книги расходов и своим четким голосом сказала:

– Войдите.

На пороге появился инспектор.

– Садитесь, инспектор. – Мисс Доув указала на кресло. – Подождите минутку, ладно? Счета торговца рыбой что-то не сходятся с общей суммой, мне нужно их проверить.

Инспектор Нил молча наблюдал за тем, как она переписывает цифры в колонку. Какое поразительное спокойствие, какое самообладание. Откуда такая уверенность в себе? Что за ней прячется? Он попытался найти в ее чертах сходство с женщиной, коротавшей свои дни в лечебнице «Пайнвуд». Цвет волос, цвет лица – пожалуй, а вот в самом лице ничего схожего как будто нет. Наконец Мэри Доув подняла голову от счетов и сказала:

– Да, инспектор? Чем могу быть полезной?

Инспектор Нил мягко произнес:

– Видите ли, мисс Доув, в деле, которое я расследую, есть довольно странные обстоятельства.

– Да?

– Во-первых, не ясно, откуда в кармане мистера Фортескью оказались зерна.

– Я сама очень удивлена, – призналась Мэри Доув. – Лично я никак не могу это объяснить.

– Настораживают и дрозды. Кто-то подбросил четырех дроздов на стол мистеру Фортескью, каким-то образом дрозды оказались и в пироге вместо телятины и ветчины. Обе эти истории случились при вас, мисс Доув, если не ошибаюсь?

– При мне. Сейчас вспомнила. Все были страшно огорчены. Такой бессмысленный, зловердный поступок, тем более тогда.

– Ну, может, не такой и бессмысленный, мисс Доув. Вам что-нибудь известно о шахте «Дрозды»?

– Нет, никогда не слышала.

– Вы сказали, что вас зовут Мэри Доув. Это ваше подлинное имя?

Мэри Доув приподняла брови. В ее голубых глазах явно появилась настороженность.

– Какой занятный вопрос, инспектор. Вы намекаете на то, что Мэри Доув – не мое подлинное имя?

– Именно, – любезным тоном подтвердил инспектор Нил. – Я намекаю на то, что ваше подлинное имя – Руби Маккензи.

Она уставилась на него. На минуту лицо ее словно застыло, не отражая ни протеста, ни удивления. Скорее всего, решил инспектор Нил, она лихорадочно что-то просчитывает. После долгой паузы она сказала

спокойным бесстрастным голосом:

- И чего вы от меня ждете?
- Я прошу вас ответить. Вы Руби Маккензи?
- Я уже говорила, что меня зовут Мэри Доув.
- Вы можете это доказать, мисс Доув?
- Какое доказательство вас устроит? Свидетельство о рождении?
- Не факт. Возможно, свидетельство о рождении Мэри Доув у вас есть.

Подлинная Мэри Доув могла быть вашей подругой, могла давно отдать богу душу.

– Да, вариантов хоть отбавляй. – Голос ее снова зазвучал насмешливо. – Задача у вас не из легких, инспектор, не позавидуешь.

– Не исключено, что вас опознают в лечебнице «Пайнвуд», – предположил Нил.

– В лечебнице «Пайнвуд»? – Мэри Доув снова подняла брови. – Что это за лечебница и где она находится?

– Полагаю, мисс Доув, вам это прекрасно известно.

– Представьте, понятия не имею.

– И вы категорически отрицаете, что вы – Руби Маккензи?

– По-моему, мне вообще не нужно ничего отрицать. Вы знаете не хуже меня, инспектор: доказать, будто я какая-то там Руби Маккензи, – это ваша проблема. – В ее голубых глазах теперь уже явно обозначилась насмешка, насмешка и вызов. Глядя прямо в глаза собеседнику, Мэри Доув отчеканила: – Да, инспектор, это ваша проблема. Докажите, что я Руби Маккензи, если вам это удастся.

Глава 25

1

– Вас ищет старая сплетница, – сообщил сержант Хей заговорщицким шепотом, когда инспектор Нил спустился по лестнице. – Похоже, ее распирает от новостей.

– Дьявольщина, – выругался инспектор Нил.

– Да, сэр, – не моргнув глазом подтвердил сержант Хей.

Он уже собрался уйти, но инспектор Нил окликнул его:

– Хей, проглядите сведения, которые сообщила нам о себе мисс Доув, – где работала раньше и так далее. Все проверьте... да, я хотел бы уточнить еще кое-что. Займитесь этим сейчас же.

На листе бумаги он черкнул несколько строк и передал их сержанту Хею, который бодро отрапортовал:

– Займусь немедленно, сэр.

Проходя мимо библиотеки, инспектор услышал журчание голосов и заглянул внутрь. Искала его мисс Марпл, нет ли, сейчас она оживленно беседовала с миссис Персиваль Фортескью, а ее вязальные спицы деловито постукивали друг о друга.

До слуха инспектора Нила донеслось:

– ...я всегда считала, что быть медсестрой – для этого нужно призвание. Очень благородная, нужная людям работа.

Инспектор Нил тихонько прикрыл дверь. Мисс Марпл явно его заметила, но не подала виду.

Нежным, елейным голоском она продолжала:

– Я как-то сломала кисть, и мне прислали очаровательную сиделку. А после меня она ухаживала за сыном миссис Спэрроу, очень милым морским офицером. У них начался настоящий роман, да, и вскоре они обручились. Ах, какой это был роман! Они поженились и жили очень счастливо, у них родилось двое прелестнейших детей. – Мисс Марпл сентиментально вздохнула. – А болел он, между прочим, воспалением легких. При такой болезни многое зависит от ухода, верно?

– О да, – согласилась Дженнифер Фортескью, – при воспалении легких уход – это почти все. Конечно, новые лекарства творят чудеса, и за выздоровление уже не нужно вести изнурительную битву, как раньше.

– Не сомневаюсь, дорогая, что вы были прекрасной сиделкой, – заверила ее мисс Марпл. – И ваш роман начался именно так, да? Вы приехали сюда выхаживать мистера Персиваля Фортескью?

– Да, – подтвердила Дженнифер. – Да, так все и вышло.

По голосу не чувствовалось, что она рада продолжать беседу, но мисс Марпл не обратила на это никакого внимания.

– Понимаю. Выслушивать сплетни прислуги негоже, но, боюсь, старушенций вроде меня всегда интересуют дела домочадцев. Так о чем я говорила? Ах, да. До вас здесь была другая сиделка, верно? А потом ее отослали... что-то в этом роде. Наверное, легкомысленно относилась к своим обязанностям.

– Нет, легкомыслие тут ни при чем, – возразила Дженнифер. – У нее серьезно заболел отец или кто-то еще, и я приехала ее сменить.

– Понятно, – сказала мисс Марпл. – И вы полюбили друг друга и соединили свои сердца. Это так чудесно, так чудесно.

– Ну, не знаю, – усомнилась Дженнифер Фортескью. – Мне так часто недостает... больничной палаты...

– Да, да, понимаю. Вы очень любили свою профессию.

– Тогда я этого не чувствовала, а сейчас как вспомню... уж больно жизнь у меня однообразная... Один пустой день, за ним другой, а Валь вечно занят на работе.

Мисс Марпл покачала головой.

– Мужчинам в наши дни лениться некогда, – сказала она. – О досуге и речи нет, даже если у тебя денег куры не клюют.

– А жене бывает так тоскливо, так одиноко. Иногда говорю себе: лучше бы сюда не приезжала, – призналась Дженнифер. – А в общем поделом мне. Незачем все это было.

– Что незачем, дорогая?

– Незачем было выходить за Валя. Да что там... – Она громко вздохнула, как бы ставя точку. – Давайте не будем больше об этом.

Мисс Марпл послушно заговорила о новой парижской моде.

– Спасибо, что не прервали наш разговор, – похвалила мисс Марпл инспектора Нила, постучав в дверь кабинета и получив приглашение войти. – Хотелось уточнить кое-какие мелочи. Правда, – огорченно добавила она, – закончить разговор не удалось.

– Извините, мисс Марпл, – на лице инспектора Нила появилась самая обаятельная из его улыбок, – если в прошлый раз я проявил бестактность. Позвал вас за консультацией, а сам почти рта не закрывал.

– Пустяки, – сразу откликнулась мисс Марпл. – Я тогда еще не была готова выложить карты на стол. Если уж я кого-то обвиняю, я должна быть абсолютно уверена в своей правоте. Уверена в душе. А сейчас я вполне уверена.

– В чем, мисс Марпл?

– Разумеется, в том, кто убил мистера Фортескью. Вы сказали мне про мармелад, и все сразу прояснилось. Стало ясно, как, кто, все вполне логично.

Инспектор Нил непонимающе моргнул.

– Извините, – сказала мисс Марпл, заметив его реакцию. – Увы, мне не всегда удается ясно выразить свои мысли.

– Я пока не вполне понимаю, мисс Марпл, о чем мы с вами говорим.

– Что ж, – решила мисс Марпл, – наверное, лучше начать с самого начала. Если, конечно, у вас есть время. Я изложу вам свою точку зрения. Видите ли, я здесь со многими поговорила, с пожилой мисс Рэмсботтом, с миссис Крамп, с ее мужем. Он, конечно, лгун, но это ничего, потому что, если ты знаешь про лгуна, что он – лгун, в итоге выходит то же самое. Но я хотела разобраться в телефонных звонках, в нейлоновых чулках и так далее.

Инспектор Нил снова моргнул: во что это он позволил себя втянуть? С чего ему взбрело в голову, что мисс Марпл будет весьма желанной, трезвомыслящей помощницей? Ну да ладно, хоть в голове у нее и каша, но не исключено, что кое-что полезное она выяснила. Все удачи инспектора Нила на избранном поприще были связаны с его умением слушать. И он приготовился слушать.

– Пожалуйста, мисс Марпл, рассказывайте, – предложил он, – только с самого начала, ладно?

– Конечно, – согласилась мисс Марпл. – Все началось с Глэдис. В том смысле, что сюда я приехала из-за Глэдис. И вы любезно позволили мне разобрать ее вещи. А когда я разобралась с нейлоновыми чулками, с телефонными звонками, сопоставила то и се, все стало совершенно ясно. В смысле про мистера Фортескью и токсин.

– У вас есть какая-то теория? – спросил инспектор Нил. – Насчет того, кто положил токсин в мармелад мистеру Фортескью?

– Это не теория, – сказала мисс Марпл. – Я знаю наверняка.

Инспектор Нил моргнул в третий раз.

– Конечно же, это сделала Глэдис, – заключила мисс Марпл.

Глава 26

Инспектор Нил пристально посмотрел на мисс Марпл, потом медленно покачал головой.

– Вы хотите сказать, – искренне поразился он, – что Глэдис Мартин умышленно убила Рекса Фортескью? Извините, мисс Марпл, но в это я просто-напросто не верю.

– Нет, убивать его она вовсе не хотела, – пояснила мисс Марпл, – но все-таки убила! Вы сами сказали, когда вы ее допрашивали, она нервничала и была расстроена. И вид у нее был виноватый.

– Но не такой, как у виновных в убийстве.

– Не такой, согласна. Я же говорю, она не собиралась никого убивать, но токсин в мармелад добавила. Она и понятия не имела, что это яд.

– Что же это, по ее мнению, было? – все еще пораженный, спросил инспектор Нил.

– Наверное, исповедальное снадобье, – сообщила мисс Марпл. – Очень интересно, знаете ли, и очень поучительно – что эти девушки вырезают из газет и хранят у себя. Круг их интересов, знаете ли, не меняется уже несколько столетий. Секреты красоты, чтобы привлечь внимание любимого человека. Всякое колдовство, магия, диковинные события. Сейчас все это свалено в одну кучу в разделе «Наука». Никто больше не верит в волшебников, никто не верит, что какой-нибудь чародей с волшебной палочкой возьмет и превратит тебя в лягушку. А вот если прочтешь в газете, что, пересадив железы, можно изменить твои жизненно важные ткани и развить лягушачьи черты, – поверишь. Глэдис прочитала в газете насчет исповедального снадобья и, разумеется, полностью ему поверила, когда он сказал: вот оно, это снадобье.

– Кто сказал? – не понял инспектор Нил.

– Альберт Эванс, – объяснила мисс Марпл. – Это, конечно, не настоящее имя. Но летом на курорте они действительно познакомились, он обольстил ее и, я думаю, рассказал какую-то историю о несправедливости, гонениях, что-то в этом роде. Во всяком случае, смысл был вот какой: Рекс Фортескью, в чем-то согрешивший, должен теперь покаяться и как-то возместить ущерб. Подробностей я, конечно, не знаю, но насчет сути уверена. Он уговорил ее устроиться сюда на работу, а в наши дни это проще простого – прислуги ведь не хватает, она все время меняется. Вот Глэдис и устроилась. Потом они договорились встретиться. Ведь в

последней открытке он так и написал: «Не забудь о нашей встрече». В назначенный день их план должен был сработать. Эванс дал Глэдис яд и велел подмешать его в верхний слой мармелада, чтобы мистер Фортескью съел его за завтраком. Эванс велел ей насыпать зерна в карман пиджака Фортескью. Не знаю, что он ей навывдумывал про зерна, но я вам с самого начала говорила, инспектор, что Глэдис – девушка очень доверчивая. Да представительный молодой человек ей хоть что наплети – она бы всему поверила.

– Продолжайте, – произнес ошеломленный инспектор.

– Видимо, Альберт выдал ей такую легенду, – развивала свою теорию мисс Марпл. – С утра Глэдис дает мистеру Фортескью исповедальное снадобье, через пару часов оно сработает, тут-то Альберт и придет к нему на работу, и мистер Фортескью во всем признается, и так далее, и тому подобное. Представляете, каково было этой бедняжке, когда она узнала, что мистер Фортескью умер.

– Но она бы не стала от нас скрывать, – усомнился инспектор Нил.

– Что она первым делом заявила на допросе? – быстро спросила мисс Марпл.

– «Я этого не делала», – ответил инспектор Нил.

– Именно! – торжествующе воскликнула мисс Марпл. – Неужели вы не понимаете, что ничего другого она и сказать не могла? Стоило Глэдис разбить какую-нибудь безделушку, она тут же заявляла: «Я этого не делала, мисс Марпл. Ведать не ведаю, как это вышло». Эти несчастные ничего не могут с собой поделать. Они что-то натворили и так этим расстроены, что на уме у них одно – лишь бы не наказали. Неужели вы думаете, что нервная молодая женщина, кого-то убившая, да еще без всякого намерения, так вам в этом и признается? С какой, интересно, стати?

– Да, – согласился Нил, – пожалуй.

Мысли его вернулись к разговору с Глэдис. Нервничает, чем-то расстроена, вид виноватый, глаза бегают – все как положено. Иногда эти признаки не значат ничего, а иногда – очень много. Едва ли ему следует винить себя в том, что он сделал неверный вывод.

– Возможно, – продолжала мисс Марпл, – первая ее мысль была простой: все отрицать. Потом она, видимо, попыталась как-то разобраться – в голове-то сумятица. Может, решила: Альберт не знал, что снадобье такое сильное, либо по ошибке дал ей слишком большую дозу. Может, хотела как-то выгородить его, найти объяснение. Стала ждать, что он с ней свяжется, и он, разумеется, связался. По телефону.

– Вам это известно? – быстро спросил Нил.

Мисс Марпл покачала головой:

– Нет. Это я домыслила. Но звонки в тот день были. Кто-то звонил, и когда к телефону подходил Крамп или его жена, трубку вешали. А как еще он мог поступить? Он звонил, пока трубку не взяла Глэдис, тогда он и договорился с ней о встрече.

– Понятно, – сказал Нил. – И вы считаете, что в тот самый день, на который они назначили встречу, Глэдис и была убита.

Мисс Марпл энергично закивала:

– Да, и тому есть подтверждение. Миссис Крамп права. Девушка надела свои лучшие нейлоновые чулки, лучшие туфли. Она явно готовилась с кем-то встретиться. Только ей никуда не надо было для этого ехать. В «Тисовую хижину» собирался нагрянуть он. Вот почему в тот день Глэдис все что-то высматривала, была сама не своя, какая-то заторможенная, опаздывала с чаем. И вот когда она внесла в холл второй поднос, Эванс, я думаю, окликнул ее от боковой двери. Она поставила поднос и вышла к нему.

– И он ее задушил, – докончил инспектор Нил.

Мисс Марпл поджала губы.

– На это нужно не больше минуты, – сказала она. – А рисковать он не мог – вдруг у нее развяжется язык? Вот и пришлось ей умереть – несчастной, глупой, доверчивой. А потом – он нацепил ей на нос прищепку! – Голос мисс Марпл задрожал от праведного гнева. – Чтобы все подогнать под стишок. Зерна, дрозды, контора, бутерброд и прищепка – лучшее, что он мог придумать для строчки «хватать за нос ее».

– Все кончится тем, что его спровадят в сумасшедший дом, и мы не сможем его повесить – потому что он сумасшедший! – медленно произнес инспектор.

– А я считаю, вы его очень даже повесите, – возразила мисс Марпл. – Он вовсе не сумасшедший, инспектор, ни на секунду!

Инспектор Нил строго взглянул на нее.

– Хорошо, мисс Марпл, вы изложили свою теорию. Да, да, хоть вы и говорите, что знаете наверняка, но это всего лишь теория. Вы утверждаете, что все эти преступления совершил человек, назвавший себя Альбертом Эвансом, он познакомился с Глэдис на курорте и использовал ее для своих целей. Этот Альберт Эванс хотел отомстить за старую историю, случившуюся на шахте «Дрозды». Наверное, вы считаете, что сын миссис Маккензи, Дон Маккензи, не умер в Дюнкерке. Что он до сих пор жив и все это – дело его рук?

К удивлению инспектора Нила, мисс Марпл энергично затрясла

головой.

– Ни в коем случае! – воскликнула она. – Ни в коем случае! Ничего такого у меня и в мыслях нет. Неужели вы не видите, инспектор Нил, что дрозды призваны навести вас на ложный след? Это просто отвлекающий маневр, и все. А вот дрозды, которых подкинули на стол в библиотеку, вложили в пирог, – те были настоящие. Их подбросил человек, знавший старую историю и жаждавший мести. Но месть заключалась лишь в том, чтобы испугать мистера Фортескью, лишить его уюта и спокойствия. Воспитать детей в такой ненависти, чтобы они вынашивали план мести и ждали, когда пробьет их час, – я что-то плохо в это верю, инспектор. В конце концов, у детей есть свои головы на плечах. Но если твоего отца кто-то одурачил и, может, даже оставил умирать – возможно, у тебя и возникнет желание сыграть злую шутку с человеком, который якобы все это сделал. Полагаю, так оно и произошло. А убийца этим воспользовался.

– Убийца, – повторил инспектор Нил. – Прекрасно, мисс Марпл, выкладываете ваши соображения насчет убийцы. Кто он?

– Вы не удивитесь, – сказала мисс Марпл. – Во всяком случае, не особенно. Как только узнаете, кто он – по моему мнению, разумеется, – вы сразу со мной согласитесь. Вы увидите, что он как раз и способен совершить эти убийства. Это здравый и одаренный человек, но для достижения своей цели не остановится ни перед чем. И совершил он эти убийства, конечно же, из-за денег, думаю, довольно больших.

– Персиваль Фортескью? – с мольбой в голосе спросил инспектор Нил, хотя уже знал, что ошибается. Картину, нарисованную мисс Марпл, едва ли сопоставишь с обликом Персиваля Фортескью.

– О нет, – сказала мисс Марпл. – Не Персиваль. Ланс.

Глава 27

1

– Этого не может быть, – отозвался инспектор Нил.

Откинувшись на спинку кресла, он с восхищением смотрел на мисс Марпл. Она была права – он действительно не удивился. Говоря «не может быть», он имел в виду невозможность физическую. Да, Ланс Фортескью соответствовал описанию мисс Марпл, ничего не скажешь. Но чтобы Ланс был ответом на все его вопросы... нет, такого инспектор Нил не мог себе представить.

Мисс Марпл чуть склонилась вперед и мягко, увещающе – так малому ребенку объясняют правила сложения и вычитания – стала излагать свою теорию.

– Понимаете, он был таким всегда. Я имею в виду, испорченным. Насквозь испорченным, хотя при этом всегда оставался привлекательным. Особенно для женщин. У него прекрасная голова, он не боится рисковать. Рисковал он всегда, а его обаяние делало свое дело – люди думали о нем лучшее, а не худшее. Летом он приехал сюда повидаться с отцом. Ни на секунду не верю, что отец писал ему или вызывал его – ведь вещественных доказательств этого у вас нет? – Она вопросительно смолкла.

Нил покачал головой:

– Нет, у меня нет доказательств того, что отец его вызывал. Есть письмо, которое Ланс якобы написал отцу. Но Ланс вполне мог подложить его в отцовские бумаги в тот день, когда приехал.

– Ловкий ход, – сказала мисс Марпл, кивнув. – Допускаю, он прилетел сюда, чтобы помириться с отцом, но мистер Фортескью на это не пошел. Ланс ведь недавно женился, до этого жил на скудное вспомоществование и наверняка что-то к нему добавлял разными нечестными способами. Больше такое его не устраивало. Он очень полюбил Пэт (милейшая, приятнейшая девушка), и его потянуло к респектабельной и оседлой жизни – хватит быть перекасти-полем, – а с его точки зрения, это значит – много денег. Приехав в «Тисовую хижину», он, должно быть, услышал об этих дроздах. Может, от отца. Может, от Адель. Он быстро сообразил, что в доме поселилась дочь Маккензи и убийство отца будет легко свалить на нее. Да, да, когда Ланс понял, что вытянуть желаемое из отца ему не удастся, он решил

хладнокровно его убить. Возможно, ему стало ясно, что отец... не вполне здоров, и он задумался: вдруг отец растратит все деньги? Ведь так можно и без гроша остаться.

– О болезни отца он знал, и даже очень хорошо, – заметил инспектор Нил.

– Ага... что ж, это многое объясняет. Сопоставив имя отца – Рекс – с подброшенными дроздами, Ланс изобрел способ убийства, решил подогнать его под считалочку. Пусть у всей этой истории будет безумная окраска – тогда обязательно выплывет старая угроза со стороны Маккензи. Заодно он избавится и от Адель, тогда сто тысяч фунтов не уйдут на сторону, останутся в семье. Но должен быть и третий персонаж: «За дворцом служанка вешала белье». Видимо, тут-то его коварный план и выстроился окончательно. Он заткнет рот безвинной соучастнице, не даст ей себя разоблачить. И главное: в результате всей комбинации у него будет чистейшее алиби по первому убийству.

Остальное было просто. Сюда он приехал со станции около пяти часов, как раз когда Глэдис со вторым подносом вошла в холл. Он подошел к боковой двери, увидел ее и окликнул. Задушить ее и оттащить тело за дом, где висели бельевые веревки, – на это понадобились три или четыре минуты. Потом он позвонил в звонок на входной двери, был впущен в дом, вместе с семьей выпил чай. Поднялся к мисс Рэмсботтом. Спускаясь от нее, он заглянул в гостиную, увидел, что Адель сидит там одна и допивает последнюю чашку, подсел к ней на диван и, пока они разговаривали, изловчился подсыпать ей в чай цианид. Это ведь не трудно. Кусочек белого вещества, вроде сахара. Допустим, он протянул руку к сахарнице, якобы вытащил оттуда кусочек и бросил в ее чашку. Потом хлопнул себя по лбу и сказал: «Ой, что же это я сахар бросил в вашу чашку, а не в свою?» Она могла ответить, что это пустяки, помешала в чашке ложечкой и выпила. Очень простое и дерзкое решение. А дерзости ему не занимать.

Инспектор Нил медленно произнес:

– По сути это возможно – да, возможно. Но я не вижу – действительно не вижу, мисс Марпл, – что он рассчитывал в итоге приобрести. Ведь мы знаем, что, не умри старый Фортескью, фирма вскоре бы обанкротилась. Неужели доля Ланса так велика, что ради нее можно пойти на тройное убийство? Не думаю. Я действительно так не думаю.

– Да, тут не все просто, – признала мисс Марпл. – Согласна. Это задачка. А скажите... – Она с сомнением взглянула на инспектора. – Скажите... я в финансовых делах мало смыслю... но настолько ли является правдой, что шахта «Дрозды» – выброшенные деньги?

Нил задумался. Обрывки разговоров, впечатлений, событий начали всплывать в его памяти, складываясь в общую картину. Ланс охотно соглашается забрать у Персиваля малоперспективные, а то и просто бросовые владения. Сегодня в Лондоне он сказал, что Персиваль может избавиться даже от шахты «Дрозды» и связанного с ней наваждения. Эта шахта – золотые прииски. Золотые прииски, но бесперспективные. Но так ли это? С неохотой Нил признался себе – скорее всего, да. Старый Рекс Фортескью едва ли ошибся бы в таком деле. А вдруг недавно проводились новые изыскания? Где она, эта шахта? Ланс сказал, что в Западной Африке. Да, но кто-то другой – не мисс ли Рэмсботтом? – говорил, что шахта находится в Восточной Африке. Ланс намеренно поменял восток на запад, чтобы ввести его, инспектора, в заблуждение? Мисс Рэмсботтом стара и забывчива, и все же не исключено, что права именно она, а не Ланс. Восточная Африка. Но ведь Ланс как раз оттуда и приехал. Может, у него есть какие-то новые сведения?

Внезапно в картинке-загадке, над которой ломал голову инспектор, на место встал еще один кусочек. Инспектор сидит в поезде и читает «Таймс». «В Танганьике обнаружены залежи урана». А если залежи урана обнаружены на территории бывших «Дроздов»? Тогда все сразу встает на свои места. Находясь поблизости, Ланс узнал о залежах урана одним из первых и понял, что это – целое состояние. Огромное! Инспектор вздохнул. Взглянул на мисс Марпл.

– И вы считаете, – укоризненно произнес он, – что мне удастся все это доказать?

Мисс Марпл закивала – так кивает тетушка, желая подбодрить толкового племянника, который идет сдавать серьезный экзамен.

– Докажете, – заверила она. – Вы, инспектор Нил, очень умный человек. Я это сразу поняла. Теперь, когда вы знаете, кто он, соберите улики, вещественные доказательства. К примеру, на курорте смогут узнать его фотографию. Интересно, как он объяснит, почему он жил там неделю под именем Альберта Эванса?

Да, подумал инспектор Нил, Ланс Фортескью – человек одаренный и, чтобы достичь своего, не остановится ни перед чем. Но разве можно идти на такое безрассудство? Да, он поступил чересчур опрометчиво. Вот мы его и прищучили. Ой ли? Инспектор Нил с сомнением взглянул на мисс Марпл.

– Все это, между прочим, чисто умозрительно, – сказал он.

– Да... но вы ведь уверены?

– Пожалуй. С людьми такого типа встречаться доводилось.

Пожилая дама кивнула:

– Да... уж больно типаж подходящий... потому уверена и я.
Нил с озорством взглянул на нее.
– Здорово знаете преступный мир?
– Нет, что вы. Просто такие милые девушки, как Пэт, всегда выходят замуж за мерзавцев. Вот я и обратила на него внимание.
– В душе я могу быть десять раз уверен, – сказал Нил, – но многое надо объяснить... к примеру, историю с Руби Маккензи. Готов поклясться, что...
Мисс Марпл перебила его:
– Вы совершенно правы. Но вы думаете о другой особе. Поговорите с миссис Перси.

2

– Миссис Фортескью, – обратился к Дженнифер инспектор Нил, – не назовете ли ваше девичье имя?
У Дженнифер от неожиданности раскрылся рот. Она явно испугалась.
– Нервничать не стоит, мадам, – успокоил ее инспектор Нил, – но правду лучше не скрывать. До замужества вас звали Руби Маккензи – я прав?
– Меня... а что... господи... а что плохого, если и так? – выдавила из себя миссис Персиваль Фортескью.
– Ровным счетом ничего, – заверил ее инспектор Нил и мягко добавил:
– Несколько дней назад я разговаривал с вашей матушкой в лечебнице «Пайнвуд».
– Она на меня очень сердится, – вздохнула Дженнифер. – Я к ней уже давно не езжу – стоит мне показаться, она только в ярость приходит. Бедная мамуля, вы не представляете, как она была предана папе.
– Воспитывая вас, она била на чувства, пыталась сделать из вас мстителей?
– Да, – сказала Дженнифер. – Она заставляла нас клясться на Библии, что мы никогда об этом не забудем и в один прекрасный день его убьем. Но как только я поступила в больницу и начала проходить практику, сразу поняла, что у нее не все в порядке с психикой.
– А вас саму, миссис Фортескью, не мучила жажда отмщения?
– Было такое. Ведь если разобраться, Рекс Фортескью убил моего отца! Нет, он его, конечно, не застрелил, не зарезал. Но я уверена: он оставил отца умирать. А разве это не одно и то же?

– С моральной точки зрения – да.

– Мне правда хотелось с ним поквитаться, – призналась Дженнифер. – И когда моя подруга стала выхаживать его сына, я упростила ее уехать и предложить вместо себя меня. Конкретных планов у меня не было... Клянусь, инспектор, убивать Рекса Фортескью я не собиралась никогда. Может, подспудно думалось – залечу его сына до смерти. Но профессиональная сиделка на такое просто не способна. Между прочим, вытащить Валя оказалось делом совсем не легким. Он привязался ко мне и сделал предложение... И тогда я подумала: что ж, это будет куда более здравая месть. Жениться на старшем сыне мистера Фортескью и заполучить назад деньги, которые он бесчестным путем выудил у моего отца. Я решила, так будет куда более здраво.

– Согласен, – признал инспектор Нил, – более здраво. А скажите, – добавил он, – дрозды на столе и в пироге – ваших рук дело?

Миссис Персиваль вспыхнула.

– Да. Это, конечно, была дурость... Но мистер Фортескью однажды расхвастался, как он, мол, дурачил простофиль, все из них высасывал и оставлял с носом. Нет, в рамках закона. И тогда мне захотелось... как следует его напугать. Напугала, да еще как! Уж зацепило его это за живое! – Она взволнованно добавила: – Но больше я не делала ничего! Честное слово, инспектор! Неужели вы... неужели вы всерьез думаете, что я кого-то убила?

Инспектор Нил улыбнулся.

– Нет, – сказал он, – этого я не думаю. Кстати, – добавил он, – вы недавно давали мисс Доув какие-то деньги?

Дженнифер обомлела:

– Откуда вы знаете?

– Мы много чего знаем, – сказал инспектор Нил, а про себя добавил: «И о многом догадываемся».

Дженнифер затараторила:

– Она пришла ко мне и сказала: вы подозреваете, что она – Руби Маккензи. И если я дам ей пятьсот фунтов, переубеждать вас она не будет. А узнай вы, что Руби Маккензи – это я, вы обвините меня в убийстве мистера Фортескью и моей мачехи. Мне пришлось из кожи вон лезть, чтобы достать эти деньги, – ведь Персивалю я ничего сказать не могла. Он не знает, кто я. Вот и продала обручальное кольцо с бриллиантом и очень красивое ожерелье – подарок мистера Фортескью.

– Не беспокойтесь, миссис Фортескью, – сказал инспектор Нил. – Надеюсь, ваши деньги мы вернем.

На следующий день инспектор Нил снова пригласил для разговора мисс Мэри Доув.

– Мисс Доув, – начал он, – вы не хотите вернуть пятьсот фунтов миссис Персиваль Фортескью?

Не без удовольствия он увидел: Мэри Доув вмиг преобразилась, надменность ее как рукой сняло.

– Эта дура вам все рассказала, – пробормотала она.

– Да. Шантаж, мисс Доув, – это довольно серьезное обвинение.

– Я бы не назвала это шантажом, инспектор. Боюсь, завести против меня дело о шантаже вам будет трудно. Просто я оказала миссис Персиваль услугу, и она считала себя моей должницей.

– Что ж, мисс Доув, если вы передадите деньги мне, мы оставим все как есть.

Мэри Доув достала чековую книжку, вытащила авторучку.

– Как это не вовремя, – сказала она со вздохом. – У меня сейчас туго с деньгами.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь искать новую работу?

– Да. Эта моих ожиданий не оправдала. Все сложилось очень неудачно.

Инспектор Нил согласно кивнул:

– Да, вы попали в сложное положение. Ведь в любую минуту мы могли заинтересоваться вашим прошлым, верно?

Мэри Доув, уже обретшая хладнокровие, чуть приподняла брови.

– Уверяю вас, инспектор, в моем прошлом темных страниц нет.

– Вы правы, – с улыбкой согласился инспектор Нил. – У нас нет против вас абсолютно ничего, мисс Доув. Правда, есть некое любопытное совпадение: три последних дома, где вы трудились столь блистательно, через три месяца после вашего ухода были ограблены. Воры были на диво хорошо осведомлены, где хранятся норковые манто, драгоценности и тому подобное. Любопытное совпадение, как вы считаете?

– Я считаю, инспектор, что в жизни случаются и не такие совпадения.

– Да, конечно, – не стал возражать Нил. – Случаются. Но они не должны случаться слишком часто, мисс Доув. Осмелюсь предположить, – добавил он, – что в будущем мы еще встретимся.

– Не сочтите за грубость, инспектор Нил, – сказала мисс Доув, – но я надеюсь, что встретиться нам не доведется.

Глава 28

1

Мисс Марпл разгладила рукой содержимое своего чемодана, подоткнула конец шерстяной шали и закрыла крышку. Оглядела спальню. Нет, кажется, ничего не забыла. Вошел Крамп и забрал вещи. Мисс Марпл заглянула в соседнюю комнату – проститься с мисс Рэмсботтом.

– Боюсь, – сказала мисс Марпл, – я не смогла в должной мере воздать вам за ваше гостеприимство. Остается надеяться, что когда-нибудь вы меня простите.

– Ха, – таков был ответ мисс Рэмсботтом.

Она, как водится, раскладывала пасьянс.

– Черный валет, красная дама, – пробурчала она, потом исподлобья поглядела на мисс Марпл. – Вы, наверное, выяснили, что хотели, – добавила она.

– Да.

– И наверное, все рассказали этому полицейскому инспектору? Что же, он сумеет изобличить виновного?

– Я в этом почти уверена, – сказала мисс Марпл. – Возможно, не сразу, но сумеет.

– Я ни о чем вас не спрашиваю, – продолжала мисс Рэмсботтом. – Вы – женщина проницательная. Я это сразу поняла, едва вас увидела. И совсем не ругаю вас за то, что вы сделали. Зло есть зло и подлежит наказанию. В этой семье дурная наследственность. Не по нашей линии, хвала господу. Да, моя сестра Эльвира была дурочкой. Но не более того.

Черный валет, – повторила мисс Рэмсботтом, указывая на карту. – Красивый, но на сердце у него черно. Этого я и боялась. Такое бывает – и знаешь, что грешник, а любишь. В чем, в чем, а в обходительности ему не откажешь. Даже вокруг меня увивался... Соврал про время, когда ушел от меня в тот день. Я спорить не стала, но сразу заподозрила – тут что-то нечисто... Чем дальше, тем больше... Но ведь он сын моей Эльвиры – как я могла его выдать? А вы, Джейн Марпл, истинная праведница, а правда должна восторжествовать. Только жену его мне жалко.

– Мне тоже, – поддержала ее мисс Марпл.

Пэт Фортескью ждала ее в холле – попрощаться.

– Обидно, что вы уезжаете, – сказала она. – Мне будет вас не хватать.
– Пора ехать, – проговорила мисс Марпл. – Дело, которое меня сюда привело, я сделала. Не сказать, что оно было... весьма приятным. Но зло не должно побеждать – не должно, и все.

Пэт озадаченно посмотрела на нее:

– Я вас не понимаю.
– Знаю, милая. Но когда-нибудь поймете. Осмелюсь дать вам совет: если что-то в вашей жизни пойдет не так, возвращайтесь в места, где счастливо прошли ваши детские годы. Возвращайтесь в Ирландию, милая. К скакунам и гончим. Ко всему, что вам дорого.

Пэт кивнула.

– Иногда я думаю: жаль, что не вернулась в Ирландию, когда умер Фредди. Но тогда, – голос ее смягчился, – я бы не встретила Ланса.

Мисс Марпл вздохнула.

– Знаете, а мы решили здесь не оставаться, – сообщила Пэт. – Как только все прояснится, мы возвращаемся в Восточную Африку. Я так рада.

– Благослови вас господь, милое дитя, – сказала мисс Марпл. – Идти по жизни – для этого требуется немало мужества. Думаю, у вас оно есть.

Она легонько похлопала девушку по руке и вышла через парадную дверь. У ворот ее ждало такси.

2

Вечером того же дня мисс Марпл добралась домой. Китти, последняя выпускница приюта Сент-Фейт-Хоум, открыла ей дверь, сияя от радости.

– Мисс, я вам на ужин селедку приготовила. Я так рада, что вы вернулись. В доме – чистота и порядок. Я тут генеральную уборку закатила.

– Замечательно, Китти, я тоже очень рада, что вернулась.

А под карнизом, между прочим, – шесть паучьих пряж, подсчитала мисс Марпл. Ох эти девушки, казалось бы, чего проще – поднять голову! Ну да ладно, все-таки человек старался. И мисс Марпл смолчала.

– Мисс, ваши письма на столе в холле. А одно из них по ошибке залетело в Дейзи-Мид. Частенько такое случается. Названия-то похожи. Дейн и Дейзи, а почерк такой корявый, что я и не удивилась вовсе. Хозяева куда-то уехали, дом запечатали наглухо. А теперь вернулись, вот письмо сразу и переслали. Говорят, мол, надеемся, ничего в нем нет такого важного.

Мисс Марпл решила проглядеть почту. Письмо, о котором говорила Китти, лежало сверху. Неверные каракули пробудили в памяти мисс Марпл какие-то воспоминания... Она надорвала конверт.

*«Дорогая мадам,
извините что решилася вам написать, но я совсем запуталась а ничего дурного у меня и в мыслях не было. Дорогая мадам, вы небось читали в газетах про убийство только я тут нипричем вернее не совсем, да разве я способна человека жизни лишить такое злодейство и он на это не способен как пить дать. Это я про Альберта. Извените что пишу без толково, но летом мы с ним познакомились и собрались пожениться да только у Берта нету таких прав, их у него отняли облапошил его этот мистер Фортескью который представился. А мистер Фортескью ни в какую мол знать ничего не знаю вот все ему и поверили, а Берту нет потому что он богатый, а Берт бедный. Но у Берта есть друг – он работает где делают новые лекарства и они там сделали исповедальное снадобье может вы про это читали в газете как кто его примет говорит правду хоть бы и ни хотел. 31 октября Берт хотел придти к мистеру Фортескью на работу и привисти с собой адвоката, а я должна была дать ему снадобье за завтраком и когда бы они пришли оно как раз бы сработало и он бы признался что Бертовы слова и есть самая чистая правда. Ну вот, мадам, я положила это снадобье в мармелад, а он взял и умер, а я уж думаю вдруг оно оказалось сильней чем надо только Берт тут нипричем он бы никогда ничего такого, но как же я скажу полиции вдруг они решат что он это нарочно, а он не нарочно я же знаю. Ой, мадам, прямо не знаю что делать как быть а полиция ходит по дому, да все вынюхивает, да выпрашивает, да строго смотрит какой кошмар что же делать и Берт то же не звонит. Ой, мадам, вот бы вы приехали, да помогли мне вас бы они послушали вы ведь ко мне совсем сердцем я же помню, а ничего плохого я не хотела и Берт то же. Вот бы вы приехали, да вызволили нас из беды. Остаюсь уважающая вас*

Глэдис Мартин».

Р. S. Прилагаю фото нас с Бертом. Один парень щелкнул нас

на курорте и мне отдал. Берт и не знает что оно у меня есть – сниматься не любит. Но вы же сами видите, мадам, какой он симпатичный».

Мисс Марпл, поджав губы, перевела взгляд на фотографию. Девушка и молодой человек смотрели друг на друга. На ее лице – трогательное обожание, рот чуть приоткрыт, а рядом – темноволосый, красивый, улыбающийся Ланс Фортескью.

Последние слова трогательного письма услужливо всплыли в памяти:

«Вы же сами видите, какой он симпатичный».

На глаза мисс Марпл навернулись слезы. Но тут же и высохли – ведь это же убийца, бессердечный убийца!

А потом жалость и гнев смыло волной гордости – так торжествует ученый, восстановивший облик доисторического животного по обломку челюстной кости и скудному рядку зубов.

notes

Примечания

1

Старшина, старейшина (*фр.*).

Гросвенор – площадь в центре Лондона, где расположены дипломатические представительства нескольких стран.

Испанское семейство, жившее в Италии (XV–XVI вв.), имевшее репутацию отравителей.

Воздушные бои над Великобританией в 1940–1941 гг.

Организация по охране исторических памятников,
достопримечательностей и живописных мест.

Перевод В. Лунина.

11 ноября, в этот день на улицах собирают пожертвования в пользу инвалидов войны, а в обмен раздают искусственные маки.